Ежегодник МГП

Плеяда

© Коллектив современных авторов:
Литературный альманах-ежегодник «Плеяда».
Выпущено под патронажем
Международной гильдии писателей
International Guild of Writers
Internationale Schriftstellergilde
www.ingild.com

Германия: stella 2021; 286 стр.
Все права защищены.
Редактор-составитель: Л. Баумгартен.
© Дизайн: В. Цветков.

© Verlag „STELLA“
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
artstellapro@gmail.com
Tel. +491743840306

ISBN 978-3-95772-258-4

Verlag „STELLA“
Deutschland
2021

Ежегодник МГП

Плеяда

Для чего люди пишут?

Хотелось бы ответить на вопрос просто и без изысков, хотя почему-то в голову приходит абсолютно другое – мы привыкли судить о писателе как своеобразном рупоре своего времени. Вспомним советские времена, из которых вышли многие современные писатели. Писатели – казавшиеся всем другим, в том числе сопричастным к ним, почти небожителями, это была высшая каста, о которой Иосиф Сталин говорил так: «Писатели – инженеры человеческих душ». Вообще-то эта фраза принадлежит Юрию Олеше, но крылатой она стала именно благодаря Сталину. «Производство душ важнее производства танков», – утверждал Сталин.

Совершенно очевидно, что он верил в то, что литература является могущественным инструментом политики – и потому был готов даже казнить тех писателей, чьи работы считались предательскими по отношению к Советскому Союзу. Это может показаться бредовой идеей диктатора. Но вспомните слова бывшего руководителя секретных операций ЦРУ, произнесенные в эпоху холодной войны: «Книги отличаются от других средств пропаганды прежде всего тем, что одна-единственная книга может существенно изменить отношение читателя к окружающей его действительности, и по силе воздействия вряд ли что-то может сравниться с ней». Говоря о культуре, он называл книги «важнейшим орудием стратегической пропаганды». Впрочем, было ли когда иное отношение к литературе?

Литератор – он всегда на передовой, возможно, и не принимающий активных действий в тех или иных событиях, но их описывающий и размышляющий над

происходящим. Отсюда любовь или нелюбовь, признание или отторжение читательских масс.

Так почему же люди пишут? Такой или похожий вопрос задает себе практически каждый пишущий человек. Кто-то скажет – не писать не могу, оно само просится на бумагу; кто-то мечтает о славе и высоких гонорарах... Я же думаю: это дар божий и дан он каждому из нас – пишущих – неспроста. И при этом, как к любому дару, нужно относиться к умению говорить изящно с полной ответственностью, понимая свою миссию – владеешь словом, неси мысль и смысл, просвещай, рассказывай, сопереживай, но для этого наполнись и сам, чтобы было о чем вещать. Все остальное вторично. Так было, так есть и будет! Поэтому не вижу разницы между писателями прошлого и настоящего – мы в одной обойме, мы на передовой, мы там, где верят и доверяют слову.

А почему все-таки мы выбираем литературный труд? Джордж Оруэлл о своём выборе говорил так: «С самого раннего детства, возможно, лет с пяти-шести, я знал, что, когда вырасту, обязательно стану писателем. Лет с семнадцати и до двадцати четырех я пытался отказаться от этой мысли, хотя всегда сознавал, что изменяю своему подлинному призванию и что рано или поздно мне придется сесть и начать писать книги». Именно так Джордж Оруэлл начинает свое эссе «Почему я пишу» и далее приводит «четыре основных мотива, заставляющих писать».

1. **Чистый эгоизм.** Жажда выглядеть умнее, желание, чтобы о тебе говорили, помнили после смерти, стремление превзойти тех взрослых, которые унижали тебя в детстве, и т. д. и т. п.

2. **Эстетический экстаз.** Восприятие красоты мира или, с другой стороны, красоты слов, их точной организации. Способность получить удовольствие от воздействия одного звука на другой, радость от крепости хорошей прозы, от ритма великолепного рассказа.

3. **Исторический импульс.** Желание видеть вещи и события такими, каковы они есть, искать правдивые факты и сохранять их для потомства.

4. **Политическая цель**. Ведь даже мнение, что искусство не должно иметь ничего общего с политикой, уже является политической позицией.

Дженнифер Иган – автор популярных романов, обладательница Пулитцеровской премии, призналась, что перед каждой новой книгой ее терзают сомнения и страхи: «…Страшно тратить время и вкладывать силы в замысел, который пока не имеет четких очертаний, – даже жанр еще не определен. Страшно, что моя работа окажется невостребованной. Всякий раз боюсь услышать от издателей: „Мы не можем взять такую дикую прозу". Но что еще страшнее – они примут мою книгу, она увидит свет и не оставит в нем никакого следа».

На вопрос о том, зачем она пишет, Дженнифер отвечает: «Когда я не пишу, то чувствую, что чего-то в жизни не хватает. Если такое продолжается долго, становится только хуже, и я впадаю в депрессию. Не происходит что-то жизненно необходимое. Начинается медленное разрушение. Какое-то время я могу жить без сочинительства, но потом начинают неметь конечности. Со мной происходит что-то плохое, и я знаю это. И чем дольше жду, тем сложнее начать. Когда я пишу, особенно если все отлично получается, то живу в двух разных измерениях: в моей настоящей жизни, от которой я получаю большое удовольствие, и в совершенно ином ми-

ре, где существую я одна и о котором никто больше не знает».

Исабель Альенде на вопрос о том, зачем и как она пишет, отвечает: «Все книги я начинаю восьмого января. Вы даже не представляете, что такое для меня седьмое января… Это ад… Подхожу к компьютеру и просто стою перед ним. Подхожу и стою, потом снова подхожу и стою – и так до тех пор, пока не обнаружится присутствие музы». И тем не менее это не мешает ей писать. Все крупные произведения Альенде (18 романов) переведены на 35 языков; всего продано 57 миллионов экземпляров. «У меня всегда есть потребность рассказать какую-нибудь историю. Это своего рода одержимость. Каждая история – зерно внутри меня, которое начинает расти, расти, подобно опухоли, потом оно набухает, и рано или поздно мне приходится что-то с ним делать. Почему какая-то конкретная история? Не знаю. Не знаю даже в тот момент, когда приступаю к ней. Понимаю уже гораздо позже. Спустя годы я обнаружила, что рассказанные мною истории и истории, которые будут рассказаны, – все они определенным образом связаны со мной. Но когда я начинаю очередную книгу, то понятия не имею, куда она меня приведет».

Ну что ж… узнал ли кто себя в приведенных выше словах? Думаю, да.

Друзья мои, мы все одного замеса теста.

Пишите, творите, если есть что сказать – озвучьте.

Вы избранные!

И быть писателем – это не только честь, но мужество и отвага!

От редактора альманаха

Январь

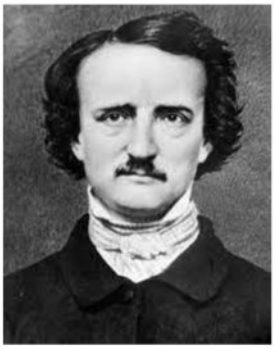
02.01.1981

Анна Подгорная

03.01.1892

Джон Толкин

					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31						



19.01.1809

Эдгар Аллан По

29.01.1860

Антон Чехов

Анна Подгорная

Поэт.

Родилась в Днепропетровске Украинской ССР (ныне Днепр, Украина). Сейчас живу в Израиле, в городе Нофха-Галиль. Работаю бухгалтером, в свободное время тружусь в благотворительном обществе – ухаживаю за пожилыми людьми. Гуманист и пацифист. Любящая и любимая дочь, жена русского байкера и мама чудесного мальчика. Люблю жизнь во всех ее проявлениях, нравится общаться с людьми, видеть их стремления и мотивы поступков, в этом черпаю образы для своих произведений. Аполитична. Часто шучу: «Kinder, Küche, Kirche». Люблю заниматься домом, кулинарией: от простого до многих сортов хлеба; занимаюсь садоводством.

На мой взгляд, миссия Женщины – созидание и наполнение положительной энергией своего Мужчины, семьи, дома; создание особенной атмосферы и праздника вокруг себя. Это не сложно. Главное стремиться: чистота, организованность и порядок, пара свечей на столе, капля духов, энергетическая и интеллектуальная наполненность себя – и мир вокруг уже заиграет новыми красками.

Люблю хорошую музыку: классическую, рок, ньюджаз. Считаю, что человек влияет на Судьбу и определенное количество его действий, способен воссоздавать лучшую версию себя. Искренне верю в Б-га.

Желаю моим читателям радости и осмысленности Бытия, крепкого здоровья, семейного благополучия, ярких событий и просто любить каждый свой день, наслаждаться минутами, отведенными на нашей Планете, оставить после себя Добро и Свет.

(Анна Подгорная, Израиль)

Контральто к Б-гу

Звучит так мощно контральто к Б-гу,
И воск оплавился на свече.
Я уезжаю. Мне вновь в дорогу.
Нехитрый скарб – чемодан вещей.
Опять уносит зеленый поезд
Меня в дорогу. Цыганский зов
В ней еле слышен /так слышат совесть/
Сквозь грешность судеб... Сквозь лязг оков.
Уходит снова дорога змейкой...
Так странно кружит хмельная жизнь...
И том Ахматовой-чародейки
Мне руки греет, шепча: «Держись!»
А поезд мчится. Несется в Вечность...
Кто знает, где сейчас едем мы?
Лишь Б-г ведет нас всех да беспечность.
Мы – машинисты своей судьбы.
Контральто к Б-гу звучит размыто,
В хор херувимов собой вплетясь...
Звучит так сердце. Оно разбито
На «до и после» да ипостась.

* * *

«Она курит крепкий и пьет горький»
Временами, Она весела...
Зрелость жизни прекрасна! Аромат стойкий
Chanel-и и нет числа
Бесконечным рифмам в ее голове...
Живет вопреки всему:
Болезни, проклятьям, злобной молве;
Верна лишь Ему одному.
«Она курит крепкий и пьет горький»,
И жизнь прекрасна вполне.
И любой в ней заметит искру Б-жью;
Жаль, Юность осталась вне...
И вся жизнь ее – то взлет, то паденье.
Иного не дано.
Видно, это Судьба, таково провиденье.
Как в старом одном кино –
Горсть земли лишь сожмет
ладошкой нежной. Вся сила ее в ней,
В вере в Б-г, в стихах ее, в сыне-крошке,
В убеждениях прежних дней.
«Она курит крепкий и пьет горький»,
Любовью Она живет.
Исцеляет свое больное сердце,
О Любимом песни поет.
И пускай говорят, что нет ее прежних,
Что где-то осталась весна...
Она вновь улыбнется улыбкой вешней,
Квартира гостями полна!
Муж приходит с работы, Его у порога
С теплом, как прежде, ждет...

«Ты вернулся, любимый, легка ль дорога?..
Обними и печаль пройдет!!!»
«Она курит крепкий и пьет горький»,
И любит она жизнь!
Черный кофе разбудит, аромат легкий...
Вера жива! Держись!
Ее мысли полны добром и светом,
Мечтами полна душа:
Путешествовать где-то теплым летом,
Пройти свой путь не спеша,
Улыбаясь толпе случайных прохожих
Где-то в городе, налегке,
Впечатления
новые впитывать кожей
С рукою в любимой руке.
Их окутает с Мужем теплый ветер
Новых чужих городов,
И запомнят они впечатления эти –
Обрывки своих снов.

И льда хватает, и огня...

Кровей так много было смешано,
Чтоб родилась однажды я...
От всех взяла я только лучшее...
И льда хватает, и огня...

Порою кто-то обижается
На гордость, вспыльчивость мою...
И нужно быть для всех «хорошею»,
А я неправду не люблю.

Меня так воспитал мой дедушка!
Прямолинейна – это факт.
И не люблю слова «выкручивать».
Поэтому не адвокат.

Что ж, кто-то кажется вам паинькой –
Дружите с ним. Ведь выбор ваш.
Я не могу для всех быть «заинькой»,
От кривды я впадаю в раж.

Мне 37. Имею право я
Сказать все то, что я хочу.
И пусть горька порой Судьба моя...
Но от души опять шучу.

Не всем дано любить Высоцкого.
Не всем понятен этот слог.

Вновь заведу по телефону я…
Как жаль, порою далеки.
Краснеет трубка телефонная…
Я на ночь почитаю Бродского…
С подругой новый диалог,
Рекой текут мои стихи…

Пусть не для всех живу понятною…
А, впрочем, можно с этим жить.
Нельзя для всех быть лишь «забавною»…
Нельзя предателей любить.

Я часто говорю: «Свободны вы».
Булгаков понял бы меня.
Как много крови здесь намешано…
И льда хватает, и огня.

Разговор с Б-гом

Б-г! Зачем Ты тогда оживил,
В том далеком 2008-ом?
Б-г! Зачем Ты тогда исказил
Безумьем мое лицо?!!
Почему я проснулась в палате той...
Ведь должна была отойти
В мир, где много любимых людей,
Но я продолжаю идти.
Б-г! Зачем Ты даешь мне свет?!!
Дай, как Мастеру, мне покой!
Б-г! Прости мне, что столько лет
Говорила, но не с Тобой...
Б-г! Зачем Ты даешь опять
Столько рифмы мне по утру?
Б-г! Позволь повернуть время вспять...
Гореть свечей на ветру.
Озарять любовью хрупкой своей
Того, кто со мной живет!
Б-г! Тебя благодарю
За этот особенный год!
Б-г! Прошу у Тебя опять:
Мира дай же моей стране!!!
Дай правителям глупость свою осознать,
Дай счастья Святой Земле!!!
Столько войн промчалось здесь за века,
Сколькой кровью умылась она!
Но вновь из нее проросли цветы,
Олива опять расцвела!

Наши парни покой ее берегут,
И девчонки наши в строю!
Им учиться б, любить, их дома ждут!!!
А они погибают в бою...
Мы в подвалах прячем наших детей
От Хамаса и Хизбалы...
И глаза их порой в стократ мудрей,
Чем у тех, из Завета и Каббалы...
Б-г! Прошу я Тебя вновь:
дай людям забыть
Про снаряды, Град, про войну!
Прекрати эту кровь!
Дай немного всем нам в любви пожить!!!
И снова встретить весну!!!

Джон Толкин

Писатель, переводчик, филолог.

Один из самых известных писателей, автор более двухсот различных публикаций (37 книг, 63 статьи, 121 перевод) и множества незавершённых работ. Наиболее известен как автор классических произведений «высокого фэнтези»: «Хоббит, или Туда и обратно», «Властелин колец» и «Сильмариллион». Эти книги породили сотни переводов, подражаний и продолжений и стали заметным явлением культуры XX века.

Толкин занимал должности профессора англосаксонского языка Роулинсона и Босуорта в Пемброк-колледже Оксфордского университета, английского языка и литературы Мертона в Мертон-колледже Оксфордского университета. Вместе с близким другом К. С. Льюисом состоял в неформальном литературоведческом обществе «Инклинги». 28 марта 1972 года был произведён в степень командора ордена Британской империи (CBE) королевой Елизаветой II.

В 2008 году британская газета The Times поставила Толкина на шестое место в списке «50 величайших британских писателей с 1945 года». В 2009 году американский журнал Forbes назвал его пятым в числе умерших знаменитостей с самым большим доходом.

Последняя песня Бильбо

Вдаль и вдаль ведут дороги
Сквозь туман, дожди и снег –
Через горные отроги,
К берегам подземных рек,

Под деревьями густыми,
По траве и по камням,
Над ущельями глухими
По разрушенным мостам.

Вдаль и вдаль ведут дороги
В ясный день и под луной.
Но однажды скажут ноги:
Поворачивай домой.

И глаза, что повидали
Кровь и смерть в долинах тьмы,
Видят вновь родные дали
И любимые холмы.

Эдгар Аллан По

Писатель, литературный критик.

Создатель формы классического детектива и жанра психологической прозы. Некоторые работы Эдгара По способствовали формированию и развитию научной фантастики, а такие черты его творчества, как иррациональность, мистицизм, обречённость, аномальность изображаемых состояний, предвосхитили литературу декадентства. Наиболее известен как автор «страшных» и мистических рассказов.

Эдгар По пытался зарабатывать исключительно литературной деятельностью, в результате чего его жизнь и карьера были сопряжены с тяжёлыми финансовыми трудностями, осложнёнными проблемой с алкоголем. За двадцать лет творческой деятельности Эдгар По написал две повести, две поэмы, одну пьесу, около семидесяти рассказов, пятидесяти стихотворений и десяти эссе, печатавшихся в журналах и альманахах, а затем собранных в сборники.

Несмотря на то, что при жизни Эдгар По был известен преимущественно как литературный критик, в дальнейшем его художественные произведения оказали значительное влияние на мировую литературу, а также космологию и криптографию. Он был одним из первых американских писателей, чья слава на родине значительно уступала европейской. Особое внимание его творчеству уделяли символисты, почерпнувшие из его поэзии идеи собственной эстетики. Эдгара По высоко оценивали Жюль Верн, Артур Конан Дойл, Говард Филлипс Лавкрафт, признавая за ним роль первопроходца в жанрах, которые они популяризовали.

Эльдорадо

Между гор и долин
Едет рыцарь один,
Никого ему в мире не надо.
Он все едет вперед,
Он все песню поет,
Он замыслил найти Эльдорадо.

Но в скитаньях – один
Дожил он до седин,
И погасла былая отрада.
Ездил рыцарь везде,
Но не встретил нигде,
Не нашел он нигде Эльдорадо.

И когда он устал,
Пред скитальцем предстал
Странный призрак и шепчет: «Что надо?»
Тотчас рыцарь ему:
«Расскажи, не пойму,
Укажи, где страна Эльдорадо?»

И ответила Тень:
«Где рождается день,
Лунных Гор где чуть зрима громада.
Через ад, через рай,
Все вперед поезжай,
Если хочешь найти Эльдорадо!»

Антон Чехов

Писатель, драматург, врач.

Классик мировой литературы. Почётный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности. Его произведения переведены более чем на сто языков. А его пьесы, в особенности «Чайка», «Три сестры» и «Вишнёвый сад», на протяжении более ста лет ставятся во многих театрах мира.

За 25 лет творчества Чехов создал более пятисот различных произведений, многие из которых стали классикой мировой литературы. Он придумывал новые ходы в литературе, чем сильно повлиял на развитие современного рассказа. Оригинальность же творческого метода Чехова заключается в использовании приёма под названием «поток сознания» (позже перенятого Джеймсом Джойсом и другими модернистами) и отсутствии финальной морали, так необходимой структуре классического рассказа того времени. Он не стремился дать ответы читающей публике, а считал, что роль автора заключается в том, чтобы задавать вопросы, а не отвечать на них.

К слову, помимо литературной и врачебной работы, Чехов придавал огромное значение благотворительной деятельности в сфере помощи голодающим, детям, крестьянам, туберкулёзным больным, он был Уполномоченным Правления Ялтинского благотворительного общества, организовывал сборы средств в пользу нуждающихся и регулярно публиковал в газетах тексты, посвящённые положению социально уязвимых групп населения в России.

Толстый и тонкий

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флердоранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком – его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом – его сын.

– Порфирий! – воскликнул толстый, увидев тонкого. – Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

– Батюшки! – изумился тонкий. – Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез. Оба были приятно ошеломлены.

– Милый мой! – начал тонкий после лобызания. – Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик третьего класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

– В гимназии вместе учились! – продолжал тонкий. – Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-

хо… Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе… А это моя жена, урожденная Ванценбах… лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

– Ну, как живешь, друг? – спросил толстый, восторженно глядя на друга. – Служишь где? Дослужился?

– Служу, милый мой! Коллежским асессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое… ну, да бог с ним! Жена уроки музыки дает, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берет десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведен столоначальником по тому же ведомству… Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось уже статский? А?

– Нет, милый мой, поднимай повыше, – сказал толстый. – Я уже до тайного дослужился… Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился… Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились… Длинный подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговки своего мундира…

– Я, ваше превосходительство… Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие, вельможи-с! Хи-хи-с.

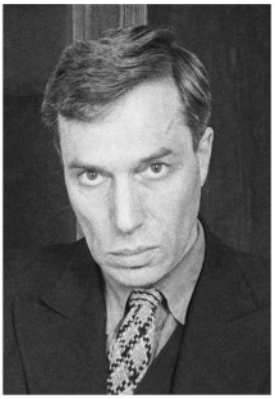
– Ну, полно! – поморщился толстый. – Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чинопочитание!

– Помилуйте… Что вы-с… – захихикал тонкий, еще более съеживаясь. – Милостивое внимание вашего превосходительства… вроде как бы живительной влаги… Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил… жена Луиза, лютеранка, некоторым образом…

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «Хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

Февраль



10.02.1890

Борис Пастернак

13.02.1769

Иван Крылов

	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28						

18.02.1931

Тони Моррисон

22.02.1947

Валентина Рогачева

Борис Пастернак

Писатель.

В детстве он мечтал стать композитором, сочинял и импровизировал на фортепиано. В юности хотел быть философом. Но судьба распорядилась иначе.

В 1946 году Пастернак начал писать роман «Доктор Живаго». Ольга Ивинская, работавшая тогда в одном из отделов журнала «Нового мира», передавала рукописи машинистке и та отпечатывала несколько экземпляров. Пастернак тут же раздавал их знакомым, а Ивинской говорил: «Ты не жалей, широко давай читать, кто бы ни попросил, мне очень важно – что будут говорить».

После выхода первых глав Ольгу Ивинскую арестовали, требовали рассказать, о чем будет роман, станет ли он оппозиционным. Ее осудили и отправили в лагеря, где она пробыла 4 года. В 1955 году Пастернак закончил роман. Однако советские редакции не спешили его печатать. О романе узнал итальянский издатель и предложил выпустить произведение. Пастернак согласился, и «Доктор Живаго» вышел в Италии.

Как бы не складывалась судьба Пастернака, несмотря на гонения внутри страны, его творчество высоко ценили за рубежом. В 1958 году на премию Нобеля Пастернака выдвинул французский писатель Альбер Камю. 23 октября 1958 года Шведский комитет присудил Пастернаку звание Нобелевского лауреата и премию с формулировкой «за выдающиеся заслуги в современной лирической поэзии и в области великой русской прозы». В этом же году «Доктор Живаго» был нелегально переиздан в Нидерландах на русском языке. Значительную часть этого тиража распространили в 1959 году на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене.

Нобелевская премия

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, все равно.

Что же сделал я за пакость,
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора –
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.

Иван Крылов

Поэт, баснописец.

Первая известная проба пера поэта и баснописца состоялась в 1784 году. Тогда Крылов написал оперное либретто «Кофейница». Далее были трагедии «Клеопатра» и «Филомела», а также комическая опера «Бешеная семья». Сатирический дар автора продолжает развиваться, и в 1789 году Крылов выпускает журнал «Почта духов», составленный как переписка гномов с волшебником Маликульмульком. Автор жестко критикует общественные пороки, но прикрывает эту критику фантастическим сюжетом. Журнал просуществовал всего восемь месяцев, а спустя несколько лет ему на смену пришел «Зритель» (позже переименованный в «Санкт-Петербургский Меркурий»).

Некоторое время Иван Крылов служил в имении Зубриловка князя Сергея Голицына в качестве секретаря и воспитателя его детей. Там же была им написана шуточная трагедия «Подщипа», напечатанная сначала за границей. Тут стоило бы отметить, что современники отзывались об Иване Крылове, как о человеке, наделенном множеством талантов, называя его и поэтом, и хорошим музыкантом, и математиком. Крылов не переставал учиться даже в очень преклонном возрасте, когда освоил древнегреческий язык. В творчестве же, пройдя разные этапы литературной работы, он нашел свое призвание лишь в 36 лет.

Ларчик

Случается нередко нам
И труд, и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться,
За дело просто взяться.
К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату Механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В Механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.
Потел, потел; но, наконец, устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

Тони Моррисон

Писатель.

Моррисон написала одиннадцать романов, несколько сборников эссе, пару пьес и либретто. Как у всякого опытного рассказчика, у писательницы есть свой любимый набор сюжетов: внутренняя мизогиния (героиня «Самых голубых глаз» мечтает о лазурной синеве, вместо своих карих глаз), нелюбовь к ближнему из-за цвета его кожи (так, в «Боже, храни мое дитя» мать отказывается от девочки из-за того что она слишком темная), удушливый, спертый воздух несвободы расовой сегрегации. Всемирная слава – а заодно Пулитцеровская премия по литературе, – пришла к Моррисон после публикации ее пятого романа «Возлюбленная» (1987). Основанный на реальных событиях, он рассказывает о рабыне Сэти, которая бежит с плантации вместе с двухлетней дочерью в свободный штат. За беглянкой отправляют четырех охотников за головами – почти что всадников Апокалипсиса. Не в силах сопротивляться расовому гнету, застигнутая врасплох Сэти решает убить ребенка – уж лучше умереть на свободе, чем всю жизнь прозябать в неволе.

В 1993 году Тони Моррисон стала первой афроамериканкой, получившей Нобелевскую премию по литературе. Тогда, зачитывая речь, написанную по случаю присуждения премии она сказала: «Мы умираем. Это может быть смыслом жизни. Но мы создаем язык. Это может быть мерой нашей жизни». Язык и, правда, был мерой ее жизни, благодаря которому ей удалось стереть демаркационную линию, черту, разделяющую мир на черное и белое.

Цитаты Тони Моррисон из книги «Возлюбленная»

«Мужчина – всего лишь мужчина, – говорила Бэби Сагз. – А вот сын – это и, правда, кое-что!»

Когда что-нибудь к жизни возвращается, всегда больно.

«Она мой сердечный друг, понимаешь? Она меня с земли поднимает, парень, возвышает. Вот будто берет те отдельные куски, из которых я состою, и делает меня целым, а потом возвращает меня мне самому. Знаешь, это так хорошо, когда у тебя есть женщина, которая тебе сердечный друг!»

И все-таки ему удалось отсрочить последний шаг, купить еще немного времени. Оставалось лишь надеяться, что цена не окажется непосильной. Как если заплатить за наступление еще одного дня монетой стоимостью в жизнь.

Замечательно попасть в такое место, где можно любить все, что пожелаешь, и не просить у кого-то разрешения на эту любовь. Что ж, может быть, это и называется свободой?

«Я не могу взять свои слова обратно, но могу больше никогда к этому не возвращаться», – сказал Поль Ди.

Смерть дает все, что угодно, только не забвение.

Валентина Рогачёва

Писатель.

«Кто я? Зачем пришла в этот мир?» – задаю вопрос. Ответ приходит и ускользает. Микрочастица Вселенной. Кто-то ведёт по жизни: помогает, предупреждает, присылает информацию в сновидениях. Благодарю Всевышнего Создателя, позволившего прийти на Планету Земля, жить под мирным небом, не видеть страшных испытаний, которые прошли мои деды и родители в годы войны.

Я думаю, что Всевышний меня прислал, во-первых, продлить род человеческий, во-вторых, накопить знаний и умений для Человечества, преображения и сохранения Планеты, в-третьих, служить Людям, их Величеству – Детям.

Родилась я в зимнюю послевоенную февральскую вьюгу голодного сорок седьмого года. Принимая роды, повитуха бабушка Настя, воскликнула:

«Дитя в рубашке! Счастливая девочка! Всем будет хорошо, кто рядом с ней будет».

Родители с утра до вечера на работе, а домашние дела – на старшей дочери: «Сегодня, дочка, оберёшь фасоль. Не забудь посыпать зерно курочкам и поставить водичку. В обед встретишь коровку, подоишь. Покормишь брата и сестру. Золушка ты наша!»

Получила высшее образование, состоялась как педагог и руководитель. Из выступления Валерии Григорьевны Великой, председателя областного Совета ветеранов труда: «Ваша трудовая биография – это пример благо-

родного служения людям, делу воспитания молодого поколения…»

Помощь родителям, братьям и сёстрам. Вырастила хорошими людьми сына, дочь, внучку. Воспитала талантливых учеников-последователей. Из письма ученицы Люси Хомяковой: «Поверьте, Валентина Ивановна, Вы были для меня самым близким взрослым другом… Вы, действительно, стали для меня таким человеком, с которого я всегда старалась брать пример, который стал моим идеалом».

Может, нескромно? Но факт.

Благодарю всех.

Желаю всем людям Земли мира! Добра! Любви!

(Валентина Рогачёва, Беларусь)

Март

01.03.1962

Баходыр Эргашев

08.03.1957

Эмма Прибыльская

10.03.1972

Наталья Шабло

	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31			

14.03.1990

Ольга Фокина

27.03.1953

Славка Мариновска

Баходыр Эргашев

Писатель.

Я пишу под псевдонимом Назар Шохин. Родился в Бухаре – древнем городе Узбекистана, где провел детство и юность. Сейчас живу в Ташкенте. Своим скромным достижениям в творчестве, считаю, обязан школе, ее учителям – людям, эвакуированным в город волею Второй мировой войны: они привили страсть к вольнодумству и литературе. Так уж получилось, что автором, оказавшим на меня сильное влияние, стал О'Генри.

Пишу с 1983 года. Сначала это были многочисленные литературно-критические статьи, затем наступил длительный перерыв, связанный с государственной службой. Смерть отца, шок от осознания скоротечности жизни стали импульсом для литературного творчества, в котором меня привлек один из самых сложных жанров – малая проза.

Считаю себя сыном многих культур, гражданином мира. Отсюда и выбор псевдонима, связанного с авраамическими религиями. С уважением отношусь к тем, кто черпает сюжеты для творчества во всемирной истории.

Две поездки за рубеж – в Японию, самую восточную страну Востока, и Великобританию, самую европейскую страну Европы, серьезно повлияли на мое мировоззрение.

Сегодня в моем литературном багаже более полутора десятков коротких рассказов, литературно-приключенческая повесть, а также переводы произведений зарубежных авторов и мемуары.

(Баходыр Эргашев, Узбекистан)

Тюбетейка... Сюзане...

В конце 1990-х у бухарского минарета с утра до вечера стала промышлять школьного возраста девочка. Она предлагала туристам тюбетейки и могла ответить на их расспросы аж на шести языках, постепенно став достопримечательностью не меньшей, чем сам минарет. Все бы шло как раньше, если б однажды черт не дернул девочку предложить поделку... самому мэру города. Причем она стала торговаться с незнакомым дяденькой почему-то на хинди.

Покойный ныне градоначальник очень любил детей и приказал после неожиданного происшествия «сделать так, чтобы девочка никогда не отлучалась от родителей».

Спешно прибывшие к ней домой работники мэрии ахнули: в маленькой комнатушке жила воспитывавшая троих детей безработная мать-одиночка, старший ребенок которой, – та самая девочка! – как оказалось, содержала своей немалой валютной выручкой всю семью.

Городские чиновники долго искали из этой ситуации безболезненный выход и наконец нашли: к семье приставили директора... мясокомбината. В продуктах мать и дети перестали нуждаться, в доме произвели ремонт, а дитё стало вновь посещать школу.

Прошло много лет. Где теперь эта девочка-полиглот, никто не знает, но местные ремесленники с тех пор научились предлагать свой товар тоже на шести языках, знают всех чиновников по имени-отчеству и уверены в своем счастливом материальном благополучии.

Эмма Прибыльская

Поэт, публицист.

Озеро-душа

1

Воплощён ты, а не заклят – отразиться небесам…
Я – озёрная до капли – в островочках и мысах.
Не вобрать простора оку – на него не хватит глаз.
Чёрным омутом глубоким? Глубока, не замутясь.

Кто в меня, как камень, канет, топором пойдёт ко дну.
Проясняю – и туманю, в даль влеку – и в глубину…
На хребте волны качаю: кто умеет – те бегут…
Ну, ныряй, потомок чаек, или грезь на берегу…

2

Зов собственной воды – зов собственного моря.
Из моря можно пить – не ведает краёв,
не знает немоты – и жаждою не морит:
естественно творит гребцов из муравьёв…

(Эмма Прибыльская, Беларусь)

Наталья Шабло

Поэт.

В своей стихии

Уж Ховрино объявлено давно,
А я застряла где-то там в Мытищах.
Листаю в голове своё кино,
И ветер из стихов над ухом свищет.
И ничего, что пусто в кошельке.
Зато какие россыпи в тетради!
Ах да, в айфоне, что в моей руке,
Простите за привычку, бога ради!
Забылась... На фантазии щедра
Ко мне присела городская Муза.
Бубнит стихи... И, будто из ведра,
Льёт дождь с небес, не ощущая груза
Воды и притяжения земли.
Как ширится во мне дождей орбита!
Я в плаванье пускаю корабли
Бумажные, не подавая вида,
Что нет иллюминаторов у них. –
Но разве для фантазий это важно?
В фарватере эскадры новый стих –
Эсминец цифровой, ах нет, бумажный!

(Наталья Шабло, Россия)

Ольга Фокина

Поэт.

Люблю этот мир!

Я люблю эту жизнь и мир!
И я верю в себя на старте.
И совсем не жалея сил,
Я добро всем дарю! Представьте,
Как бы скучно всем было жить,
Если б не было в мире счастья,
Если б мы не умели любить,
Замерзали б сердца без ласки.
Заряжаясь огнём добра
Для свершения цели глобальной,
Вы поверьте в себя до конца,
Вы поверьте, что всё реально!
Вы впустите в свой мир тепло,
Отпустите любые невзгоды.
И посаженный вами росток
Постепенно подарит всходы.
В мире станет светлей и добрей.
Негатив и обиды забудем.
Человек! Пробуждайся скорей!
Ведь мы ВСЕ в этом мире – люди.

(Ольга Фокина, Россия, г. Усть-Илимск)

Славка Мариновска

Писатель.

Я родилась в день театра – 27 марта, в деревне Славейно, революционное Оборище в горах Орфея, где каждая тропинка – учитель, а каждый дом – история. Я живу в Пловдиве. Мечтала о сцене, но что может быть абсурднее театра, чем государственная «Воля», с миллионами статистов? Я из поколения мостов, опущенных перед тайфуном времени, которое не встретило светлого будущего, а лишь катком перемен, гербарием своих иллюзий.

Боль Болгарии и маленького человечка в углу заострили мое перо. Моя спутница с самого раннего детства, она вырезала мой инструмент выражения, с помощью которого я иногда касаюсь неба, но чаще копаюсь в прозе. Я научилась ценить момент, движение и все, что есть Сегодня и Сейчас. Здесь, где пахнут розы, уровень хороший, но семя погибает от сорняков!

Случай поцеловал нас с судьбой 2 в 1, но отметил нас бездуховностью! Пиар, повернув пилон, обошел вокруг храма, и «слово утонуло в хитрости неорганических ПЛОТЬФОРМ». Сметенные властью под ковер, невинные люди дуют «ватой на палку» в жизни «секонд-хенд».

Без розовых очков я написала книги «Бессезонная женщина», «Апокрифиное чувство», «Изгнанное солнце», «Пурпурная утопия» и «Тихий поэт» (в соавторстве) на подошвах моей жизни.

По дороге мне повстречался бесчисленный клевер с четырьмя листьями, который я посвятила всем болгарам удачи!

(Славка Мариновска, Болгария)

Нет, не смотри на меня так!

Перевод с болгарского языка

Нет, не смотри на меня, не смотри так!
Далеко от себя, я другая – отличная...
Моя одежда, грим, макияж – китайская стена,
только внутри я настоящая до непристойности...
Только внутри я такая же древняя,
с цепями на несколько веков через плечо...
Не смотри на меня, мне нужен перевод,
а ты букв даже не знаешь
и претендуешь меня переводить?..
Только во мне без поводьев
лошади танцуют вольно вуалью,
те, которых не смогла объездить,
когда еще живой была;
только там у меня рай, умноженный на двести, –
гнездо, где о сне мечтаю и губ любимых жажду...
Ты не по моему мерилу – иди с Богом!
Ушита слишком тесно одежда твоей души!
Амазонки во мне, услышав звезд октав,
меняют на железо золотые караты...
Нет! Не смотри на меня! На меня нелегко смотреть –
особенно там, где прошли вихри и штормы;
испугают тебя моя серая и запутанная,
усталая Слава, осенний мой сад...
Мне нужно быть безличной и свежей.
Ежедневно – ни каблуков, ни макияжа – банально.
Свобода продана за европейские желтые центы,
И тошнит нас в канаве маргинальности...
Как все – я стану кроткой и мягкой...

Подписать перемирие с тобой – мир сумасшедший!
Затолкаю мою дикую-дикую норвежскую рысь – кота
чтоб спасти для перспективы...
чтобы сохранить верующего предателя –
свою жалкую-прежалкую жизнь.
Оценили меня родные приматы около цента «0»...
Как против ветра идти, если премьер – примат...
является Господом и матерью этой земли?..
Не смотри на меня! Я не встаю на просмотр!
В игре в шахматы с предварительной победой...
Тоже, что стоять на луне под гильотиной...
Думаю – не лучше ли мне отойти
от жизни или вообще сойти с пути?..

*(Больше узнать о творчестве автора
можно в приложении стр. 180)*

Апрель

05.04.1973

Григорий Гачкевич

13.04.1959

Галина Долгая

15.04.1953

Татьяна Бадакова

				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	

18.04.1948

Елена Ханина

20.04.1972

Светлана Романова

Григорий Гачкевич

Поэт.

Оптимист!

Не считаю грусть ошибкой,
Я на мир смотрю с улыбкой
И ищу без сожалений
Выход из своих сомнений.
Если скажут: дождик – серый,
Не поверю в это я.
Я считаю, что он белый!
Поглядите-ка, друзья!
Может быть, и наше солнце –
Чемпион среди светил –
Не даёт лишь свет в оконце,
А даёт ещё и сил?
Может, солнце – символ веры,
Что не вечен дождь и гром,
Что в природе чувство меры
Властно над любым дождём!
Так зачем мне ждать с тоскою
Невод с рыбкой золотою?
Посмотрев на мир с улыбкой,
Сам я стану этой рыбкой!

(Григорий Гачкевич, Республика Молдова)

Простая радость!

Недавно встретился с Собакой,
Давно знакомой. Во дворе
Собака слыла забиякой
И докучала детворе.
Но бросил я Собаке мячик,
И чудо вдруг произошло! –
Собака прыгает и скачет!
Внутри неё – одно тепло!
Ей не нужна была награда!
Хотелось ей весь мир обнять –
Была Собака просто рада,
Что с ней решили поиграть!

Мы летим по небу сами!

Голубыми небесами
С облаками-парусами
И в обнимку с чудесами
Мы летим с сестрёнкой сами!
Мы летим по небу сами
Над коровьими стадами!
Над полями и лесами!
Над цветами и садами!
Мы летим по небу сами,
Дружно дёргая ногами,
Над речными берегами!
Над зелёными лугами!
Мы летим по небу сами
С необъятными мечтами!
И хотя летим мы сами,
Скоро мы вернёмся к маме!

К дедушке!

Я поеду в гости к деду!
Как же этого я ждал!
Знаю, что, когда приеду,
Будет зоо-карнавал!
И такой своей удаче
Я, конечно, очень рад!
Ведь у дедушки на даче
У животных хит-парад!
Встретит там меня корова
«Машка – белые бока»!
И с дороги я парного
Выпью с пенкой молока!
После к кроликам зайду я,
У меня для них морковь!
В нос их нежно поцелую,
Ведь они – моя любовь!
Загляну я к поросятам,
Поприветствую свинью!
А потом воды утятам
В их корытце я налью!
Заскочу в курятник шумный
Петуху скажу: «Привет!»
До чего ж там гвалт безумный! –
Целый день покоя нет!
Но когда закату следом
Наш затихнет зоо-дом,
Сядем чаю выпить с дедом
На крылечке мы вдвоём!

(Больше узнать о творчестве автора можно в приложении стр. 204)

Галина Долгая

Писатель.

Школьницей я мечтала о звездах! Я и сегодня мечтательно смотрю в небо, будь оно в звездах или облаках. Но я никогда не думала, что моя мечтательность пробудит творческую фантазию, а любовь к природе родного края подтолкнет к стезе писателя. Я пишу с 2006 года. А до того за моими плечами прошла целая жизнь. В ней детство и родители, открывшие мне глаза на красоту среднеазиатских гор и степей; студенчество и занятия альпинизмом; создание своей семьи и рождение сыновей; работа программистом и туристический бизнес.

Путешествуя по Средней Азии, я набираюсь впечатлений, которые потом выплескиваются на страницы романов и рассказов. Так уж сложилось, что почти во всех моих работах описания природы помогают раскрыть основные черты героев, создать нужную атмосферу их отношений. Закаты и восходы становятся едва ли не самостоятельными персонажами, как и животные или цветы.

Обращаясь к истории родного края, я анализирую религии кочевых и оседлых народов, изучаю легенды и предания, мистическими штрихами вплетая их в свои повествования. На страницах моих книг древние города Средней Азии вновь наполняются жизнью; люди, жившие столетия и даже тысячелетия назад, снова любят и страдают, совершают поступки, вершат историю. Сегодня в моем архиве семь романов, десятки рассказов и повестей, стихотворения, очерки о путешествиях и статьи-размышления о том, что волнует.

(Галина Долгая, Узбекистан)

Татьяна Бадакова

Писатель.

О себе

Родилась на макушке весны,
Не калмыцкой, нежно-тюльпанной.
Край сибирский, смолистой сосны
Моей родиной стал нежданно.
Колыбельные пела тайга,
И баюкал суровый Иртыш.
Я порою бываю строга,
Ты поймёшь меня и простишь.
Как слились во мне, я не знаю,
Сердцу милые два уголка:
Степь, что без конца и без края,
И дремучая чаща-тайга?

(Татьяна Бадакова, Калмыкия)

Татьяна Бадакова

Мой Пушкин

Пушкин – наше всё.
А. Григорьев

Пушкин… Он такой необъятный, всенародный, всеми любимый… Он – навсегда!

Это поэзия, в которой «есть воплощение простоты, благородства, свободы, здоровья, ума, такта, меры, вкуса», – такое воспитывающее значение поэзия Пушкина имела для русского писателя Ивана Бунина.

Как и все дети, маленькой девочкой я любила сказки. Едва научившись читать, погружалась в удивительные приключения царевича Гвидона, меня увлекал за собой Золотой петушок, завораживали и Кот-учёный, и ступа с Бабою-Ягой. Я не задумывалась об авторе и не знала тогда, что Он – наш великий поэт. Эти книги были моими друзьями.

Пушкин приходит в жизнь человека с раннего детства, вернее, не приходит, он находится в нашей жизни, как родной и близкий человек, например, бабушка. Ведь ребёнок ещё не осознаёт – кто такая бабушка, откуда. Просто он знает, что она всегда рядом.

Взрослея, человек на каждом этапе жизни встречается с Пушкиным, и это действительно так. Ведь только настоящий друг может глубоко понять душевные переживания влюблённой девушки:

…Я к Вам пишу – чего же боле?
Что я могу ещё сказать?

А какой женщине и поныне не хочется слышать сердечные признания:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,

Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты…?

Сокровенные для меня обращения «любезная калмычка» и «друг степей калмык» – это национальная гордость нашего народа и взаимная любовь к Александру Сергеевичу Пушкину. Народ в целом, каждая семья и отдельный человек в Калмыкии горячо любят Пушкина. В нашей республике трудно найти поэта, который не откликнулся бы собственными стихами на пушкинские «калмыцкие нежности». Думая о Пушкине, непременно хочется признаться ему в любви и поблагодарить:

Зазвучат наши степи ковыльные, вторя
Красоте твоих рифм, достигших небес.
Табуны лошадей в гривах вольную волю
Принесут, столь желанную, Гений, тебе.
От любезной калмычки – улыбку нежную,
Взор сегодня её уже вовсе не дик.
Благодарность потомков, как ширь безбрежную,
За увековеченное – «друг степей калмык»[1].

Говорят, что у каждого человека и у каждого поколения свой Пушкин. Вот как вспоминал русский писатель Иван Бунин о гении Пушкина, который был для него кумиром, ориентиром в творчестве и символом России:

«Каково было вообще его воздействие на вас? Да как же это учесть, как рассказать? Когда он вошёл в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил её небо, воздух, солнце, родных, близких? Ведь он со мной – и так особенно – с самого начала моей жизни. Имя его я слышал с младенчества, узнал его не от учителя, не в школе: в той

[1] – Т. Бадакова. Пушкину.

среде, из которой я вышел, тогда говорили о нём, повторяли его стихи постоянно. Говорили и у нас – отец, мать, братья. И вот одно из самых ранних моих воспоминаний: медлительное, по-старинному несколько манерное, томное и ласковое чтение матушки: „У лукоморья дуб зелёный, златая цепь на дубе том…“, „Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной…“. В необыкновенном обожании Пушкина прошла вся её молодость – её и её сверстниц. Они тайком переписывали в свои заветные тетрадки „Руслана и Людмилу“, и она читала мне наизусть целые страницы оттуда, а её самоё звали Людмилой (Людмилой Александровной), и я смешивал её, молодую, – то есть воображаемую молодую – с Людмилой из Пушкина. Ничего для моих детских, отроческих мечтаний не могло быть прекрасней, поэтичней её молодости и того мира, где росла она, где в усадьбах было столько чудесных альбомов с пушкинскими стихами, и как же было не обожать и мне Пушкина и обожать не просто как поэта, а как бы ещё и своего, нашего?»

И дальше: *«А потом – первые блаженные дни юношества, первые любовные и поэтические мечты, первые сознательные восторги от чтения тех очаровательных томиков, которые я брал ведь не из „публичной библиотеки“, а из дедовских шкапов и среди которых надо всем царили – „Сочинения А. Пушкина“. И вся моя молодость прошла с ним»*[2].

И всё же не даёт мне покоя вопрос: «А где он, мой Пушкин? Где его душевные откровения, такие близкие и родные, мои?»

[2] – И. Бунин «Думая о Пушкине».

О, чудо! Среди бесчисленных прекрасных, завораживающих строк я нашла:

Мороз и солнце – день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный?
Пора, красавица, проснись,
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры
Звездою севера явись!

Только сейчас становится понятно, почему часто приходят мне на ум эти строки. Они – мои. Я люблю просыпаться с радостным настроением, приветствуя солнце. Оно даёт надежду, что новый день будет чудесным.

«Пора, красавица, проснись...», – так всегда говорила мне мама по утрам, входя в мою спальню и открывая шторы. Тогда солнце, словно спортсмен на старте, томившееся в ожидании своего часа, врывалось в маленькую комнату ярким светом, и «... вся комната янтарным блеском озарена...». А я, потягиваясь, открывала «сомкнуты негой взоры» и видела улыбающуюся маму у окна в солнечном сиянии.

На всем белом свете ни один шедевр мира не может сравниться с волшебной картиной моего утра! До сих пор от воспоминаний по телу разливается тот добрый свет от мамы и солнца.

«Пора, красавица, проснись...», – наперебой, разливаясь весёлой трелью, пели в раскрытое окно студенческого общежития воробьи и синички. В ответ им – моя улыбка и радость начала дня.

«Пора, красавица, проснись...», – по утрам говорит мне мой друг-супруг вот уже сорок пять (сапфировых) лет. И пусть иногда с укором, чаще с юмором, но всё равно с теплом.

Я понимаю, что мой день не может быть испорчен ничем, если он начинается с таких прекрасных пушкинских слов. И находятся у меня силы и стремления «навстречу … Авроры» явиться всегда «звездою». Воистину, гений-пророк!

«Пора, красавица, проснись…», – сегодня говорю я своей любимой внучке и знаю, что её день будет непременно солнечным.

Магия

Анне Ахматовой

Как только вышла из подъезда, меня охватила непонятная истома, словно предчувствие чего-то удивительного.

Тихий осенний вечер.

Не совсем стемнело, но ещё чуть-чуть, и ночная мгла завладеет всем вокруг. Пока властвует осень, но вот-вот и лёгкий морозец зазвенит в воздухе. Такое волнующее переходное состояние природы, пространства и времени передалось и мне.

Ненавязчиво накрапывал тёплый, в мелкий горошек, дождь, а вокруг полнейшая тишина, столь непривычная для большого города.

Прогуляться я всё-таки решила, потому что люблю такую погоду, настоящую подругу раздумий и воспоминаний. Поразмышлять всегда есть о чём: от простой обыденности может унести далеко и высоко.

Старые клёны резными, невероятно красивыми особенно осенью, яркими листьями «пели» свою лебединую песню и радовали глаз.

Под зонтом, слегка наклонив голову, в раздумьях иду тишайшим шагом, всё равно куда. По маршруту, начертанному самой аллеей, а, возможно, и Кем-то ещё.

Так и есть – предчувствие не обмануло…

Детским почерком, белым школьным мелом на чёрном от дождя асфальте:

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на Земле.

Разве это не удивление?

Дождь. Глубокая осень – вовсе не весна. И любовная лирика Ахматовой…

Чудный ребёнок, аккуратно выводивший мелом эти изумительные строки! О чём он думал, о ком? Конечно, он влюблён! А какова его душа – богатая и нежная!

Я стояла не шелохнувшись, боялась отпугнуть снизошедшее из глубины веков откровение великого поэта.

Ах, Анна, как же это прекрасно! Отозвались твои чувства в сердце совсем юном, современном, века электроники и скоростей. И неважно, как сложится его жизнь. Я уверена – он будет счастлив. Ведь он прочувствовал высокую поэзию. А скольких людей этот человечек сегодня сделал счастливыми!

Серебряные струи дождя тонко и нежно превратились в волшебные нити, которые связали меня в этот миг с Веком Серебряным.

Такова магия сегодняшнего вечера.

Магия поэзии…

(Больше узнать о творчестве автора можно в приложении стр. 221)

Елена Ханина

Поэт.

Я такой же дурак, как другие

Я такой же дурак, как другие.
Я такой же балбес, как и все.
Бить не стану по черепу кием,
Не люблю длинных юбок-плисе.
Я такой же дурак, как десяток,
Что читают ночами взахлеб.
Не люблю по пути пересадки,
Нахлобученных шапок на лоб.
Я такой же бездомный, как сотни,
Что мятутся меж ночью и днем.
Не люблю дам кокетливых, потных,
И дома, что пустили на слом.
Я безмозглый, как сто миллионов,
прожевав круто сваренный бред,
помолиться хочу на икону,
у которой названия нет

(Елена Ханина, Израиль)

Светлана Романова

Писатель.

О себе рассказывать всегда сложно. Это все равно, что пытаться объяснить инопланетянину, что такое море. Как вместить в это слово шорох волн, соленые брызги на губах, ветер в лицо, свежесть и простор перед глазами, ощущение восторга и умиротворения? Как рассказать о себе, когда хочешь выразить что-то, что адски горит на языке, но не умеешь и вдруг… Школа, первый класс, и ты теперь знаешь буквы и слова. И можешь их сложить из них текст, и пишешь без разбору: «что хочу делать…», «что брать в ванну» …Бесконечные отрывки мыслей, успеть выразить, что радует и терзает…

Сколько себя помню, я писала. Желание выплеснуть себя на бумаге нарастало с каждым годом! Слава богу, есть такая чудесная вещь в школе как сочинения… Мои сочинения читали вслух и в классе, и на пионерских собраниях…

В пятом классе я открыла для себя французского романиста Дюма. И будто затворы щелкнули, и мир, полный приключений, дерзости, жадной любви к жизни открылся передо мной, как открывается огромная дверь в музей Эрмитаж… Невообразимые сокровища возможностей ослепили, поразили и придавили меня как пудожские камни… Теперь исторические романы стали моей любовью! И как следствие: психология и история, и еще раз следствие – университетское образование «социолог» и работа в психологическом центре…

Авантюрно-исторические романы я писать обожаю! И пишу их забавно… Помните: «…из миража, из ничего, из сумасбродства моего»? Я знаю, о чем песня!

Герои являются, вольготно располагаются вокруг меня, спорят, смеются, ссорятся… Я думала, что европейская история будет для меня неисчерпаемым источником вдохновения, как море… Но однажды на улице я встретила молодого человека с таким выражением лица!.. И поняла, что так вот могла бы описать русского царя Петра Первого… И вдохновение выпрыгнуло на меня, как пес прыгает на хозяина, который не приходит слишком долго! Я тут же написала роман «Когда я стану императрицей» о Петре Первом и Марте Скавронской… и приступила к историко-авантюрному роману про Ивана Грозного «Смарагд»…

(Светлана Романова, Россия)

Май

12.05.1955

Валентина Бендерская

20.05.1953

Марина Симонова

24.05.1950

Ирина Хенкина

						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30	31					

28.05.1937

Ирина Яворовская

29.05.1967

Билал Адилов

30.05.1984

Антон Митляйдер

Валентина Бендерская

Поэт.

Валентина Бендерская – музыкант и педагог, «Отличник народного образования» Украины. Из рода раскулаченных семей деда и бабушки, многие из которых погибли на Соловках. Окончила музучилище и университет культуры и искусств с дипломами с отличием! Создала «Образцовый» хор мальчиков и юношей. Автор оригинальной методики на основе цифрового релятива, подготовила учебник, печатается в научных издания. В поэзию Бендерская пришла поздно, однако стала признанной и в этом виде творчества. Лауреат премии им. В. Набокова, обладатель звания «Виртуоз словесности». Организатор Всеизраильского клуба «ПоВтор», автор идеи, составитель альманаха «Свиток 34», антологии «ПАРК Шодуара».

О творчестве поэта Леонид Колганов писал: «Её мощное лирическое начало вмещает и вбирает в себя и все остальные начала: философское, социальное, историософское и лирико-эпическое. Так, стихотворение об Иосифе Бродском и Венеции написано с подлинной мощью державинской оды. А великое религиозно-философское начало в стихах Валентины идёт от известных русских философов: Льва Шестова, Николая Бердяева, Василия Розанова, Владимира Соловьёва и др., ведь русская религиозная философия – это прежде всего синтез поэзии и истории. Но на первом месте в стихах Валентины всё-таки Любовь, которая озаряет её философию, религию и социум, ибо если нет любви, то нет и ничего остального».

Апостол

Ох, сколько списано, исписано страниц.
Их даже, видимо, поболе, чем читателей.
А воз и ныне там, с охапкой небылиц
и правотой друзей, и правдой неприятелей.
Ох, сколько писано библейским мудрецом,
эллином правильным, евангелистом праведным!
А воз и ныне там, упёршийся торцом
в разноголосицу, скрипя стенаньем жалобным.
И всё же вновь хватаюсь цепко за перо,
как за соломинку, – причастья к тайне, у стола,
меняя де́каданс слезливого Пьеро
на оптимизм любовь несущего апостола.

Благодать абсурда

Пойдём на солнышко,
сегодня за окном уже второе сентября.
Придёт пора,
когда уйдёт тепло, о прошлом не скорбя.
И упадёт в туман
короткий и безликий серый день,
что не оставит даже тень.
Пойдём на солнышко!
Ты посмотри – кругом какая благодать.
Придёт пора,
когда об этом мы не сможем и мечтать.
И вдруг окажется,
что наша жизнь абсурд и ерунда,
что не оставит и следа…

(Больше узнать о творчестве автора можно в приложении стр. 230)

Марина Ламбертц-Симонова

Писатель.

Созвездие Марины

Ни бабушек, ни мамы, ни сестёр,
Ни папы больше нет, ни дядь, ни братьев...
Не потому ли знаю с давних пор,
Что «хвост трубой» держать – мое занятье!

Что на храненье у меня печать,
Багаж семьи нелегкий за плечами,
Что права не имею ныть, ворчать,
А в жизни лишь могу души не чаять.

Я в эту жизнь должна быть влюблена
Так вдохновенно, сильно, многогранно,
Как будто рай земной давно она,
А мне в ней быть доверено гурманом.

И я должна, хочу я или нет,
Узнать час «Ч», и звездный час, и полночь!
Попробовать на вкус, на боль, на цвет:
И соль, и неизведанную горечь.

И сделать так, чтоб голос мой звучал
От голосов других людей отлично,
Вплести в вязь дней весь свой потенциал
Так молодо, свежо и гармонично,

Как оптимист, которому везёт,
Быть в сердце тигром, а в душе – поэтом,
Как может, вероятно, только тот,
Кто был не зря на землю послан эту!

Чтоб исходить и вдоль, и поперёк,
Чтоб истоптать сто пар сапог и посох,
Чтоб изнутри узнать ее исток,
Ещё не насладившись ею вдосталь.

За теть и дядь, за мать и за отца,
За слишком юных бабушек и дедов,
Что так и не дожили до конца,
Лишь почву подготовив для Победы.

А я должна построить прочный дом,
Изобретя точнейшую науку:
Как по цепочке передать «геном»
Плеяде славных правнуков и внуков.

Той, что как деды встанет в полный рост!
И как у внука младшего с картины:
Плеяда в небе вспыхнет тёплых звёзд,
Сияющих в созвездии Марины.

*(Больше узнать о творчестве автора
можно в приложении стр. 233)*

Ирина Хенкина

Поэт

* * *

Зачем рождаются стихи?
В моих ни истин, ни прозрений,
Лишь слепок дня, лишь тень мгновений –
Души цветные мотыльки.

Ах, мне бы только уловить
Весны изменчивой узоры,
Обрывки птичьих разговоров,
Ветров прерывистую нить.

Поймать мгновенье на лету,
И в этом миге преходящем,
Таком живом, сквозном, скользящем,
Успеть увидеть красоту.

Любуясь бегом облаков,
Вдыхая запахи и звуки,
Ловить в протянутые руки
Очарованье пустяков.

Построить башни из песка.
Пускай непрочны эти зданья,
Неполным будет мирозданье
Без однодневки-мотылька.

Ирина Яворовская

Поэт

Попытка автобиографии

Родилась на Урале я,
и за любыми далями
посёлок мой Верх-Нейвинский
мне снился по ночам,
весёлыми апрелями
леса и горы грели мне
глаза и душу ласково,
чтоб утолить печаль.
Я с детства вся в поэзии,
я о дорогах грезила,
училась с упоением,
одолевала то,
что было испытанием
и правды отрицанием,
не расставаясь с главною
и славною мечтой.
Отец был репрессирован
и реабилитирован
уже перед кончиною,
а я потом несла
всё то, с чем нескончаемо
в борении отчаянном
старалась всё же справиться,
не веря в силу зла.
Я разная, я всякая…
смеялась я и плакала,
и пламя страсти яркое
сжигало мне глаза.
Рвалась я к чистой истине,
тужила о единственном,
камней и рытвин смолоду
полна моя стезя.
Я сильная и слабая,
была я в чём-то бабою
и сокровенной женщиной,
и матерью была.
Сомненья душу мучали,
вскипали беды жгучие,
и боль неотвратимая
ломала мне крыла,
Я ушибалась, падала,
в глухом подполье прятала,
сомкнув уста, мятежную
тоску и дум, и слов.
Детей любимых пестуя,
искала в жизни место я,
теряла много больше я,
чем находила вновь.
Но в пору плесневелую
я никогда не делала
того, что против совести,
того, что душу рвёт.
И шла дорогой долгою
меж Нейвою и Волгою
к вершине неизведанной –
звезде моих высот.
И лишь одна отметина
судьбе моей ответила,
зачем на землю грешную
я в свой черёд пришла:
в добро и правду веруя,
жить самой полной мерою,
чтоб песнь, меня томящая,
звучанье обрела…

* * *

А сердце – огненный цветок,
и никогда не угасает,
пока живёт, пока мечтает,
пока находит тот исток,
откуда истекает суть
надежд, открытий, устремлений
и нескончаемых сомнений,
которые ни зачеркнуть,
ни умалить, ни уничтожить,
с крутых путей не отвести,
и только веру обрести
и в промысел, и в образ Божий,
чтоб в самой непроглядной тьме
всё так же помнить в глубине
души,
не знавшей отреченья,
единственное назначенье
на вечном нашем корабле –
любимой голубой Земле –
где этот огненный цветок
всему начало и итог...

* * *

Путник в горах,
как слеза на ресницах.
Стоит моргнуть и ...
упала слеза.
Узкая тропка по скалам змеится.
Рядом – лавину рождает гроза.
Путник в горах небо трогает шапкой,
он – выше всех,
но опасность близка.
Радость недо́лга.
Уверенность – шатка,
ночь –
холоднее стального клинка.
Но не привыкший ни охать, ни ахать,
полный живых устремлений души,
он торжествует победу над страхом –
капля
в сравненье с величьем вершин.
Он навсегда оставляет сомненья
в каменном хаосе,
в льдистом пути,
и постигает Преодоленье,
чтобы себя обрести.

Билал Адилов

Поэт.

«Точка росы» поэта из Азербайджана. Весна, луга, простор, свежий блеск и целебная чистота. Стихи – о любви, образы – природные и естественнонаучные. Очень требователен герой и к градусу отношений с любимой. В точке росы холодное встречается с тёплым, и при их взаимодействии образуется конденсат в виде капелек или кристалликов. Билалу дано защищать – «чутьём родовым» – очень близкую к небу родину, стремиться воспеть её «с мастерством поэтическим горним» – и миг, «когда взлетает орёл со скалы», и волшебное сверкание звёзд. Самое глубокое чувство в этом сборнике – любовь к матери, родной земле, родному языку, родному народу. Самые сильные его поэтические строки – от огня той же любви, от тех же чистейших истоков и высот. Это не есть знание от ума, скорее, неотъемлемая часть души. Как сердцевина у дерева, как водоносная жила. Живая пространственная связь Земли и Неба, живая временная связь «было-есть-будет»: водоносные слои с «историческими» и восполняемыми через ливни и таяние запасами – ключи – высокие облака – и опять по кругу…

Наш лирический герой пишет стихи на родном языке – чувствуя в нём мощную силу гор и свежесть альпийских лугов, взывая сберечь свой язык как дар или клад – и «расцветают в сердцах эдельвейсы стихов и песен».

(Эмма Прибыльская, Беларусь)

Антон Митляйдер

Писатель.

Пишет в соавторстве с отцом Александром Василенко. Оба рано, еще до школы, научились читать. И чтение в их жизни сыграло существенную роль. До переезда в Германию соавторы проживали в Казахстане. Антону было всего семь лет, тогда он начал учебу в первом классе в Казахстане, а продолжил уже в Германии. Знание немецкого языка в то время у него было нулевое. Немецкий язык давался нелегко, неизвестное будущее омрачало кажущееся легким и беззаботным настоящее. Дополнительные курсы, позволяющие адаптироваться в профессиональную жизнь, отменили. Дети устали от бесконечной смены школ, учителей, необходимостью каждый раз завоевывать достойное место в школьной клике. А у Антона лет с 11–12 уже наметилась тяга к творчеству. Он «издавал» рукописную газету для своей старшей сестры. С появлением компьютера вместо газет у него стали выходить «альманахи», наполненные стихами и смешными рассказиками. В шестом классе гимназии учитель сказал, что Антон, несомненно, лучший ученик по немецкому, он на порядок опережает сверстников.

Прошло время, и вот уже творчество писательского дуэта, как совместное, так и каждого по отдельности, шаг за шагом расходится по русскоязычным журналам и альманахам Германии, проникает в том числе на Украину и в Россию…

(Александр Василенко, Германия)

Июнь

07.06.1964

Варис Елчиев Муса

14.06.1955

Леонид Колганов

		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30			

22.06.1898

Эрих Мария Ремарк

27.06.1979

Илана Городисская

Варис Елчиев Муса

Писатель.

Когда-то в детстве я думал о том, что как вырасту, изменю мир к лучшему. Прошли годы, и я понял: присутствие писателя в мире ничего не меняет. Разве что пишутся десятки книг, где герои изменяют мир к лучшему.

В любое время суток, независимо от того: день или ночь, во время работы или раздумываний, за обедом или сплю, в движении или во время отдыха, будто в сознание мне передается информация из другой галактики. Но лишь мизерную часть из всего могу записать на лист бумаги. Допустим, «Свои самые сильные удары прибереги для самых слабых времен своей эпохи». А все остальное забывается. И на протяжении жизни больше всего досады у меня вызывают те фразы, которые не удалось записать.

Все-таки, быть писателем, по-моему, значит нести миссию. Писатель – человек, одаренный талантом видеть обратную сторону стены, потолка и пола, даже неба и земли. Литературной деятельности писатель отводит определенные часы, я же занимаюсь литературой 25 часов из 24-х.

Я, естественно, горжусь тем, что имею сотни тысяч читателей в ряде стран, доставляю им удовольствие и приношу пользу. Я жажду удачи, победы. Что еще, кроме успехов, достигнутых человеком в какой-то сфере, может добавить красоту в его жизненную палитру? Однако, несмотря на все это, в литературе я чувствую себя человеком, находящимся на первом этаже и готовя-

щимся взбираться на последний этаж стоэтажного дома. Никакая слава не должна обернуться тщеславием. Всю жизнь человек должен стремиться к прогрессу и совершенствованию. Как только он перестанет развиваться, решив, что достиг совершенства, и перестанет поливать свое дерево творчества, то это дерево рано или поздно засохнет.

В один прекрасный день, когда мы пройдем по многолюдной улице огромного мегаполиса, а потом свернем, мы сами внезапно выйдем себе навстречу. И с того дня в жизни пойдет отсчет назад! У одних это случится раньше, у других – позже, но непременно произойдет. В этот день не следует вздрагивать.

(Варис Елчиев Муса, Азербайджан)

77-ой день

Как не крути, каждый писатель, выдумывая разных героев, пишет свою судьбу, судьбу близких ему людей. И так описывается судьба нации.

14-летний подросток отличается от своих сверстников. Целыми днями он разговаривает с морем, солнцем, небом. Живет грезами, много, о чем мечтает. Мечтает, чтобы отец, прикованный к постели из-за ранения на Карабахской войне, наконец, встал на ноги; чтобы люди меньше сорили на улице, потому что матери-дворничихе тяжело убирать за ними. Хочет, чтобы со своим другом поскорее заработали денег на покупку велосипеда, ради которого они берутся за всякую работу; мечтает, чтобы студентка-квартирантка, снимающая у них комнату, обратила на него внимание...

В доме у них имеется старинная книга, и каждый раз, когда он собирается открыть и прочитать ее, или мать зовет и что-то поручает ему, или друг объявляется и куда-то уводит. Но однажды он все же открывает книгу и читает на первой попавшейся странице: «Если 77 дней подряд наблюдать за восходом солнца, то на 77-й день в твоей жизни взойдет вечное солнце».

Неужели такое может быть? Целыми днями он размышляет, наконец решается. Несмотря на загруженность учебой и физическим трудом, каждое утро до зари он втихаря убегает из дома на берег моря, чтобы понаблюдать за восходом солнца, при этом ведет дневник с пометками, чтобы не потерять счет своим визитам.

Быть обузой для семьи угнетает отца, и в один день он в намерении принести хоть какой-то доход в семейный бюджет, берется вырезать разные фигурки из де-

рева и дает сыну, чтобы тот продал их. Однако будь то фигурка птички со сломанным крылом или фигурка мальчишки, на глазах которого застыла слеза, на всех этих штучках подросток просматривает следы трагической судьбы отца. Школьник не может продать их и прячет. Ему приходится притворяться, будто продал все фигурки на рынке. Он дает отцу часть из тех денег, что накопили они с другом.

А в один пасмурный день выселяется их квартирантка, выходит замуж за сокурсника. Юноша очень тяжело переносит это событие, отправляется в длинный путь, чтобы увидеть девушку. Когда муж студентки узнает цель визита подростка, то поднимает его на смех. «В старину рыцари готовы были терпеть все лишения ради своей возлюбленной», – говорит он и поручает перетаскать во дворе груду камней и аккуратно сложить друг на друга.

День ото дня приходится все труднее. Как-то он замечает оставленный открытым кран во дворе одного склада. Юноше становится жаль льющуюся впустую воду. Он перепрыгивает через забор и закрывает кран. В это время сторож хватает его, принимая за вора. И к нему приписывают все недостачи в этом хранилище.

Наконец 66-й день выдается не таким, как предыдущие дни. Приходит врач и снимает повязку отца. Тот встает и делает первый шаг. Чуть позже приходит друг и приносит несколько помятых купюр, в результате получается необходимая сумма для покупки вожделенного велосипеда.

К вечеру 66-го дня приходит письмо от их бывшей квартирантки: «Я ненавижу мужа за то, как он поступил с тобой». Поглаживая письмо, юноша думает, что отомстил наглому мужу студентки.

Затем приходит складской сторож и заявляет родителям, что задержали настоящего вора, просит у них извинения.

Череда радостных событий приятно удивляет нашего героя. Он в недоумении заглядывает в свою записную книжку, где ведет счет дням и видит цифру 66. «Наверное просчитался. Ведь все основные желания исполнились», – думает он и со следующего дня больше не ходит встречать восход солнца.

Леонид Колганов

Поэт.

Современный поэт огромной величины дарования – сын Семёна Яковлевича Фридлянда – известного советского и украинского спортсмена и тренера по теннису; мастера спорта СССР, входившего в десятку сильнейших теннисистов СССР; внук Якова Петровича Фридлянда, репрессированного в 1938 году генерал-полковника, возглавлявшего ОСОАВИАХИМ в Киеве.

В 1989 году Леонид Колганов стал лауреатом VI московского совещания молодых писателей. Известный поэт Алексей Марков сказал, что все присутствующие здесь поэты от ЦК ВЛКСМ и только Колганов от Бога! Леонид был принят в Комитет литераторов Москвы. Рекомендован Андреем Вознесенским на стипендию Фонда культуры.

Колганов был культовым поэтом 80-х. Его поэзия и манера чтения держала в оцепенении стадионы зрителей на встречах с поэтами. Считал себя постсмогистом, учеником основателя СМОГа Леонида Губанова. В 2020 году вышла посмертная книга поэта «Молчание колоколов», в эссе о которой Александр Карпенко писал: «Леонид Колганов – явление в русской поэзии. Поэт-романтик, мистик, он всегда был «по ту сторону» столбовых тенденций и направлений современного искусства. Раздираемый вечной тоской по прекрасному, он постоянно находился в состоянии непокоя. Парфён Рогожин, но только интеллигентской закваски».

Бегство от поэзии

Я от тебя бежал, как вор в загоне
От всех лесоповалов и снегов,
Но доставала ты меня в погоне,
Сводила лбы несмежных берегов!
И забривала лоб мне, как солдату,
Которому от службы не уйти,
И покидал родимую я хату,
И четверть века был с тобой в пути!
Мосты я перебросил на тот берег,
Чтоб распрощаться, наконец, с тобой,
И перейти тебя, как буйный Терек,
И воротиться навсегда домой!
Но волею судьбы мы снова вместе,
Повязаны до гробовой черты
И топчемся на том же самом месте,
Ведь ты сожгла понтонные мосты!
Ты пронеслась над ними как комета
И – ревностью – спалила их дотла,
И, кажется, что до скончанья Света –
Как ястреб, я в твоих тугих узлах!
Мне никогда уже их не распутать,
До самой смерти их не развязать,
И как бунтарь среди Великой Смуты
На волю рвусь! Но воли не видать!
Мой плен, как вор в законе, коронован –
Короной – вечной от тебя гоньбы,
Но, словно неким тайным договором,
Мы связаны морским узлом судьбы!
Как крепостного держишь ты солдата,
Меня, – и не один десяток лет,
Не отпускаешь до родимой хаты,
Но, окромя тебя, и хаты нет!

Плод ведьмы

Каленым выжигаешь ты железом
Любовь ко мне, как будто ведьма плод,
И вся твоя душа в моих порезах,
И я в ожогах от твоих кислот!
И – словно не было телесного блаженства,
И в памяти одна лишь срамота,
Ты нежность нашу, словно отщепенство,
Как серная разъела кислота!
И я стою, как вор и отщепенец,
Отброшенный Бог весть куда тобой:
То ль море поглощает меня, пенясь;
То ль, как шахтера, поглотил забой!
Мне кажется – взорвалось Мирозданье,
В безликую я удаляюсь даль.
Ты слой жемчужный моего сознанья
Разбила ржавым ломом, как хрусталь!
Разбила жемчуга моей подкорки,
В любви осколки превратила их,
И от всего остался привкус горький,
Бутылка горькой и полынный стих!
И я стою в сплошных любви осколках,
Изранен, как снарядами Рейхстаг,
От всех моих с тобой недоговорок –
До суицида остается – шаг!
И пусть твоя душа в моих порезах,
И я в ожогах – сделанных тобой,
Но помни: спор нельзя решить железом,
И рыжей ведьме не спалить любовь!

(Больше узнать о творчестве автора можно в приложении стр. 277)

Эрих Мария Ремарк

Писатель.

Он был одним из крупнейших романистов своего времени. Литератор относился к так называемому потерянному поколению. Так называли молодых людей, которые побывали на фронте, едва им исполнилось 18 лет. Большинство из них не успевало получить формального образования. А пережив все тяготы боевых действий, уже не могли приспособиться к нормальному, мирному существованию в обществе. Многие из них накладывали на себя руки, сходили с ума от перенесенного стресса или же занимались откровенным криминалом. К счастью, подобная участь миновала самого Ремарка.

Ремарк относится к плеяде прозаиков, которые много работали по теме войны и имели на это полное право. Его роман «На Западном фронте без перемен» получил широкое общественное признание и стал резонансным. Поэтическое творчество Ремарка поистине многогранно. Автор уделяет большое внимание всестороннему развитию собственного таланта, достигая все новых высот с каждым из творений и в определенный период полностью углубляется в создание лирических строк. Ремарк воспевает все прекрасное, что видит в мире, облекая суть в контрастное одеяние мрачного настроя, и покоряет этим сердца миллионов читателей по всему свету. Стихотворения его находят отклик в каждом из сердец, цепляя своей искренностью и точностью передачи эмоций.

Я и ты

Иду своим немым путем
Сквозь ночи мрак, сквозь ночи мрак.
Не плачу я, лишь молча я
Бреду один сквозь ночи мрак.

Пусть путь мой – боль, пусть мрачен путь,
Но юным сердцем весь горя,
Я молча лишь склоню главу –
И снова в путь; ведь знаю я:

Когда-то путь свой я свершу,
Когда-то день я воскрешу,
И вспыхнут розы под ногой –
И я помилован тобой.
Когда-то утолится страсть,
Утихомирятся мечты –
Великий миг, глубокий сон –
Вдруг явь:
едины я и ты!

Илана Городисская

Писатель.

Возрождение

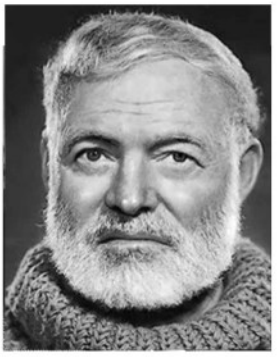
Училась не плакать, устав от потерь.
Уж нечего больше лишаться теперь.
Где не было рока – ключами звеня,
Бежала от врат, мною запертых, я.
И снова, как прежде, судьба – чистый лист…
…А путь до сих пор был безмерно тернист.
Не годы, а сроки растут за спиной –
Созвездья усилий, надежд, параной.
Напрасны ли были они – не скажу,
Но, руки ломая, вослед им гляжу.
Отныне свободна дерзать и творить.
Не может же жизнь постоянно травить!
По венам успею всегда полоснуть –
ТАМ спят беспробудно, ТАМ негде вздремнуть.
Во мне – не иссякшие свет и любовь,
И искренность, бьющая в глаз, а не в бровь.
Ну, что ж! Все рекорды унынья побив,
Оставлю заложником этот мотив,
Как память о клятве, мной данной давно,
Забыв, что играю в безумном кино.
Та клятва меня обрекла на успех,
А значит, страшиться не надобно вех.
Клялась королева: «Вернусь не рабой!»
Не боль отступленья, а клятва на бой!

(Илана Городисская, Израиль)

Июль

09.07.1901

Барбара Картленд



21.07.1899

Эрнест Хемингуэй

				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

23.07.1954

Виктория Левина

31.07.1951

Татьяна Кайзер

Барбара Картленд

Писатель.

Барбару Картленд называют «фабрикой любви» и «королевой романа». Она прожила без малого столетие и подарила поклонникам любовной прозы 723 произведения, попав в Книгу рекордов Гиннесса как самый плодовитый автор Британии и мира в XX столетии. В иные годы она создавала по 20–26 романов. После смерти литератора в архиве нашли еще около сотни рукописей неизданных романов.

По данным ЮНЕСКО, Картленд входит в число наиболее часто переводимых писателей. Общий тираж книг романистки – свыше 750 миллионов экземпляров. Ее сочинения переведены на 36 языков. Ее книги в том числе экранизировались. В 1990-х вышли мелодрамы «Призрак в Монте-Карло» и «Леди и разбойник». Впрочем, Барбара Картленд известна не только любовными романами. Она автор 5 автобиографий, десятка книг рецептов и рекомендаций по этикету, культуре питания, роли женщин в истории и даже философских трактатов.

Французы наградили писательницу Золотой медалью Парижа за продвижение закона, благодаря которому дети цыган пошли в школу. С помощью Барбары Картленд в столице Франции появилось цыганское поселение, названное Барбаравиль. Картленд популяризировала и планеризм, за что в середине 1980-х получила премию епископа Райта. Барбара расширила границы использования летательных аппаратов, которые в 1920-30-е использовались только на коротких дистанциях. В 1931 году женщина соорудила планер, на котором пролетела 200 миль с грузом авиапочты.

Лучшие цитаты Барбары Картленд

«Джентльмен никогда не обсуждает окна, из которых ему доводилось выпрыгивать».

«Иногда приходится чем-то жертвовать ради своей страны, и жертвы эти могут пагубно отражаться на самых родных и близких людях».

«Не позволяй амбициям усыпить здравый смысл».

«Мы можем прятать свои проблемы, но они остаются с нами, пока мы не находим возможность разрешить их, если такая возможность существует».

«...как показывает жизнь, если не ожидать больше, чем возможно, никогда не разочаруешься».

«Будь прошлое радостным или печальным, расставание с ним зачастую одинаково болезненною».

«Бесполезно сидеть и ждать, что удача придет к тебе через окно. Ты должна выйти наружу и найти ее сама».

«Даже мелочь может быть чудом, и получается, что как раз мелочи играют огромное значение».

«Быть одной не означает быть одинокой».

«Вы считаете, что мужчинам нравятся только те женщины, которые создают вокруг себя ореол тайны? Которые для них остаются загадкой, сущности которых они не в состоянии понять? Вы недалеки от истины...»

Эрнест Хемингуэй

Писатель, журналист.

В 1954 году получил Нобелевскую премию в области литературы. Он сумел донести до читателей свою любовь к природе и искусству. Его книги – живые и правдивые – потому что он писал о том, что видел и прочувствовал на себе самом. Манера его письма характеризуется простотой изложения, краткостью формулировок и насыщенностью образов. Его стиль был новым в литературе 20 века и оказал на ее формирование большое влияние.

Первая настоящая слава настигла писателя в 1926-м, когда он выпустил роман «И всходит солнце», в котором впервые прозвучало определение «потерянного поколения». Главного героя романа – Джейка Барнса – Хемингуэй писал с себя. Так же, как и он, Джеймс прошел войну, был серьезно ранен, и это полностью изменило его мировоззрение.

В 1929-м Эрнест написал, пожалуй, самое выдающееся произведение – роман «Прощай, оружие!», который до сих пор входит в обязательную программу учебных заведений. В 1933-м он пишет короткие рассказы, которые объединяет в сборнике «Победитель не получает ничего». Спустя три года в журнале Esguire появляется новый шедевр Хемингуэя – «Снега Килиманджаро», в котором главный герой – писатель Гарри Смит отправляется в сафари в поисках смысла жизни. В1940 году свет увидело еще одно произведение автора на военную тематику – «По ком звонит колокол».

Вместе с юностью

Шкура дикобраза,
Жесткая от плохого дубления,
Когда-то ей должен был прийти конец.
Филин на подставке,
Важный,
Желтоглазый;
Козодой, покрытый пылью,
На согнувшейся ветке.
Стопки старых журналов,
Ящики в столе, полные мальчишеских писем
И любовных стихотворений, –
Когда-то им должен был прийти конец.
Вчерашняя «Трибьюн» ушла
Вместе с юностью
И тем каноэ, что разбилось на берегу
В год великой грозы,
Когда отель сгорел
В Сени, штат Мичиган.

Перевод В. Ермолаева

Виктория Левина

Писатель.

Манифест

Казалось бы: еврейский, «говорящий»
Покрой лица, и грузный силуэт.
Но внёс свой ген мазуркою летящий
Вельможный пан, повеса и поэт.

Замешан круто мой астральный предок.
И я, порушив камерность квартир,
Полиомиелитною торпедой
Врываюсь в занавешенный наш мир!

Моих артерий ток стремится в страны,
Где снег лежит, где озеро Байкал.
И где моей судьбы блестящий, странный
На синих сопках яркий шар упал.

Взлетаю однокрылым серафимом –
Галёрка рукоплещет храбрецу.
И в той стране, в которой я любима,
Мои несовершенства мне к лицу.

(Виктория Левина, Израиль)

Пифагор

Микола Руденко[1]

Перевод с украинского Виктории Левиной

Тот, кто знает меня, –
Верит каждому слову и слогу.
Ну, а тот, кто не знает,
Пускай рассуждает со мной:
Как же сталось, что я,
Сильный духом, поэму о Боге
Начинать в этом лагере должен
Лихою весной?

Если нет объяснений –
Поверь неплохому поэту.
Я не сказки рассказывал –
Всё это произошло.
Сто миллиардов двуруких
Спускались на нашу планету –
И понятно им было,
Где Бог,
Где диавол,
Где зло.

Сто миллиардов за тысячу лет
Без стыда и гордыни
Преклоняли колена...

[1] – Микола Руденко, Николай Руденко был осужден за «антисоветскую агитацию и пропаганду» на семь лет лагерей строгого режима и пяти годам высылки. Вскоре специальным распоряжением Главлита УССР из библиотек и торговли были изъяты все произведения Николая Руденко.

Ты можешь представить игру
Сердца их и их мозга?..
Но раз ты не веришь поныне,
Так кому же ты веришь
В ущербном и грешном миру?

Я не сказки рассказывал.
Я, что рождённый вторично, –
Был Отцом нашим послан
Увидеться с Сыном людским.
Он меня обнимал как духовного брата
Привычно.
Я ни с кем не сроднился так сильно,
Как выпало с ним.

Не в молитве потребность Его,
Не в церковном кадиле –
Это всё суета...
А божественно только одно:
Чтобы тут на земле,
Где душа его вечно бродила,
Слово Бога воскресло
И правило в царстве земном.

А зачем же Ему
Восхваленье церковных обрядов?
Не в терновом венце –
А в колючем его голова.
Он – Дух Солнца.
Он – Логос.

Он – вечный посланник Монады,
О которой ты вскоре послушаешь
Правды слова.

Я летел шестикрылый.
Была в том полёте свобода!
Нет, земля своим детям
Таких ощущений не даст.
Вы хотите картинки?
Их не было, так как Природа
Только в плоти способна
И профиль явить, и анфас.

Плоть была на земле,
Там осталось всё то, что для ока.
Я смотрел не глазами, а духом,
Поверь мне, мой брат!
И светилась та бездна,
И пропастью стала глубокой.
Взор духовный –
то есть проникающий взгляд.

И Полярным Сияньем
Ты можешь над твердью искриться
Или радугой в небе…
Но если сумеешь вот так
Сердце чистое в плоть обратить,
Чтобы в плоти явиться
Перед Богом могло –
Ты мыслитель уже, не простак.

Я Бессмертный Огонь.
И огонь – моя вечная участь.
Не смущают меня
Рядом сотни огней золотых.
Это богово «я».
Абсолютная чистая сущность.
А земная обитель –
Одно из явлений простых.

Скажем, гусениц кокон
Со временем бабочкой станет.
Это ясно, как ясно, что жизнь
Не тебе побороть.
Вот снежинка дрожит на реснице
И вскоре растает.
Миг – и тело её
Океанская бурная плоть.

Что ж гадать
И досужим словам зарождаться у нёба –
Есть у гусениц вечность,
А ты проворонил свой дар?..
Абсолютным бессмертьем
Всегда отличалась амёба.
Ну а ты – самый сложный,
Ведь ты над Природою царь!

Был сиянием я.
Но всегда ощущал: надо мною
Есть могучее что-то.
И я его светом живу.

То был дух, что сокрыл свою жизнь
За туманом и мглою.
Будь он прост или ясен –
Распяли б его наяву.

То – Святой Пифагор.
Иль Платон.
Иль бессмертный Спиноза,
Или, может, Христос,
Магомет...
Или хватит имён?..
Дух живёт анонимно,
Как ветер весенний,
Как грозы.
Он не станет державным придатком
Для ваших знамён.

А прописка и паспорт
Зачем, на какую потребу?
Он без паспорта жив –
ни страна не нужна, ни дома.
Я – Бессмертный Огонь,
Я вибрирую, сущий, по небу.
А вокруг по бокам от меня –
Сатанинская тьма.

Где ж мой друг?
Назову Пифагором,
Не будет ошибкой.
Пусть он будет учителем
В нашем небесном везде.

Пусть представит читатель,
Как бьётся под проседью жилка,
Как сверкнёт на свету
Серебро на его бороде.

Все случится о'кэй,
Если власти телесной армада
Не наденет наручники,
Не надаёт оплеух.
Всё сложится на пользу,
когда Мировая Монада
Нам позволит числом приумножить
И Силу, и Дух.

Трое суток я жил с Пифагором.
А после годами
Я к нему всё стремился,
Кричал, обращаясь на «ты».
Так живу до сих пор –
Будто жар разгребаю руками:
Хоть вокруг суета,
Но в душе моей нет суеты.

Татьяна Кайзер

Писатель.

Жизнь

Когда-то сердцем лирика писалась.
Семейной жизни не было в помине.
Безудержно эмоции плескались
Совсем не подконтрольные, чем ныне.
Дочь подарила череду открытий:
Мир матери, а в центре – мир ребёнка.
Втянуло время нас в поток событий,
Разбавив будни детским смехом звонким.
Клише понятий, размышлений рамки
Нам диктовали мысли и поступки.
Супружества обыденные лямки
Свободу повязали, словно путы.
О, сколько было сделано ошибок!
Построить отношенья так непросто.
Непониманьем стёртых с губ улыбок
Мы раздраженью оставляли место.
Копился опыт. Но душа блуждала
С её поводырями – взором, слухом.
Лишь только словотворчество спасало,
Давая радость воспаренья духу.
Награда жизни – мудрость, несомненно
На помощь духу ширится сознанье.
И постигаем принципы Вселенной,
Как блудный сын, пришедший с покаяньем.

(Татьяна Кайзер, Германия)

Что есть сказать о жизни...

Что наполняет жизнь, делает радостной, счастливой? Радость дружбы, взаимопонимание и гармония с окружением, любовь, успешная реализация, удовлетворение жизнью, состоявшиеся судьбы детей, счастье близких?

За спиной толпятся десятилетия. Такие разные, непохожие друг на друга. Школьное десятилетие в теперь уже историческом пионерском детстве в ярком мозаичном многонациональном окружении. Наполненное воинственными атеистическими лозунгами, тем не менее все равно учившее жить по, пусть и неведомым, упрятанным от нас библейским заповедям.

И вот уже комсомольским задором наполненные студенческие годы. Вместившее их десятилетие галопом проносилось в эйфории расширенной географии путешествий далеко от родимой азиатской стороны, влюблённой юности вперемешку с отчаянными до бесконечности часами сердечных переживаний. Обширная переписка с друзьями, рассыпанными по карте не только в границах страны, помогала оттачивать эпистолярный жанр, дневниковые записи, стихи. Запомнилось это время безоговорочным доверием будущему, еще не вызывавшим сомнение авторитетом государственной политики, поиском занятий по душе, увлекательным калейдоскопом приключений, а также исследованием области чувствознания, бескомпромиссным максимализмом в дружбе и принципах, будоражащим состоянием влюблённости – репетиции сердечных аномалий. Именно юности присуща категоричность в оценках добра и зла, потому как не накоплены знания о неслучайности встреч и с теми людьми, кто привносит в жизнь добро,

радость познания, и теми, кто груб и бессердечен. Просто все они – зеркала, чтобы обратить внимание на свои собственные добросердие и великодушие, или невоспитанность и эгоизм, собственное несовершенство. Время прелюдии к супружеству… материнству…

Следом потянулись десятилетия в достаточно рутинных буднях, временами уступавшим случавшимся ярким или мало приятным жизненным коллизиям. Однако уже тогда зрелость наполнялась пониманием законов пространства окружения, развитием чувств, управлением эмоциями, присутствием любви, испытанием страстями, удовлетворением от занятий души. Самопознанием постигался собственный микрокосм. На примерах других, своём опыте усваивалось, как зацепки за выбранные идеалы и желание, чтобы всё подстраивалось под них, создают в душе претензии к другим людям, окружающему миру. И потому тогда болезненно отрывают от наших привязанностей, чтобы мы, изменяя прежде всего себя, свой характер, совершенствовали душу, принимая на себя ответственность за все, что в ней происходит, за свои поступки, чтобы двинулись по пути своего духовного развития.

А когда случилось время перемен, переезда в совершенно другую новую жизнь, тут уже десятилетия пустились вскачь, наполненные, наконец, обретенным осмысленным делом, яркими путешествиями, знаковыми встречами, новыми отношениями. Именно эти десятилетия научили осознавать радость от ощущения жизни, потому как уже получается обуздывать самолюбие, гордыню, эгоизм. Формируется мировоззрение, осознание, что происходящее в жизни было, есть и будет для научения во благо, что бонусы от судьбы это не только пряники – успех, выигрыши, счастливые случаи. Это и

преподанные кнутом порой жёстко уроки – боли от обмана, предательства, потери, врачующие эгоизм, соперничество, самовлюбленность, гордыню. Без сомнения, непонимание законов взаимоотношений оставляло раны от злости и обид, прежде чем постигалась необоснованность многих претензий к другим, к миру и обнаруживались границы упрямства, расточительности, нетерпеливости, не допускавшие откликнуться состраданием, сопереживанием и терпением. Жизнь проводит и через боль потерь, нарабатывая усмирение отчаяния перед шокирующей безысходностью.

Но ничего не бывает незаслуженным! Может, и не сразу понятным, но необходимым для урока, для научения. Памятно обожгло первое предательство. Но оно врачевало самовлюбленную гордыню, самонадеянно посягнувшую на свободу избранника. Это эгоизм мешал задуматься о причиняемых страданиях. Любовь, как понимает её гордыня, не любовь, а лишь чувство, ублажающее душу, оттого горько и болезненно чувствовать себя покинутой, забытой, брошенной. Тогда в юности неусвоенный урок довелось повторить позже уже предательством собственным.

Внешнее пространство нашей жизни есть обширное взаимодействие с окружающим миром. А во внутреннем пространстве происходит взаимодействие с самим собой: своими представлениями, мечтами, мыслями. Именно душа суть внутренняя природа человека, с её желанием непрерывного удовольствия, получаемого от бытия, вместо желания непрерывности работы. И она, чего греха таить, прежде всего настроена на получение услаждений в привычном комфорте, легкомысленно используя творческий потенциал не для реализации должного, нужного для увеличения добра на Земле. Челове-

ком постоянно делается выбор работы для души: либо к созданию блага, либо к порождению зла. И по нему можно судить о мощности силы света в нем. Стало быть, нужно выбирать внутреннюю работу над собой, духовное совершенствование, наработку сознания, но при непременных Вере, Познании, Творчестве и Пути. Лишь тогда обнаруживаются благоприятные изменения физического облика и души.

Нам милосердно отпускают время для наработки терпения, толерантности, разумного восприятия чужого уклада, взглядов и принципов, жизненных обстоятельств, наконец, для обретения мудрости миропостижения. Да, выпестованные атеистическим мировоззрением поколения не заморачивались библейскими мудростями. Но для кого постижение Заповедей станет научением души, тому откроется и осознание нарушения многих из них в обычной, казалось, безгрешной, даже добродетельной жизни. Это своего рода тест, который надлежит пройти, если человек хочет по-настоящему открыть свой микрокосм, заглянуть во внутреннее пространство души. И тогда обнаружится, какая огромная предстоит работа. Однако многие, скорее, предпочтут проверять себя многочисленными психологическими-диагностическими тестами, рассыпанными на просторах интернета, сулящими зачастую комплиментарное самопознание личностных определяющих характеристик, интеллекта, способностей, взаимоотношений. Это не составляет особого труда и уж тем более расставания с прикипевшими иллюзиями. Постижение Заповедей и следование им – несомненно другая трудная духовная работа.

Взять хотя бы первую – не ставить никого выше Бога! Но человек склонен творить кумиров, отдаваться во

власть пристрастий по своей беспечности, привязываться к благам, социальному статусу, наслаждениям, даже к чрезмерным заботам о своих близких. Да разве не творим кумиров из детей своей беззаветной родительской любовью, из любимых супругов, из благополучного супружества? Из реализуемого таланта на каком-либо поприще? Из артистов и актёров, литературных героев, любимых писателей, философов, психологов, наставников-гуру? Тем самым прикипаем душой, и как же потом будут кровоточить оборванные связи, ставшие помехами для воспарения духа.

Или вторая заповедь – не произноси имени господнего всуе! А ведь с самого детства вокруг нас слышны многократные восклицания «Господи!» даже от тех, кто не имеет ни малейшего представления о богопонятии. Эти свидетельства пустого мышления, зачастую не к месту, необдуманные, кажутся безобидными языковыми привычками, но по сути унижающие Создателя, лишающие святости, загрязняющие. И ведь куда хуже, когда клянутся святым именем – тут уже очевиден вклад гордыни, принимающей только в свой адрес благоговение. Так что осознание этого липучего греха злоупотребления святым понятием помогает не усугублять обстоятельства собственной жизни. Счастье, что это давно усвоено мною.

А как обстоит дело с постижением третьей заповеди: святить день праздничный/ воскресный (отдыха)? Святить означает – не расточать. Не упускать время, предоставленное для созревания души, для научения, чтобы стать искателем Истины на своем духовном пути, углубляться в свои мысли и внутренние переживания, обозревая, скажем, минувшую неделю, делая выводы для будущей. А если праздничный, воскресный день являет-

ся только отдыхом для ублажения тела, а не духа, заполняется развлечениями, приятным времяпровождением, то время, предназначенное для души, тратится бездумно. Сейчас осознаются многие упущенные возможности, как не хватало времени заняться своим внутренним миром, проникнуть в суть собственных поступков, для того чтобы выбраться из плена многих заблуждений.

Кажется, эту заповедь может обойти вниманием только самый отъявленный эгоист, равнодушный ко всему. Да только заповедь о почитании отца и матери охватывает не личности, а понятие отцовства и материнства. Когда случается, что ребёнок просто не в состоянии уважать деспота-отца или безумно въедливую мать, то это лишь подтверждает насколько и сами родители безответственны в исполнении данной заповеди. А они должны быть достойными уважения детей, дабы не вызывать у тех искушения осуждать и не почитать родителей. Вот и я грешила тем, что привыкнув к отсутствию отца в семье, не уважала его за обман, слабость, за вторую семью, не воспринимала должным образом его наставления.

И как же самонадеянно было полагать, что заповеди: не убий, не укради, не прелюбодействуй меньше всего имеют отношение к нам – вполне приличным и добродетельным! Да можем ли мы лишить кого-то жизни? А разве это не относится к поедаемым животным, птицам, досаждающим насекомыми, к нежеланным человеческим эмбрионам? Злоупотребляя родительской властью можно помешать развитию каких-то, кажущихся малозначительными, дарований у ребёнка, убивать его интересы. Впрочем, как и отмахнуться от Богом данного таланта, зарывая его в землю. Да, убивать можно и

словом, и мыслью, и взглядом! Разрушение искренней дружбы, умерщвление доверия в ком-то или к чему-то. Даже едкой насмешкой можно погасить в человеке искру веры, надежды. И, пожалуй, не менее значимое: ленью или суетой легкомысленно убивается время в рутине, обыденности.

Вот и заповедь: не кради – разве только к материальному относится? Ведь есть и другие ценности: уважение, доброе имя, успех, идеи, авторство у работ. Крадется и доверие, чужое время забирается обманом, пересудами.

Нарушение заповедей: не прелюбодействуй и не желай жены ближнего – это не только незаконные связи, измены. Должно просто не быть рабом вожделения, мысли содержать в чистоте, не разрушать гармонию союза, не сеять разлада в супружеской паре, чем грешат иногда родители молодожёнов. Никогда не желала чужого ближнего, не вступала в связи, серьёзные отношения с женатыми поклонниками. Однако не нарушала ли заповедь, когда кружила им головы, насмешками вызывала ревность, провоцировала желание?

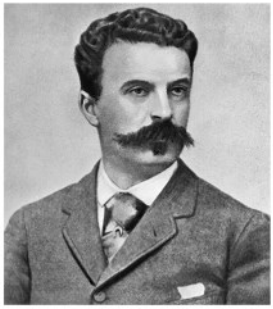
Заповедь: не свидетельствуй ложно на ближнего – о том, что не должно быть искажения истины, тем более сознательно. Для чего вводят в заблуждение ложной информацией – чтобы доказать собственную значимость. Избежал ли кто возводить напраслину, чтобы унизить соперника или соперницу? Злословье, наветы ранят душу обманом. Впрочем как и ложь, манипуляция мнением, утаивание, лукавство, обман. Даже чётко осознавая эту заповедь, все же умудряешься совершать ошибки, поначалу ссылаясь на легкомысленную молодость, потом на предусмотрительную женскую хитрость.

И заключительная заповедь – не желай ничего у ближнего, это, конечно, про зависть. Жизнь не может быть без желаний, но губит вожделение. Не должно откачивать энергию на предмет зависти. Еще с юности завидовала владельцам больших библиотек, искусствоведам с обширными познаниями, возможностям счастливчиков путешествовать. Позже и в жизни появились завистники. Только уже видела подсказку: видать, сама доставляла другим порядком неприятных минут своей гордыней, чем провоцировала других на досаду.

Именно с подачи все той же гордыни насмешки, ирония, безаппеляционность суждений, залипание на непогрешимость духовных изысканий, самоуверенность вкупе с самодостаточностью помогали нарушать теперь уже заповедь Иисуса: не суди – что заметно нагрузило обстоятельства жизни. Довелось убедиться, что для человека неразумного остаётся боль как единственное средство очищения и просветления души. Но мудрое восприятие обстоятельств убережет от нарушения этой заповеди. Духовность, познание и взаимодействие в гармонии – непременно приведут к духовному преображению, проявятся глубоким спокойствием, силой, уверенностью.

Жизнь во все вносит свои коррективы. В ряду наполненных творчеством и яркими событиями очередных десятилетий случился карантинный год, жестко рассадивший всех по домам, но и подаривший взамен непереоценимую возможность общения в необъятной сети интернета с рассыпанными по земном шару близкими по духу и сотворчеству.

Август



05.08.1850

Ги де Мопассан

09.08.1983

Максим Сафиулин

1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31				

15.08.1771

Вальтер Скотт

20.08.1890

Говард Лавкрафт

Ги де Мопассан

Писатель.

Его называли учеником Флобера и последователем Золя, но в действительности Мопассан был абсолютно самобытным писателем со своими эстетическими принципами и авторским подчерком. Всего за 11 лет литературной карьеры он написал 29 книг, в которые вошли его шедевральные романы, новеллы, рассказы и эссе. При этом писателя читали не только в родной Франции, но и далеко за ее пределами. Русский читатель познакомился с Мопассаном благодаря Тургеневу, который был дружен с талантливым французом. А вот одним из первых отечественных переводчиков Ги стал Лев Николаевич Толстой.

Посторонние знали Мопассана как сильного и крепкого мужчину, увлеченного спортсмена. Но Ги неоднократно говорил о смерти. В 1892 году он даже попытался зарезаться ножом на борту собственной яхты под названием «Милый друг». Врачам удалось спасти жизнь писателя, однако его психическое состояние было безвозвратно подорвано. До следующего года Мопассан находился в клинике для душевнобольных. Он скончался в 1893 году от паралича мозга.

Любовное посланье в Тюильрийском парке

Ко мне, дитя, чью мать люблю любовью жаркой!
Пришла она взглянуть, как здесь играешь ты!
Бледна, а волосы при звездах светят ярко,
Как отражение несбыточной мечты.
Ко мне, дитя, ко мне! Дай голубые глазки,
Дай локоны свои и губки дай скорей –
Заставлю их нести я бремя жаркой ласки!
Когда же вечером ты возвратишься к ней,
Когда ты кинешься на грудь к своей родимой, –
Повеет жар с твоих кудрей, и детский рот
Каким-то пламенем уста Ей обожжет,
Какой-то нежностью любви неодолимой!
На локонах твоих мой поцелуй найдя,
Услыша зов любви и зову повинуясь,
Промолвит так она, смущаясь и волнуясь:
«Что ощутила я на лбу твоем, дитя?..»

Перевод Э. Левонтина

Максим Сафиулин

Поэт.

Я жить люблю...

Я жить люблю. Люблю творить. В стихах своих мелодий.
Люблю общаться по душам с приятными людьми.
Пишу о свете и добре, животных и природе;
Пишу в блокнот, потом в печать, потом на сайт и в СМИ.
И пусть не всем стихи мои покажутся простыми;
А кто-то сможет в простоте банальной упрекнуть.
Увидят, что не всё легко и просто с запятыми –
Важней всего познать сюжет и распознать всю суть.
И пусть деньгами у меня не давятся карманы,
Зато никто мне ничего не может приказать.
И я горжусь, что я могу пить воду из-под крана,
А про другие города так не могу сказать.
Мой город светел и красив – другого мне не надо.
Все направленья мне близки, дороги и пути.
Иду туда, где мне легко, туда, где ждут и рады.
А где морально тяжело, меня там не найти.
Я не боюсь, что не поймут. Боюсь, что не помогут.
А коль помогут, то потом запишут в должники.
Не будут близкими стихи – не стану прыгать в омут.
Но верить хочется, горят... до зорьки... ночники.

(Максим Сафиулин, Россия)

Вальтер Скотт

Писатель.

Скотт никогда не считал занятие литературой своим основным заработком. Кроме того, его мало интересовали слава и восхищение читателей, сочинительство было, скорее, занятием для души. Он любил проводить за ним свой досуг, писательство скрашивало его одиночество. Вальтер предпочитал спокойное и размеренное существование, много времени проводил за своим хобби – высаживанием деревьев.

Творческая биография Скотта началась с переводов немецких авторов, а потом продолжилась поэзией. Свое первое произведение «Иоаннов вечер» он написал в 1800 году. В 1810 году вышло произведение «Два озера», в 1813-м он опубликовал – «Рокби». После этого писатель получил звание основателя совершенно нового литературного жанра – исторический роман. Уподобляясь Шекспиру, Скотт умело соединял в своих сочинениях правду и вымысел.

Важно отметить, что для шотландцев Скотт стал не просто писателем. Он работал над возрождением исторической памяти народа, сумел открыть свою удивительную страну для всего мира. До того, как Скотт начал публиковать свои произведения, история Шотландии не интересовала никого, а в Лондоне шотландцев считали «дикими». Произведения же Вальтера, вышедшие после войн с Наполеоном, в которых немаловажную роль сыграли шотландские полки, заставили изменить общественное мнение в пользу этой бедной, но гордой страны.

Клятва Мойны

Шотландская баллада

Вот клятва Мойны молодой:
«Не буду графу я женой!
Хотя б от всех людских племен
Остались в мире я да он;
Хотя б он мне в награду дал
Алмазы, жемчуг и коралл;
Хотя б владел он всей страной –
Не буду графу я женой!»

«Обеты дев, – сказал старик, –
Все вмиг даны, забыты вмиг;
Обвив крутые высоты,
Алеют вереска цветы,
И скоро ветр с утеса прочь
Их унесет в осеннюю ночь;
Но Мойна прежде ночи той
Уж может графу быть женой».

«Пусть лебедь, – Мойна говорит, –
В гнездо орлиное взлетит,
Назад пойдут потоки гор,
Пусть упадет утес Бенмор,
И битвы в час наш грозный клан
Пусть побежит от англичан –
Но я не изменюсь душой:
Не буду графу я женой!»

Еще доселе в тростнике
Гнездится лебедь на реке,
Бенмор огромный не падет,
Крутой поток бежит вперед,
Клан всё слывет, каким он слыл,
И пред врагом он не дал тыл –
Но Мойна любит всей душой,
И Мойну граф зовет женой.

Даме, преподнося ей цветы с римской стены

Здесь цветы пылают ало,
Где разрушен древний вал...
Смелых скоттов здесь, бывало,
Римский стяг на битву звал.

Нет уж лавров для солдата,
Но зато из диких роз
Ты сплетешь венок богатый
Для своих прекрасных кос.

Говард Лавкрафт

Писатель.

В каком-то смысле Говард Лавкрафт удачливее многих авторов. Речь не об успехах в книгоиздании: при жизни Лавкрафта лишь один его роман ушёл в печать, а рассказы выходили в свет в дешёвых журналах. И не о яркой, насыщенной жизни: вряд ли кого впечатлит переезд из одного дома в другой на расстоянии в несколько десятков метров… Лавкрафту удалось нечто большее. Человек, который всю жизнь изумлялся любым тайнам (чаще воображаемым, чем реальным), превратил свою биографию и творчество в «феномен Лавкрафта», вызывающий если не изумление, то недоумение. Перед нами очень противоречивая личность. Домосед, с упоением писавший о смертельно опасных путешествиях и ужасающих неведомых пространствах. Дремучий, махровый ксенофоб на словах – не придерживавшийся этих принципов в реальной жизни. Почти неизвестный при жизни – и неожиданно ставший популярным после смерти…

Лавкрафт, начиная со статей об астрономии, позднее нашел себя в готических романах, он создал целую мифологическую базу о мистических культах. И как раз «Мифы Ктулху» – стали неотъемлемой составляющей Лавкрафтовских ужасов. При этом сам он хотел, чтобы другие писатели дополняли «Мифы Ктулху», не ограничиваясь строгим сюжетным устройством, создавали общие переплетения в своих произведениях. И надо сказать, что в «Мифах Ктулху» оставили свой след многие писатели, среди них Фрэнк Лонг, Роберт Говард, Роберт Блох и Стивен Кинг – это группа, называемая «Кругом Лавкрафта».

Кошки

Груды каменьев и блоков разбитых –
Вот вавилонской гордыни итог;
И ядовитая плесень на плитах
Тлеет смертельным огнём вдоль дорог.

Грязные русла мосты перекрыли,
Нить паутины связала химер;
Бурный поток разложившейся гнили
Льётся из хаоса липких пещер.

Блеск и упадок, страданья и крики,
Ширясь, безумие чертит круги;
Толпы молящихся странны и дики,
Мерзостный запах туманит мозги.

Тощие кошки сбиваются в орды
В тёмных аллеях при свете луны;
Адской гримасой кривятся их морды,
И завывания всюду слышны.

Улицы в зарослях дикой крапивы,
Мыши летучие носятся в них;
Как отступающий враг молчаливы
Ржавые цепи мостов разводных.

Башни согнулись от лунного света,
Ямы залиты болотной водой;
Ветер завоет, и вместо ответа –
Дьявольских кошек пронзительный вой.

Перевод Н. Шошунова

Сентябрь

05.09.1954

Ольга Равченко

11.09.1948

Надежда Фурзенко

			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30		

24.09.1969

Нани Сариду

Ольга Равченко

Писатель.

Чем я интересна миру? Вероятно, тем, что растили меня в атмосфере любви. В семье меня наказывали всего пару раз. Никогда не били. Первая моя провинность – которую помню: обрезала кошке усы.

Дедушка каждое утро брился и подправлял себе усы. По окончании процедуры я усаживалась к нему на колени и тянула несчастные усы в разные стороны. Дедушка только кряхтел: «Волька! Годзе! Ня трэба!» И терпеливо объяснял, какой вред я нанесла бедной кошке. Ругал меня и папа – любя... Было мне года три-четыре. Поняла, что совершила дурной поступок, но от кошки не отстала: то заворачивала её в платок и гуляла по комнате, как с ребёнком, то выворачивала ушки наизнанку и наблюдала, как она приводит их в прежнее положение. Кошка меня не царапала. Иногда вырывалась и, шлёпнувшись на пол, гневно мяукнув, спасалась бегством.

Дедушка столярничал и плотничал. У него был огромный круглый точильный камень, крепившийся к большому коробу на ножках и приводившийся в движение монтировкой. Я внимательно следила за тем, как дедушка, подлив в короб воды, что-нибудь точит. Едва он уходил, я забиралась на табуреточку и наливала воду до краёв, а затем крутила ручку так, что вода выплёскивалась. Дедушка знал мои повадки и позволял мне натешиться, затем прогонял и практически всю воду сливал, чтобы, с одной стороны, короб не разбухал, с другой – чтобы иногда проворачивать камень: для профилактики. Усы у кошки отросли. Я, разумеется, выросла.

(Ольга Равченко, Беларусь)

Надежда Фурзенко

Писатель.

Из созвездия Девы упала
я в сентябрьский ночной звездопад.
Оттого мне ночами мечталось
и хотелось вернуться назад.
Но как только луч солнца проснётся,
забываю о звёздных полях –
Всё земное на место вернётся,
отражаясь в открытых глазах.

Земля, где я родилась, – историческая Северщина. Родной городок Середина-Буда расположен на границе Украины с Россией. Это Полесский край: *«лес да поле, где следы на снегу видны лисьи, а в тенистых лесах спит мечта...»* Любовь к природе, мечтательность и песни матери лежат у истоков моего творчества.

С медалью окончив школу и филфак Калужского Государственного университета им. К. Циолковского, 38 лет работала учителем. «*От общения частого с детством, не состарилась вовсе душой. Ведь от старости лучшее средство: обучая, учиться самой*».

В зрелые годы пришло желание вплотную заняться литературой: *«ловлю мгновенья милых дней, их удержать стихом желаю, оставив часть себя в строке».* Лауреат премии им. М. Матусовского. С детских лет занимаюсь журналистикой. Член национального союза журналистов Украины. Люблю жизнь во всех её проявлениях.

Люблю любое время года,
Сезонных дней круговорот,
Сюрпризы частые погоды
И межсезонья дискомфорт.
Вчера со мною было лето,
Сегодня с осенью иду,
Зима за горизонтом где-то,
А сердце шлёт весенний стук.
Беда и радость вперемешку,
Промашка и удачи час,
Улыбка и судьбы насмешка –
Всё это целой жизни часть.
Не дам дождю нарушить «ясно»,
Не дам я злу «зелёный свет»,
И безразличие напрасно
Оставить хочет мрачный след.
Люблю рассветы и закаты,
И солнечных людей люблю.
И, ошибясь неоднократно,
Опять влюблюсь в осенний блюз.

(Надежда Фурзенко, Украина)

Надежда Фурзенко

Вдохновение

Тончайшая невидимая нить
Навек сердца людей соединяет.
Любовь способна чудеса творить,
И мир вокруг волшебно изменяет.

Вдруг брызнет красками осенний день,
В мелодию дождя прольётся ретро.
А тишину встревожит слова звень
И зарифмованная свежесть ветра.

Напишется придуманный портрет,
Сначала черно-белыми штрихами,
А позже цветом будет он согрет
И озарения живым дыханьем.

Наполнится значением пейзаж,
Проступят сквозь туман черты рассвета,
А красоту земле придаст визаж
Из позолоты трав, румянца веток.

Тончайшая невидимая нить
Природу и людей объединяет
И побуждает чувствовать, творить,
И полюса добра и зла меняет.

Секреты памяти

Забываются запахи, контуры, краски и звуки.
Каждый день, нас волнуя, уходит, как солнце в закат.
За ушедшим не стоит грустить, опуская досадливо руки.
Это твой мозаичный, запрятанный временем клад.

Забываются даты, события, годы и люди,
И детали, которые выткали жизни панно.
Остаются мгновенья, которые искренне любим, –
Их стереть, зачеркнуть, растворить и забыть не дано.

Забываются рвы и ухабы пройдённой дороги,
И пунктиры маршрутов прикрыты туманом давно;
Но до мелочи помнишь дорогу к родному порогу,
Вернисажи сосновых лесов и полей полотно.

Забывается то, что не тронуло чуткого сердца,
И во что не вложилось любви и большого труда.
Но рождённое от доброты, красоты и усердья
Не смывают дожди, оставляя следы навсегда.

Два мира

Там, где нет меня, другое утро,
вечер, полдень, ночь, восход, закат.
Там другая красота и мудрость;
грусть и нежность множатся стократ.
Там, где нет меня, другое небо,
лунная дорожка на реке,
звёздные полёты, быль и небыль,
и синица, и журавль в руке.
Там, где нет меня, другие песни,
что тревожат, душу окрылив;
и стихам иным от мыслей тесно,
и весенней бодрости прилив.
Где-то без меня пустыня Наска
и Тибета горные хребты,
в Тихом океане остров Пасха
и венецианские мосты…
Многого не видела, не знаю,
не коснулась чья-то жизнь меня.
Мир вокруг себя родным считаю –
параллельный мир живёт маня.

Музыка в сердце

Чуткие струны сердечные.
Стоит лишь тронуть – они зазвучат.
Чувства колеблют их вечные,
Могут запеть от касанья луча.
Тонкими нитями связаны
С миром огромным, родными людьми.
То, что словами не сказано,
Сердце услышит, почувствует вмиг.
Первая – та изначальная,
«До» – материнского чувства струна.
Трепетно-нежно-печальная,
Звуков любви и заботы полна.
В каждой струне – настроение:
Радостный, грустный таится мотив.
Тихий напев сокровенного,
Громок аккорд, что бравурно-игрив.
Счастье поёт всеми струнами –
Горечь, врываясь, надрывно кричит.
Сердце в гармонии с лунами –
В солнечный день перебором звучит.

Встречаю солнце

Уже не ночь, но до рассвета далеко.
Смотрю на небо: там должно явиться диво.
Свежо. Прозрачен воздух. Дышится легко.
И звуки ловятся для нового мотива.

Светлее купол неба, красится в лазурь.
Проснулись птицы – петь заздравную рассвету.
И поминутно насыщается азур
Небесной прелестью оттенков гаммы цвета.

Как будто разорвав ночное покрывало,
Восход над горизонтом вспыхнул, заалел.
Ночных волнений, мрака будто не бывало.
Каскад лучей струится светом по земле…

Я каждый миг ловлю, хочу постигнуть суть.
Рожденье дня всегда волнующе красиво!
В себе оставлю след и в стих перенесу –
Слова «*рассвет*» и «*солнце*» выделю курсивом.

Осенний блюз

Загулявшие где-то дожди
В нашу землю опять воротились.
Хоть сжигай, что прошло, хоть не жги,
Всё ж останутся искорки были.
Будут жаркие летние дни
По пятам за тобой увиваться.
Обернёшься – дождинки одни,
А под ними следы – померанцем.
Музыкальные пальцы дождя,
До чего ни коснутся, озвучат:
Барабанную дробь переждав,
Каждый лист свою нотку получит.
Запоют, зазвенят голоса
В хоре песен про летнее время.
В гроздьях спелой рябины краса,
И веселая радость, и бремя.
Я заслушаюсь дробью дождей
Под ветров разгулявшихся дискант.
Вновь сентябрьский незримый диджей
Будет ставить любимые диски.

Нани Сариду

Поэт.

В свои 52 года всё ещё верю в красивое, доброе, вечное. Родилась в год петуха, по гороскопу Весы, всегда недоумевала: почему считаю своим родным языком русский, а в паспорте числюсь гречанкой, почему человечество ещё не раскрыло тайну бессмертия (поэтому и пошла по стопам мамы, стала врачом), почему у мальчиков больше свобод (нередко пишу стихи от имени мужчин), почему ханжество присутствует даже в искусстве и живописи (поэтому наряду с письмом в классическом стиле и иконописью нередко шокирую своими натуралистическими картинами и абстракционизмом), почему во многих деревнях Грузии говорят не на греческом, а на турецком (поэтому до выезда за рубеж в течение нескольких лет самостоятельно изучала греческий, на котором и пишу стихи, в меньшей степени творю на турецком языке). На все вопросы пытаюсь до сих пор найти ответы, выражая свои изыскания Словом и Формой).

Работаю 23 года кардиологом в г. Александропуле, Греция. Автор четырех книг на русском и греческом языках. Рада тому, что мои стихи находят звучание на других языках; когда строки задевают людей за живое. Поэтому привыкла говорить о себе: «Сариду Нани-КАРДИОЛОГ-ВРАЧЕВАТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ И СЕРДЕЦ»!

(Нани Сариду, Греция)

Не чета ковровой моли

«Нани, нани, мой малыш...» –
Напеваю мелодично,
«Нани» значит – «Спи, усни ж!»
И меня назвали «Нани»,
полагаю, символично:

Чтоб держать меня в узде?
Жизнь проспать неинтересно.
Серой мышью жить бесцветно –
Пресно, то не мой удел!

Я, как молния, бью током;
Эфемерна, как мираж.
Я напористым потоком
Все преграды смою враз!

И живительным нектаром
Губ твоих едва коснусь –
Враз целительным пожаром
Вся по телу разольюсь!

Я сирена и русалка –
Услаждаю слух и взоры!
Как кудесница из сказки
Сею ревность и раздоры...

Я – фатальна, я – азартна:
Вмиг дотла испепеляю!
Я, подобно перцу с солью,
Что вкусна, но обжигаю.

И мистической кометой
Задеваю за живое;
У меня врагов несметно –
Больше, чем песчинок в море.

Яркой бабочкой порхая –
Не чета ковровой моли.
Пролетая – обжигаю,
Я и счастье, я и горе!

(Больше узнать о творчестве автора можно в приложении стр. 280)

Октябрь

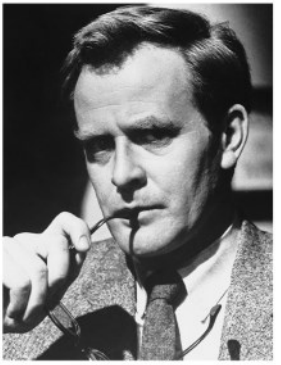
06.10.1968

Тома Блюм

10.10.1660

Даниель Дефо

					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31						



19.10.1931

Джон Ле Карре

22.10.1870

Иван Бунин

Тома Блюм

Писатель.

Однажды в жизни человека наступает момент, когда он задумывается много больше, чем лишь о смысле жизни. Его интересует не только миссия на Земле, в которую он, безусловно, верит, но и пытается понять: кто же он на самом деле, откуда его истоки. Порой не так легко ответить на вопрос: откуда ты. Кто верит в множественность жизни, тот поймет. На десятый, сотый или сто первый раз ты постигаешь, что весь мир, планета и, может быть… даже больше – твой дом.

Я разучилась делить людей на своих и чужих, для меня не играет роль степень родства, и все равно сколько лет моим друзьям – 10 или 90, кто они по национальности и языковой принадлежности, по вере, убеждениям и гендерным признакам. А все потому, что соотношу себя с гражданами мира…

И все-таки, на мой взгляд, будучи на Земле, человек не сам выбирает место своего пребывания. Хотя такая иллюзия вроде бы и существует. Туда, где мы находимся в тот или иной момент, мы пришли бы все равно, не прямым путем, так окольным. Все мы действуем по определенной программе, она в нас заложена – хотим мы того или нет.

Как я оказалась в Германии?.. Честно?.. Прилетела на самолете… А вот зачем?..

Есть, конечно, пара гипотез… но об этом как-нибудь в другой раз.

(Тома Блюм, Германия)

Нелепость

Ты сидишь перед монитором и смотришь в уже потемневший экран. Сколько времени прошло в этом нелепом ожидании?.. Ожидании чего?.. Если бы можно было определить точно – чего именно и чего же ты хочешь. Может быть, увидеть, почувствовать, понять... хотя что тут понимать...

Ты пишешь строчки и тут же их стираешь. А ведь была такая яркая мысль... даже не так – у тебя возникла идея, или нет – палец стукнул по клавишам: представляешь, а вчера... опять не то... наверняка это не интересно. Где я и где ты?.. Кто ты и кто я?..

Ты так хотел рассказать, спросить совета, выслушать ответ, но... все это уже было, а теперь... а теперь разве это возможно?.. Непонятно даже с чего начать, и не получится ли очередная глупость, или вопрос без ответа, или?.. Или...

С сожалением кинув последний взгляд на тех, кто онлайн, ты жмешь на кнопку: темно, тишина... а ведь ты так хотел... но... может быть, потом... или все пройдет. В какой-то степени ты гордишься собой – ты сохранил «лицо» и не был первым, нарушившим тишину...

Опустив голову на край подушки и закрывая глаза, в последний миг перед тем, как унестись в «ночную даль», ты спрашиваешь себя – трус ли я? Возможно...

Твой страх – это страх надоесть тому, кто тебе очень дорог.

Даниель Дефо

Писатель.

Наверняка наши современники и не вспомнили бы, что когда-то жил некий Даниель Дефо, если бы он не написал роман, который сделал его знаменитым. Три столетия люди с увлечением читают его книгу. История моряка из Йорка, который после кораблекрушения попал на необитаемый остров, впервые была опубликована в 1719 году. Идея написания этого романа пришла к 59-летнему Дефо после прочтения им заметки о шотландском мореплавателе, Александре Селькирке, который на необитаемом тихоокеанском острове прожил четыре года.

Появляющиеся позднее очерки об этом событии, которое произошло в 1704 году, ещё больше подогрели интерес Даниеля к этой теме. И он решает написать свою историю отшельника. Дефо дополняет детали, увеличивает его проживание на острове до 28 лет и превращает в увлекательнейший приключенческий роман. Книгу «Робинзон Крузо» можно назвать гимном цивилизации. Успех романа был ошеломительный, и автор тут же решается на продолжение книги «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо».

Впрочем, Даниелем Дефо написано ещё много увлекательной прозы. Как правило, его герои попадают в неприятности и с энтузиазмом их преодолевают. Надо сказать, что умение Даниеля Дефо писать лёгким стилем и с интересным сюжетом с каждым днём только прибавляет количество его поклонников по всему миру.

Цитаты Даниеля Дефо

«В каждом положении отыщется что-нибудь утешительное, если хорошо поискать».

«Человеку не хватает мудрости успокоиться на достигнутом».

«Самая высокая степень человеческой мудрости – это умение приспособиться к обстоятельствам и сохранять спокойствие вопреки внешним грозам».

«Человек – создание по меньшей мере недальновидное, особенно когда сам берется утверждать, что счастлив, или полагает, что может жить своим умом».

«Никогда не поздно поумнеть».

«Все наши сетования по поводу того, чего мы лишены, проистекают от недостатка благодарности за то, что мы имеем».

«Всякая судьба предпочтительнее, чем участь женщины, которой в мужья попался дурак, – лучше провековать в девицах, нежели связать свою судьбу с дураком!»

«Немое отчаяние невыносимо, потому что всегда легче излить горе словами или слезами, чем таить его в себе».

Джон ле Карре

Писатель.

Автор 22 шпионских детективов, опубликованных на 36 языках. В 1961 году, будучи на государственной службе, издал свой первый роман «Звонок покойнику», в связи с чем и взял псевдоним Ле Карре. Бестселлером стала его 3-я книга «Шпион, пришедший с холода», после выхода которой он уволился из Министерства иностранных дел и целиком посвятил себя литературному творчеству.

Сочинять Джон ле Карре начал в конце 1940-х годов. В 1948 году даже выиграл школьный приз за лучшее английское стихотворение.

В шпионских произведениях Ле Карре обходится без супергероев и романтической окраски профессии секретного агента. Он рисует напряжённый, но тусклый будничный мир работы спецслужб, мощное противостояние разведок, но без перестрелок и затянувшихся погонь.

Его герои – «антиджеймсбонды». Ле Карре вообще отрицательно относился к творчеству Флеминга и называл агента 007 «фальшивым». Ле Карре утверждал, что дух каждой нации находит отражение в характере деятельности её разведки.

Цитаты Джона ле Карре

«Всегда есть дюжина причин для того, чтобы ничего не делать. И только одна причина, чтобы что-то делать. Это когда ты хочешь».

«В конце концов, если ты выставляешь своего противника дураком, ты лишаешься всякого оправдания для того, чтобы тратить на него время и деньги».

«Может ли вообще существовать такая любовь между двумя разумными существами, которая не основывалась бы так или иначе на самообмане?»

«В России, чтобы пить, причин не требуется. Назовите мне хоть одного приличного русского, который способен на трезвую голову думать о том, что творится в его стране».

«Беда русских в том, что они мечтают стать европейцами, но их жребий – стать американцами, а американцы отравили весь мир материалистической логикой. Если у моего соседа машина, я должен иметь две. Если у моего соседа пушка, я должен иметь две. Если у моего соседа бомба, то моя должна быть больше, и вообще их должно быть много, пусть даже попасть в цель они не могут».

«Дураки эти лингвисты. Нечего им сказать на одном языке, так они учат другой, чтобы и на нём ничего путного не сказать».

Иван Бунин

Писатель, переводчик.

Бунин рано начал самостоятельную жизнь; в юношеские годы работал в газетах, канцеляриях, много странствовал. Первым из опубликованных произведений Бунина стало стихотворение «Над могилой С. Я. Надсона» (1887); первый стихотворный сборник вышел в свет в 1891 году в Орле. В 1903 году он получил Пушкинскую премию за книгу «Листопад» и перевод «Песни о Гайавате». В 1909 году избран почётным академиком изящной словесности Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

1915 год вынес Ивана Бунина на вершину популярности. Он печатает одни из лучших своих произведений – рассказы «Грамматика любви», «Господин из Сан-Франциско», «Сны Чанга», «Легкое дыхание». В 1917-м литератор уезжает из мятежного Петрограда, не желая жить в «жуткой близости с врагом». На протяжении шести месяцев он живет в Москве, в мае следующего года перебирается в Одессу. В этом городе он выпускает дневник под названием «Окаянные дни», в котором обличает революционное движение и новую власть большевиков. В начале 1920 года Бунин уезжает из страны.

В 1933 году Иван Бунин удостаивается Нобелевской премии по литературе. Он становится последним дореволюционным российским классиком и первым среди русских литераторов, кто получает премию им. Альфреда Нобеля.

Одиночество

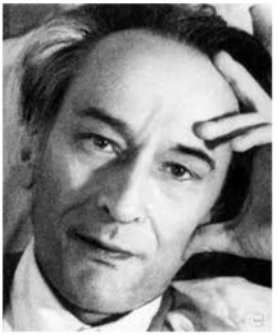
И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой…
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один – без жены…

Сегодня идут без конца
Те же тучи – гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

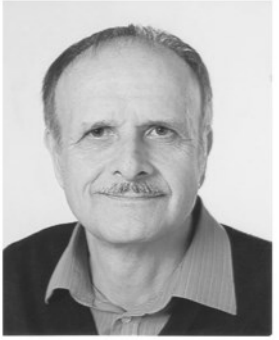
Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила – и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить…
Хорошо бы собаку купить.

Ноябрь



02.11.1906

Даниил Андреев



06.11.1952

Александр Василенко

	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30				

20.11.1980

Татьяна Прит

28.11.1881

Стефан Цвейг

Даниил Андреев

Писатель, философ.

Воспитывался в семье врача Филиппа Доброва. Дом Добровых был одним из литературных и музыкальных центров тогдашней Москвы, туда приходили Иван Бунин, Максим Горький (крёстный отец Даниила), Александр Скрябин, Фёдор Шаляпин, актеры МХаТа и другие известные люди. Андреев начал писать стихи и прозу под влиянием атмосферы этого дома. Первое стихотворение «Сад» появилось весной 1915 года. Также в детстве, по воспоминаниям супруги Аллы, Даниил создал огромную эпопею, где действие разворачивается в выдуманном межпланетном пространстве.

В 1930-е годы Андреев основное время и силы отдавал литературной деятельности. Им была начата работа над поэмой «Солнцеворот» (не сохранилась). Тогда же он познакомился с Максимилианом Волошиным. 29 июля 1931 года на берегах Неруссы Андреев испытал чувство, которое позже назвал «прорывом космического сознания». Осенью 1937 года Андреев приступил к работе над романом о духовных исканиях интеллигенции в эти годы «Странники ночи». 23 апреля 1947 Андреева арестовали по 58-й статье, причиной чему послужил донос и тот самый роман «Странники ночи». Его приговорили его к 25 годам тюрьмы. Вместе с ним срок от 10 до 25 лет в исправительно-трудовых лагерях получили 19 его родственников и друзей. Все написанные до того работы Андреева уничтожает Министерство госбезопасности. Но уже в 1950 году Андреев завершает свою новую работу – поэму «Немереча». затем «Симфонию городского дня» и начинает работать над «Железной мистерией» и «Розой Мира».

Они молились за многошумное...

Они молились за многошумное
Племя, бушующее кругом,
За яростных ратников битв безумных,
За грады, разрушенные врагом:

Они молились о крае суровом,
Что выжжен, вытоптан и обнищал;
О скорби, встающей к тучам багровым
Из хижин смердов и огнищан.

Они молились за тех, чьи рубища –
В поту работы, в грязи дорог;
О бражниках по кружалам и гульбищам,
О ворах, вталкиваемых в острог;

О веке буйном, о веке темном,
О горе, легшем на все пути,
О каждом грешном или бездомном
Они твердили: Спаси. Прости!

Они твердили, дотла сжигая
Все то, что бренно в простой душе,
И глухо, медленно жизнь другая
Рождалась в нищенском шалаше.

Их труд был тесен, давящ, как узы,
До поту кровавого и до слез;
Не знают такого страшного груза
Ни зодчий,
ни пахарь,
ни каменотес.

И мощь, растрачиваемую в раздольи
На смены страстные битв и смут,
Они собирали до жгучей боли
В одно средоточье:
в духовный труд.

Не ради звонкой красоты...

Не ради звонкой красоты,
Как, может быть, подумал ты,
Не блеска ради
Ввожу я новые слова,
Так странно зримые сперва
Вот здесь, в тетради.

В словах испытанных – уют.
Но в старые мехи не льют
Вина младого.
Понятьям новым – новый знак
Обязан дать поэт и маг,
Искатель слова.

Нет, я из книг их не беру.
Они подсказаны перу
Златыми снами.
Они – оттуда, где звенят
Миры других координат,
Соседних с нами.

Александр Василенко

Писатель.

Пишет в соавторстве с сыном Антоном Митляйдером. Оба рано, еще до школы, научились читать. И чтение в их жизни играло существенную роль. До переезда в Германию соавторы проживали в Казахстане. Но настали пресловутые 90-е. Это было бурное время, кроме всего прочего, отмеченное массовой эмиграцией. Скорее всего, импульсом для творчества и явился переезд в Германию. При переезде писатели потеряли практически всё. Квалификацию, язык, культуру, положение в обществе. Наверное, человек в таких случаях мобилизуется в стремлении восстановиться хотя бы в своих глазах. Переезд – это как смерть и воскрешение к новой жизни: масса впечатлений, чудовищное количество разнообразных проблем.

Время шло. Появился первый литературный журнал современной эмиграции: «Родная речь», и будущие соавторы написали повесть, в которой поведали о пережитых трудностях и проблемах языком фантастики. Посланное произведение в журнал не приняли, но главный редактор Ольга Бешенковская написала теплый отзыв, после чего Александр начал писать сказки и коротенькие рассказы. Тем временем их творчество, как совместное, так и каждого по отдельности, расползлось по русскоязычным журналам и альманахам Германии, просочилось на Украину и в Россию. Писательский тандем получил какое-то количество грамот и дипломов, статуэток, кинжалов и медалей. Но главные их работы, считают авторы, еще впереди.

В храме

Отрывок из повести «Веста-два»

В храме, куда нерешительно вошёл Пит, было светло и тихо. Ряды колонн, отражаясь в зеркальных стенах, создавали иллюзию бесконечности. За всю свою жизнь он заглянул сюда три-четыре раза – видимо, тот, чьи знания и умения перенесла в его память Священная Одушевляющая Машина, был исключительно не религиозен. Сейчас, когда давящее предчувствие беды не оставляло Пита ни дома, ни на работе, ноги сами привели его в храм.

Пит нерешительно положил скромный дар на алтарь и выпрямился. Яркий свет, отражающийся от уходящих в бесконечность колонн, создавал иллюзию легкости и свободы. Он вдруг почувствовал себя кристалликом соли, которому суждено раствориться в этом безбрежном сияющем растворе.

Откуда-то из-за колонн появился жрец. Он был очень стар – привилегия, которая достается лишь жрецам. Только они могут умереть своей смертью. На шее служителя висел знак принадлежности его к одной из самых низших категорий – четырнадцатой или пятнадцатой – Пит в этом плохо разбирался.

– Какие душевные смятения привели тебя в храм, Пит? – спросил жрец низким надтреснутым голосом. – Потерял ли ты веру в свое предназначение или же ищешь смысл своего бренного существования?

Пит удивился, что служитель помнит его, и в волнении сглотнул слюну.

– Не знаю что и сказать... О вере, служитель неба, я никогда всерьёз не задумывался, смысла жизни не искал. Просто как-то не по себе мне...

Жрец, чуть склонив набок голову, внимательно смотрел на Пита.

– Пойдем, – просто сказал он и увлек его в дальний конец храма, отделенный от зала зеркальной стеной, за которой, словно притаившись, стояли каменные изваяния странных существ, очень схематичные и примитивные, и какие-то непонятные ажурные конструкции.

Жрец усадил Пита на лавку, а сам сел напротив.

– Что же происходит с твоей душой?.. – раздумчиво, словно спрашивая самого себя, произнес служитель. – Какой враг мучает тебя? Неприятности по работе, неудачи, ссоры, размолвки – все это было у тебя и раньше. А ведь ты не слабая женщина, Пит. Твоему упорству, целеустремлённости, решительности может позавидовать любой вестянин. Почему ты вдруг решил поклониться богам, в которых не веришь, спросить совета у жреца, которому не доверяешь?

Пит молчал, понимая, что ответа от него и не ждут.

– Старость подкралась к тебе, Пит, старость. Ты подошёл к той черте, когда время спросить самого себя: «Кто я? В чём был смысл моего существования, и есть ли вообще этот смысл? Что ждёт меня впереди?» Твой бессмертный разум, заключенный в смертную плоть, бунтует. Он не хочет уходить в никуда вместе с ветшающей оболочкой. И перед той чертой, которая ждет нас всех в конце пути, все наши достижения, все ценности, всё, чем мы гордились, и всё, чего мы добивались, становятся вдруг не ценнее горстки праха. И душа вопиет, заглядывая в бездну… – Жрец умолк, о чём-то задумавшись.

Звенящая тишина наполнила храм.

– Иди сюда, – после паузы произнес служитель.

Он подошел к ажурным конструкциям, заглянул в окуляр какого-то прибора, потом жестом пригласил Пита сделать то же самое. Пит прижмурился и вгляделся. Тьма, усеянная светящимися точками, открылась ему. Это было звездное небо, которого никогда не увидеть в туннелях и переходах, но знание о котором даровала ему Одушевляющая Машина

– Это сооружение – световод оттуда – с поверхности, – торжественно произнес жрец. – Смотри ещё.

Он что-то переключил, звезды исчезли, и Пит сквозь тёмное стекло увидел Солнце – далёкий океан плазмы, дарующий свет и тепло. Пит долго и заворожённо смотрел на светило, а когда оторвался от окуляра, услышал голос жреца:

– Сейчас ты видел солнце. Великое Солнце, звезду, лучи которой дают нашему астероиду энергию и пищу, то есть саму жизнь. А до этого ты видел звезды – такие же солнца, миллионы солнц, и вокруг некоторых из них тоже существует, может, и не похожая на нашу, но, несомненно, разумная жизнь. Как она зародилась – нам знать не дано. Да это и не нужно. Важно, что Вселенная разумна, а наш Разум способен в себя вместить целую Вселенную.

Пит почтительно внимал жрецу, а тот продолжал, всё более воодушевляясь.

– Разум живого существа – это ведь не просто искорка сознания, данная нам Великими Божественными посредством Священной Одушевляющей Машины. Разум, как учит наша церковь, это энергетическое явление локального порядка, важная часть мировой структуры, которая после нашей смерти, я имею ввиду, смерти нашего тела, сольётся с общим энергоинформа-

ционным полем Вселенной. Поле это настолько огромно и всеохватывающе, что даже солнце и все звёзды – это всего лишь нейроны единого мозга, именуемого Космическим Разумом. И нам, и даже Божественным, – жрец кивнул в сторону изваяний, – определена роль скромная, но важная, – быть частицами этого энергоинформационного поля. И эта гигантская Мысль, пронзая пространство и время, борется со всеразрушающей мощью Энтропии. Мысль связывает Вселенную, структурирует её. И в каждой частице Космического разума, в каждой живой душе идёт борьба между мыслью и энтропией, добром и злом. Твоя душа, Пит, глядит в бездну и страшится её. Где найти отвагу достойно встретить свой биологический конец? Как при этом сохранить силу духа? Наша церковь предлагает своей пастве две путеводные нити. Первая – осознание того, что наше общество, наша цивилизация есть атом Всемирного Разума. Вторая – вера в то, что душа после твоей смерти пополнит энергоинформационное поле Вселенной, в котором ты какое-то время будешь ощущать себя как частицу информации, пока не растворишься в великом экстазе единения с гигантской Мыслью!

Служитель тяжело дышал; чувствовалось, что длинная речь его утомила.

– А ты, ты сам веришь в это? – тихо спросил Пит.

– Да, – также негромко ответил жрец, – поэтому у меня к старости лишь четырнадцатая категория… Те из нас, кто не верят глубоко или делают вид, что верят, бьются за власть и другие блага. Вся их жизнь – суета сует и погоня за призрачными иллюзиями.

– Точно как у нас, – вздохнул Пит.

Они помолчали.

– Не знаю, – сказал жрец, – помог ли я тебе чем-то, но всегда буду рад твоему приходу.

– Спасибо, – отозвался Пит, – я буду считать тебя своим другом.

Старый служитель, растроганный словами Пита, проводил его до самого выхода.

Татьяна Прит

Поэт.

Поэзия – это моё второе дыхание. Я всегда была творческим человеком. Моё путешествие в мир творчества началось с детского сада, когда воспитатели давали мне учить большие стихи. А потом эту эстафету взяла музыка. В школьные годы я обожала сочинять музыку. А вот первые стихи я начала писать на русском языке в студенческие годы. В те годы они стали лекарством для моей души.

Кому я надо в этом мире?
На что же создал меня Бог?
Не быть звездой мне для эфира.
Не быть поэтом вечных строк.

В основном это были грустные философские стихи или стихи про любовь. А потом я вообще перестала что-либо писать. Через некоторое время, уже проживая в Польше, я вернулась к творчеству. Это были стихи на русском языке и рисунки. Как-то раз неожиданно для себя я написала стих на английском O MY BEAUTIFUL ROSE. После этого события я решила попробовать писать и на польском языке – у меня получилось! А уж затем я написала первый стих на родном украинском языке. Тот факт, что сегодня я пишу на 4-х языках стал ключевым моментом – я перестала игнорировать свой творческий потенциал. Бог просто так таланты не дарит. И каждый его дар – это своего рода ответственность, которую человек должен нести в мир и развивать. Творчество – это язык, на котором общается с нами Бог. Так родилась TAT POETRY…

(Татьяна Прит, Польша)

Могучий Змей

Под облаками,
Вдали от глаз людей,
Переливаясь яркими лучами,
Летит ко мне могучий змей.

Дракон – с крылатыми руками,
С большим серебряным хвостом –
Сверкает белыми зубами
Игриво в небе голубом.

И начинает громко говорить
Со мною голосами человека:
Куда идти и как любить,
Как вдохновлять людей на веки.

Я закружилась в танце с головой.
Вверху дракон, внизу – моря, долины.
– Возьми, пожалуйста, меня с собой
И подари ключи, что открывают все вершины!..

Стефан Цвейг

Писатель, драматург и журналист.

Новеллы Цвейга сделали имя автора популярным во всём мире. Его новеллы поражают драматизмом, увлекают необычными сюжетами и заставляют размышлять над превратностями человеческих судеб. Цвейг не уставал убеждать в том, насколько беззащитно человеческое сердце, на какие подвиги, а порой преступления толкает человека страсть. События большинства его историй происходят во время путешествий, часто по-настоящему опасных. Всё, что случается с героями, подстерегает их в пути, во время коротких остановок. Драмы разыгрываются в считанные часы, но это всегда главные моменты жизни, когда происходит испытание личности, проверяется способность к самопожертвованию.

Кроме новелл, Цвейг писал и большую прозу, нередко это было на стыке документа и искусства, так он создал увлекательные жизнеописания Магеллана, Марии Стюарт, Эразма Роттердамского, Жозефа Фуше, Бальзака. Цвейг долгие годы был наиболее издаваемым австрийским писателем в СССР. Но однажды, в 1936 году, Цвейг написал Ромену Роллану: «...в Вашей России Зиновьев, Каменев, ветераны Революции, первые соратники Ленина расстреляны как бешеные собаки... Вечно та же техника, как у Гитлера, как у Робеспьера: идейные разногласия именуют „заговором“». А в 1942 году Цвейг вместе с женой покончил жизнь самоубийством.

Благодарность шестидесятилетнего

Сумрак льнет легко и сладко
К стариковской седине.
Выпьешь чашу без остатка –
Видишь золото на дне.
Но не мрак и не опасность
Ночь готовит для тебя,
А спасительную ясность
В постиженье бытия.
Все, что жгло, что удручало,
Отступает в мир теней.
Старость – это лишь начало
Новой легкости твоей.
Пред тобою, расступаясь,
Дни проходят и года –
Жизнь, с которой, расставаясь,
Связан ты, как никогда…

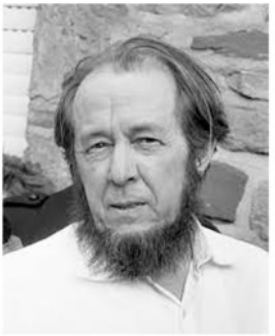
Перевод Л. Гинзбурга

Осенние строфы

Летят давно по золотым ступеням
Дни лета. Греет поздний блеск поля.
Ложатся тени, голубея,
С дерев на плечи вечера опять.
Еще блестят с ветвей, напряжены под ветром,
Последние листы. Но грудь земли нага,
И пробегут на запад неприметно,
Утешив небо, облака.
Над облетающими лесами
Дрожит полет встревоженных стрижей,
Здесь все – приметы дней осенних.
А склонишься над книгою полей,
И заблестит из пестрых букв над вами
Любимое у жизни слово – тлен.

Перевод Г. Петникова

Декабрь



11.12.1918

Александр Солженицын

12.12.1821

Гюстав Флобер

			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30	31	

16.12.1978

Михаэль Кречмер

Александр Солженицын

Писатель.

Первые публикации Солженицына вызвали огромное количество откликов писателей, общественных деятелей, критиков и читателей. Письма читателей – бывших заключённых (в ответ на «Ивана Денисовича») положили начало «Архипелагу ГУЛАГ». Надо заметить, что рассказы Солженицына резко выделялись на фоне произведений того времени своими художественными достоинствами и гражданской смелостью.

После прихода к власти Л. Брежнева Солженицын практически потерял возможность легально печататься и выступать. В сентябре 1965 года КГБ конфисковал архив Солженицына с его наиболее антисоветскими произведениями, что усугубило положение писателя. В 1966 году на XXIII съезде КПСС прозвучало требование дать решительный отпор фальсификации истории. В качестве примера была названа повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Но уже к 1970 году произведения Солженицына стали выходить за рубежом, больше всего переводов появилось в Западной Германии и в США. Там же на русском языке к этому времени было опубликовано 17 отдельных изданий и собрание сочинений в шести томах.

Писателя исключают из Союза писателей СССР, и тогда Солженицын начинает открыто и резко критиковать власть. 12 февраля он арестован, обвинён в измене Родине и лишён советского гражданства. 13 февраля выслан из СССР (доставлен в ФРГ на самолёте).

* * *

Да когда ж я так допуста, дочиста
Всё развеял из зёрен благих?
Ведь провёл же и я отрочество
В светлом пении храмов Твоих!

Рассверкалась премудрость книжная,
Мой надменный пронзая мозг,
Тайны мира явились – постижными,
Жребий жизни – податлив, как воск.

Кровь бурлила – и каждый выполоск
Иноцветно сверкал впереди –
И без грохота тихо рассыпалось
Зданье веры в моей груди.

Но пройдя между быти и небыти,
Упадав и держась на краю,
Я смотрю в благодарственном трепете
На прожитую жизнь мою.

Не рассудком моим, не желанием
Освящён её каждый излом –
Смысла Высшего ровным сиянием,
Объяснившимся мне лишь потом.

И теперь, возвращённою мерою
Надчерпнувши воды живой, –
Бог Вселенной! Я снова верую!
И с отрёкшимся был Ты со мной…

Гюстав Флобер

Писатель.

В середине XIX века романы Гюстава Флобера считали пошлыми и аморальными, а сегодня французский писатель считается ведущим национальным мастером пера. Еще в 1843 году Флобер начал писать роман «Воспитание чувств», работу над которым он закончил через 2 года. Но наряду с целым рядом других ранних произведений этот первый роман Флобера при его жизни остался неизданным. В 1849 году он завершил первую редакцию «Искушения святого Антония» – философской драмы. В мировоззренческом отношении она проникнута идеями разочарования в возможностях познания. Но известность Флоберу принесла публикация в журнале романа «Госпожа Бовари» (1856). Вскоре после неё Флобер и редактор журнала «Ревю де Пари» были привлечены к судебной ответственности за «оскорбление морали». К слову, роман оказался одним из важнейших предвестников литературного натурализма, при этом в нём отчётливо выражен скепсис автора по отношению не только к современному обществу, но и к человеку вообще.

Блестящий стилист, тщательно оттачивавший слог своих произведений, Флобер оказал огромное влияние на всю последующую литературу и привёл в неё ряд талантливых авторов, среди которых были Ги де Мопассан и Эдмон Абу. Сочинения Флобера были хорошо известны в России, о них сочувственно писала русская критика. Его произведения переводил И. С. Тургенев, связанный с Флобером близкой дружбой, А. А. Блок и М. А. Волошин.

Цитаты Гюстава Флобера

«Воля – главный элемент всякого начинания».

«Страсти наши – как вулканы: гул слышен постоянно, извержения бывают лишь временами».

«Блаженство – обман, придуманный для того, чтобы разбитому сердцу было потом еще тяжелее».

«Без стремления к идеальному не существует правды».

«Будущее – наихудшая часть настоящего».

«Будущее нас тревожит, а прошлое нас держит. Вот почему настоящее ускользает от нас».

«Чтобы вас уважали те, кто ниже вас, уважайте сами то, что выше вас!»

«Великие люди никогда не становились великими при жизни. Великими их делали потомки».

«Воспоминание о первой любви обесцвечивает новую любовь».

«Жизнь происходит от греха, грех – от желания, желание – от ощущения, ощущение – от соприкосновения».

Михаэль Кречмер

Писатель.

Мой родной город Псков расположен на самом Западе России. Всего лишь короткая поездка на ночном поезде отделяла наш город от Санкт-Петербурга, Риги, Таллина. Да и в самой области хватало интереснейших мест, таких как Пушкинские Горы, невероятно древний Изборск, Печерский монастырь. Неудивительно, что «охота к перемене мест» захватила меня с самого раннего возраста.

Уже живя в Израиле, смог осуществить мечту – путешествовать по миру. Причем в любой стране, где мне приходилось бывать, я старался побыстрее закончить с «раскрученными» достопримечательностями, чтобы слиться с толпой и ощутить пульсирующие вибрации жизни страны. Есть что-то невероятно заманчивое в том, чтобы ранним нью-йоркским утром, на ходу проглотив покрытый сахарной глазурью пончик и запив кофе, нырнуть в метро в нескончаемом людском потоке. При этом сознавать, что моих попутчиков ждет офисная рутина, а меня – полный впечатлений день.

С путешествий началось мое первое хобби – фотографирование, будь то снимки диких животных в африканском сафари или же фотографирование уличных сценок в моем любимом Тель-Авиве. Именно в Тель-Авиве появилась идея моей первой книги – романа «Барабан Будды» – о невероятных приключениях беззаботного тель-авивского яппи. Другая моя книга, повесть «Чертик у Флорианских ворот», действие которой происходит в оккупированной Польше, появилась после путешествия по этой стране и посещения мест, связанных со Второй мировой войной.

(Михаэль Кречмер, Израиль)

На следующий день...

1

– Ohayo Gaizanmasu! – растягивая гласные поприветствовал меня охранник Дуду и чинно склонился, прижав руки ладонь к ладони.

– Ты никак сдвинулся по фазе от безделья? – предположил я и вместо рукопожатия по выработанной за долгие недели карантина привычке толкнул охранника локтем.

– Смеешься? – спросил Дуду. – А это видел?

С этими словами он извлек и помахал перед моим носом довольно потрепанной книгой под названием «Японский язык для начинающих».

– Надо же было чем-то заниматься во время карантина, – пояснил он.

– Ну хорошо. Когда в следующий раз приедут наши японские партнеры, мы призовем тебя в качестве переводчика, – я решил поддержать лингвистические потуги Дуду.

Следующие пятнадцать минут мы с Дуду воевали с турникетом, который настойчиво игнорировал мою магнитную карточку. Было очевидно, что умная система не предполагала столь долгого отсутствия на рабочем мечте, будь оно даже по самой уважительной причине, как объявленный правительством карантин. За то время, пока Дуду колдовал над моей карточкой, он успел обучить меня немногим фразам на японском, которые успел освоить во время вынужденного безделья.

– А ты знаешь, как будет на японском «секс»? – с надеждой в голосе спросил Дуду.

Я пожал плечами.

– Вот и я не знаю... В книге так и не нашел... – разочарованно отвечал секьюрити. – Короче, если найдешь книгу «Японский язык для продвинутых» то дай знать.

2

В офисе, как оказалось, ничего не изменилось с того холодного мартовского вечера, когда мы торопливо заканчивали работу, желая успеть домой до надвигающейся непогоды. Через день был объявлен общенациональный карантин по поводу эпидемии китайского гриппа. Эйфория от незапланированных каникул очень быстро сменилась тревогой от вида растущего в геометрической прогрессии количества заболевших, и даже завзятые скептики старались не покидать свои дома, без особой на то причины. Работу нашего отдела руководство компании не посчитало важной в этот тяжелый для национальной экономики момент и отправило нас в неоплачиваемый отпуск, клятвенно пообещав принять обратно по завершению карантина.

Особенно повеселило меня запыленное приглашение на крутой корпоративный маскарад по случаю праздника Пурим. Вечеринка была благоразумно отменена по приказу Министерства Здравоохранения, а приглашение осталось немым артефактом из той эпохи, которая, согласно расхожему мнению, больше никогда к нам не вернется...

– Интересно, это Амира производила дезинфекцию? – спросил Яир, когда вдоволь потолкав друг друга локтями (жать руки и тем более обниматься никто не решился), мы наконец расселись на свои рабочие места. И действительно, в воздухе чувствовался едва заметный запах химикалий, которыми обработали все здание в самом начале карантина.

– Для дезинфекции ей достаточно побрызгать здесь своими духами, – мрачно пошутил Алекс, безуспешно пытаясь дозвониться в help desk по поводу своего компьютера, который ни за какие коврижки не желал подключаться к сети. – Все вирусы бы мгновенно передохли. И их потенциальные носители – тоже.

– Ребята, как вам не стыдно говорить такие гадости, – вступила в разговор программистка Бат Эль, религиозная девушка из Бней-Брака. – Мы даже не поинтересовались за все это время, как она себя чувствует.

Это было правдой. Поначалу мы много разговаривали, обменивались глупейшими «вирусными» шутками, которые кочевали по просторам социальных сетей, обменивались по большей части неутешительными новостями, но вот о существовании Амиры мы просто забыли.

Амира являлась местной достопримечательностью. Она занимала высокую должность первого заместителя управляющего хозяйства, и в ее обязанности входило поддерживать чистоту на этаже и следить за тем, чтобы в комнате отдыха всегда было достаточно кофе, чая и картонных упаковок молока разной степени жирности в холодильнике. Каждое утро она появлялась в офисе, проделав долгий путь из поселка в Арабском треугольнике за два часа до того, как мы все, чертыхаясь и проклиная извечные пробки приходили на работу, и к нашему приходу места общего пользования сияли чистотой. К своим тридцати годам Амира успела закончить колледж, но из школы в городе Тайбе, где она начала работать, ушла через год, хлопнув в гневе дверью, когда окончательно уяснила, что директор не собирается поддерживать ее попытки насадить в заведении железную дисциплину.

Несмотря на то, что Амира жила в патриархальной арабской деревне, ни семьи, ни детей у нее не было, что, как водится, породило массу слухов относительно ее сексуальной ориентации, но, вероятно, дело было в ее непростом, мягко говоря, характере и еще изрядном количестве лишних килограммов веса.

В нашей компании Амира прославилась тем, что вытолкала взашей из туалета самого генерального директора. Надо сказать – Амира была известна своим обыкновением вламываться без предупреждения в туалет, толкая перед собой тяжелогруженную моющими средствами тележку, после чего, случайно оказавшиеся на ее пути сотрудники, начинали в ужасе искать пятый угол.

– Да ладно вам… – тряхнул длинными растами Лиам и вытащил миниатюрные наушники плеера из ушей. – Если наступит апокалипсис, а вы, надеюсь, понимаете, что после всего, что произошло, его наступление вопрос времени… Так вот – у Амиры будет больше шансов выжить, чем у нас.

– Ну она живет в арабской деревне… Там у них все еще ездят на осликах и добывают огонь трением, – пожал плечами я.

– Вот-вот! – с жаром поддержал меня Лиам. – Вот ты, Бени. Что ты умеешь делать? Написать код на Java? Копаться в базах данных? Если все нафиг навернется, все это будет никому не нужно… А нужно, к примеру, уметь добыть себе пропитание, когда нет возможности заказать суши или пиццу. Не говоря уже о том, что и супермаркетов тоже не будет…

Этого я не знал. Во всяком случае, супермаркеты и служба доставки готовых блюд продолжала работать в самые мрачные дни эпидемии. Что бы стали делать из-

раильтяне, исчезни все эти, казавшиеся чем-то абсолютно обыденным, вещи, было непонятно. Пойдут срывать мандарины с деревьев или же выращивать овощи для салата на балконе?

– А ты, Бат Эль? – продолжил Лиам, увидев, что Бат Эль по своему обыкновению ровно в десять утра сделала короткий перерыв для того, чтобы съесть йогурт. – Ты знаешь, как правильно подоить верблюда, а потом сделать йогурт из молока? А вот Амира наверняка знает!

– Я не собираюсь доить верблюда. Нельзя пить молоко некошерного животного. Тем более, к твоему сведенью, молоко все-таки у верблюдицы… – оборвала его Бат Эль.

– Амира просто поедет на арабский рынок. Я уверен, что рынок будет существовать даже во время нашествия марсиан, – вставил свои «пять копеек» Яир.

– Понятное дело, что будет! – сказал Алекс, закончив наконец ругаться с техподдержкой. – Марсианам ведь тоже захочется отведать пахлавы и свежесваренного хумуса.

– То есть, вы понимаете, если действительно, когда все рухнет, именно у Амиры будет шанс выжить, а не у нас?.. Это сейчас ты, Бени, или ты, Алекс, со своими дипломами считаете себя выше других. А когда всего этого не будет, может быть, нам придется убирать дома у Амиры за лепешку с хумусом… – стал объяснять Лиам, мечтательно поигрывая растами.

– Не говори ерунды, – раздраженно ответил я. Меня уже на второй неделе карантина начали бесить апокалиптические разговоры о том, что «мир никогда не будет прежним». – Ничего я не считаю себя выше других. Просто мы, если будет надо, сможем поменять жидкое мыло в туалете и поставить молоко в холодильник, а вот

сможет ли Амира написать хотя бы самый простой код – в этом я совершенно не уверен.

– Что-то тебя, Лиам, потянуло на философию после карантина. Никогда за тобой такого не замечал. Чем ты занимался все это время, кроме курения травки и порносайтов? – засмеялся Алекс.

– Ничем не занимался… Думал! – с каким-то вызовом в голосе отвечал Лиам и замолчал. Что, по большому счету, для него было нехарактерно. Во всяком случае – до эпидемии.

– А может быть, Лиам прав, – вступила в разговор Бат Эль, закончив наконец свой йогурт. – Я вот подумала… Нам все время говорили, как важно то, что мы делаем. Что мы «на переднем крае технологического прорыва»». А вот Всевышний послал нам этот китайский грипп – заметь: грипп, а не чуму или холеру! – и всё! Оказалось, весь этот наш «технологический прорыв» никому не нужен. Мы несколько месяцев не работали над проектами, и ничего не случилось. Мир не остановился. Самолеты летают, автобусы ходят, и даже Дуду-охранник на своем месте. Правда, почему-то здоровается со всеми по-японски.

– Ха-ха! Он и на иврите без ругательств не может два предложения связать! – сказал Яир.

– Так вы решите – все осталось по-старому или конец света! – разозлился я. Было похоже, что я единственный в нашем отделе, кто сохранил здравый смысл во время эпидемии.

– Не в этом дело! – сказала обычно невозмутимая Бат Эль. – Конечно, ничего не изменилось. Всевышний создал законы мироздания в первую неделю творения, и от того, что ты несколько месяцев не ходил на танцульки в клуб, а мы с моим Ициком не поехали к моим родите-

лям на пасхальный седер, солнце и луна не перестали светить. Я, может быть, сама не до конца это понимаю, но мне кажется как раз то, что ничего в мире не изменилось, – это и есть знак, который нам дает Всевышний, чтобы мы помнили наше место в этом мире. И неважно кто – я, вы, Амира или сам Билл Гейтс, или Илон Маск – мы всего лишь песок под ногами…

– Это все сложно, – глубокомысленно заметил Яир.

Системный администратор Яир часто затруднялся поддерживать разговор и поэтому предпочитал соглашаться с собеседниками.

– Не знаю. Я не песок под ногами. И меня никто не убедит, что то, что делает какая-то там уборщица, можно сравнивать с тем, что делаю я. Я все-таки Технион окончил, а не какой-то гребаный педагогический колледж! – ответил я и отвернулся к своему компьютеру. Я уже забыл, что меня всегда раздражало религиозное прекраснодушие Бат Эль.

– Хорошо, ребята… Я вам скажу, а то тяжело держать это в себе. Когда вернется Алон, я сообщу ему, что увольняюсь… – сказала вдруг Бат Эль.

– Ты с ума сошла?! – почти хором закричали мы.

На Бат Эль, программистку из ультрарелигиозного Бней Брака, буквально молилась вся компания. Да и какой резон был матери четырех детей что-то менять в жизни?!

– Мы с Ициком решили поехать в Америку. Там купим караван побольше, чтобы было достаточно места для всех и поедем путешествовать. Поедем на Север, на Аляску или на юг… Мексику, или даже дальше. Мы давно об этом мечтали – со дня нашей свадьбы.

– Ну и дела… – только и сказали мы.

Если бы Бат Эль явилась в офис с перекрашенными в зеленый цвет волосами и пирсингом в носу мы бы не так удивились.

– А где Алон? – спросил вдруг Алекс. – Может быть, ему не сообщили, что карантин кончился? Сидит себе такой весь в маске и перчатках и смотрит сериалы по Netflix.

Мы засмеялись. Алон – один из старейших работников компании – был наш начальник отдела. Это был не очень молодой, потрепанный жизнью человек, отдававший бывшей жене львиную долю своего дохода. Любая нестандартная ситуация вводила его в состояние стресса и доводила почти что до нервного срыва. Еженедельные плановые заседания у генерального директора ввергали его в уныние, ибо жизненный опыт и природный пессимизм не предполагали ничего хорошего… Но вместе с тем Алон заявлял, что заниматься вопросами дисциплины – это выше его сил и полностью доверял нам, чем мы беззастенчиво пользовались.

– Вообще-то я пыталась пару раз ему позвонить, но безрезультатно… – вдруг встревожилась Бат Эль.

Мы попытались набрать его номер еще раз, но ответом нам были только унылые гудки.

В остальном день прошел обычно – мы попросту вернулись к тем проектам, над которыми работали в тот день, когда объявили карантин и, казалось, действительно, ничего не изменилось.

Погрузившись в базы данных, я заметил, как Лиам подкатил свой стул к рабочему столу Бат Эль.

– У меня к тебе есть странная просьба… Если можно… Не знаю, насколько это удобно, – начал Лиам издалека. Опять-таки, это было ему несвойственно. Обычно Лиам без обиняков говорил, что ему нужно, не тратя

слова на излишний политес. – Не мог бы твой муж Ицик объяснить мне, как у вас это все… Ну там тфилин, молитвы… Ну и вообще. Пока был это гребаный карантин, я понял, что надо срочно что-то менять в этой гребаной жизни.

3

После обеденного перерыва мы, наконец, смогли дозвониться до нашего начальника. Он сослался на высокую стоимость входящих звонков и через несколько минут перезвонил по видеосвязи с незнакомого нам номера телефона. Было видно, что Алон решил воспользоваться палкой для селфи. Сначала мы увидели какие-то высокие цветущие деревья, пальмы, а за ними какой-то обширный водоем, серебрящийся в лучах послеполуденного солнца. Потом показался сам Алон, в одних трусах возлежавший на шезлонге с бокалом коктейля в левой руке.

Как оказалось, Алон уже месяц находился в Танзании и в это самое время отдыхал на берегу озера с бокалом Маргариты. Не выдержав стресса и нагнетаемой прессой всеобщей истерики, он снял все деньги со счета и уехал туда, куда еще было возможно. Местные власти порешили, что после прокатившейся по стране эпидемии эболы не стоит заморачиваться из-за гриппа, тем более китайского, и не стали закрывать въезд в страну. На вопрос, когда же он собирается возвращаться, Алон неопределенно хмыкнул и пожелал всем нам всего наилучшего, клятвенно пообещав поддерживать связь.

– Сейчас лучшее время в моей жизни. Наконец-то я могу просто валяться на берегу озера и ни о чем не думать. Может быть, именно для этого была нужна вся эта эпидемия… – доверительно поведал наш босс и отключился.

4

Ближе к концу рабочего дня нас всех вдруг вызвали в кабинет генерального директора. Генеральный, как всегда, делая многозначительные паузы, выразил радость от того, что видит всех нас здоровыми и посвежевшими после долгого вынужденного бездействия, поблагодарил нас от имени руководства за то, что мы вернулись на работу (а что – у нас был выбор?), и… представил нам нового начальника отдела. Точнее начальницу. Она почти неслышно вошла вслед за нами и так же, как и мы, внимательно слушала генерального директора, скрестив руки на груди.

– Прошу любить и жаловать! – сказал генеральный и простер руку вперед. Мы, как по команде, обернулись и увидели перед собой… Амиру. Правда, сейчас на ней был строгий деловой костюм, а не спецодежда уборщицы. Она довольно мило и чуть смущенно улыбалась, но мне от этой улыбки слегка поплохело…

– У меня был долгий разговор с Алоном. Он не сможет больше выполнять свои обязанности, и мне не осталось ничего другого, как поблагодарить его за годы работы на благо компании… А Амира за месяцы карантина успела закончить краткий курс управления бизнесом и основы программирования. Я всегда полагался в бизнесе на свою интуицию и не боялся принимать нетривиальные решения… В том числе и в том, что касается подборки персонала…

Генеральный говорил еще долго… Потом он дал слово Амире. Амира продолжала улыбаться и говорила о стоящих перед отделом задачах и особой важности дисциплины. В конце она поздоровалась (или попрощалась) со всеми довольно чувствительным толчком правым локтем и заявила, что назавтра ждет всех в своем кабинете

ровно в восемь утра, и ни минутой позже. И никакие отговорки, вроде пробок или несработавшего будильника, приниматься в расчет не будут. Было ясно, что с окончанием карантина в жизни нашего маленького отдела изменится абсолютно все.

Вскоре я ехал домой на автобусе пытаясь понять – что же изменилось за все это время, что мы сидели дома, совершая короткие вылазки в продуктовый магазин и без конца слушая неутешительные новости. На улицах вновь было много людей, они заходили в магазины, рассаживались за столиками кафе, глазели на витрины... Наверное, должно пройти немного больше времени, чтобы мы могли понять, что же это было... Так или иначе, я отметил для себя – было совершенно ясно, что из всех людей, с кем мне пришлось сегодня общаться, я был единственным – кто сохранил ясную голову и трезвость мыслей, несмотря ни на какие карантины. Осознание этого неоспоримого факта было на удивление приятным, и я снова и снова возвращался к этим мыслям. Я всегда знал, что являюсь сильной личностью, которая справляется со всеми испытаниями, и никакой китайский вирус не заставит меня в этом усомниться. От этих размышлений меня отвлек телефонный звонок. Это был директор районного почтового отделения, в котором я обычно получал посылки и другую корреспонденцию.

– Бени! Я, конечно, очень извиняюсь... – вместо того, чтобы поздороваться, с места в карьер начал директор, – я понимаю, что во время карантина у вас было много времени для заказов с «Али Экспресс». Проблема в том, что все отделение завалено вашими посылками... Не могли бы вы их уже забрать?..

Бесполезной жизни стоит опасаться куда больше, чем смерти.

А. Брехт

Приложение

Славка Мариновска

Переводы с болгарского языка

«Ес о ес» из Бермудов

Мы все еще ищем и ищем смысл всего...
Взорвался, парадигмы рухнули,
и мы самыми темными красками
прорисовываем направление на Бермудские острова –
искать формулу света
в мире океанских глубин;
покрыли наши золотые армады –
стихов, /станси/ ароматом любви...
В треугольнике разрушительно проглоченный
сад с нашими ароматными вишнями;
гранат на наших губах, алый на рассвете...
Треснутый объятиями предыдущий
искать берег – и будущее, и себя –
изуродованный в гнезде крючка,
в воротах наших уст ереси
в невидимом человеческом Ватерлоо...
Мы отшельники в пустыне, люмены –
над обманчивыми ставками жизни
дошли до конца слов;
искали вчера, как Дон Кихот,
из фракийского письма аккорд Орфея...
И я среди первых народов –
Опыты с препаратом древнего пергамента...
Сегодня мы плывем
в ловушке чарующих сирен
спеленывать моряков своими волосами
по направлениям к глубинам зеленым...

А Индия до сих пор не открыта –
дабы опьянить нас дыханием дикой мистики,
жажды, перца и кардамона...
Так грешны... Боже, помнишь, как мы листали!..
Вы видите Бермуды с престола –
чтобы спасти нас от пасти Зверя...
Ты запечатлел святое Творение?..
В нас зерно горчицы веры –
Оно воскресит цвет свободы!

Святая

Нет, я не святая!
Запомни это хорошо!
Ни низкая я трава,
и тоже – не кроткая вода!
Порт я незакрытый!
И не жажду я воды!
Никогда не училась любви –
потому что я дочь любви!
Нет, я не святая!
Меня не била тихая вода!
Если вы ищете робкую траву,
постучите в другую дверь!

От ребра Господа

Прими меня вот такой, как
Лучевая дуга незабываемая,
мечта – мимолетная роса,
сегодняшнее видение в белом,
завтра – роза колючая,
ночь неверная, не та! Яркое солнце,
к которому идут твоя любовь, твои
руки – фантастические стихи!..
Ваши губы обречены…
В темноте они светят и зажигают меня.
В лодке луны, как только ты видишь меня
грустной,
мою тишину, приди и обними мое молчание
твоими влюбленными глазами
из мира заблуждений;
как только ты вернешь меня обратно, поте-
рянную
в таинствах Бермудов,
прими меня!.. Я задача –
с миллионами неизвестных,
тайком над фильмами плачущая
и летающая от песен…
И бросай свою терку,
где-то во взгляде твоем скрытую,
потому что буду светить только «занято»,
а почему – ты не спрашивай!..

Про бабочек
лучше позабудь –
во мне живут сумасшедшие,
такие разные звезды октавы,
и живут тысячелетние пчелы
от радуги и любви!
Скрой твои стрелы
и эти цепи,
о которых давно и скрыто мечтаешь…
Оковать меня – Славну –
в твоем танце чтобы играть?..
И сломай терку!
Не думай строгать и пилить меня –
крутые склоны – мой характер!
Мои прогнозы помни:
вся я из ребра Господа!

Пусть, пусть...

Годы летят... Прирученная
дикая кошка уснула во мне
и тихонько стонет;
душа давным-давно серо-белая...
Дрессировщица-жизнь, экстазом моим обладав,
привязала крылья моих желаний...
Кто из них я сегодня –
одомашненная /приручённая/, или это я – Слава?..
Иди и узнай – кто из двух я...
Что провалилась я в дерзостной мечте
и высиживала тухлое яйцо терзаний,
не пила до дна усладу жизни, а сомнения
меня распяли в мгновение
до запаха и благоухания роз...
Прошла ли я здесь? И жила ли я вообще?
Кто-то где-то рассудит... С вопросами «Зачем?»
засыпаю – будет ли процветать посеянное?..
Ах, дождь?!.. Дождь?!..
Надеюсь, надеюсь, надеюсь...

Наши листья тихо падают

Пусть откроем дверь –
посмотреть за пределами,
где наши листья падают,
как наша осенняя плоть,
где тихо-тихо
оголенное дерево,
стелет лень – наш распад...
Здесь узнав кое-что
и пшено в духе своего посадив,
может быть, ты увидишь
росток веры и жажды,
погашенный под сольфеджио
и слова небесного…
Восхитительно ты обещаешь –
когда родишься опять,
быть духовным! Ты сияешь
новый – Богу к ногам
бросив невыносимый рюкзак
с земными сладостями…
новую страницу
раскрывая, вырастая.
Ты там – в небесной комнате;
хлеб божественно воскрес,
благоухающей надеждой!..

Славка Мариновска

Наедине с одиночеством, с глазами «Хеви-метала»

За переделами – миллиарды душ, а век одиночества...
Сюрреализм между миром и горизонтом...
Драпирует тени, рушит лунные мосты
Среди надежд и мечтами опутанных... заброшенных...
Создает из сует достоинства чести, славы,
а пустоту бесконечности умножает...
Цвет молчания, вспыхнувший во мне,
превращает в «Хеви-метал» еще один день...
Идет одиночество по Дали /Сальвадор/ –
вяжущее паутины и иллюзий даже,
которыми скрывали – ах, в основном ночью,
берега своих плеч – /лагуна великолепная/ –
давным-давно так заманчиво-изысканные,
к которым Спаситель даже прибывал здесь –
во ржи – нашей любови ярко вспыхнувшей...
А сегодня – одна во ржи я прогуляюсь потерянная...
Среди Далмации – мир миллиардов людей;
я – небо без звезд... но почему Бог на вершине
мне шепчет: «Однажды, если дверь закрылась,
это не случайно. Ворота откроются...
Теперь иди и цвети ты в жизни – жизнь в сети:
голограмма – блестящая монета.
Вы исчезаете, а другой заменит каждого из вас...
Никому здесь единственной не являешься ты!..
Иди, иди к свету, в рожь,
чтобы обожгла тебя настоящая слеза истины,
без занавеса; чтобы ты горела и давала тепло
живым людям, любовь и боль...»
Видно – цвет любви даже
В граните наших душ цветет!..
И чего?.. Что там твоя осень?..
Ярко-зеленый дай свой лайк любви одинокой Вселенной...

О губы, благословенны ваши небеса!

О, губы, благословенны ваши небеса,
они зовут нас карминовыми вершинами;
из бархата – темного зачатия
мы пришли – из зарубежной жизни вина,
где два глаза, как якоря, мощно
они попали в два других глаза…
Когда сквозь травы безмолвные
две руки сорвали звезды,
украшая волосы любимой…
И шепотом они окрестили тишину.
С взрывом чуда – дитя рифмы –
пришел в уста с небес!
О, губы – слово, мед, яд, янтарь,
внезапный меч, масло и благодать,
лагуны божественного зачатия,
иногда рай, иногда ад, ад…
Благословенное начало огня
младенцев, спускающихся в белом!..

Синий мед уходит

Все прорастают
одиноко здесь –
голубоглазый цветок
пришел с каплями дождя
с небесной крыши...
Светит – нежно,
Как ребенок вначале,
а потом – пряжа
с белым шаром
кружит, играет...
Тихо заклинает жизнь...
Наконец-то в грязи...
И она тихонько плачет...
Он наивно верит
в неоновых лунах
и в песчаных башнях,
и в оторванных солнцах,
и в грязи упавших...
Ребенок терпит неудачу, пропадает,
встает на извилистые дорожки
меандры и выживает
под дикими кривыми грушами...
Часто возникают вспышки
с божественным уловом,
а потом ошибка...
И катается по камням и траве...

Человек – горшок,
благоухает медом;
но они ударили его
намеренно камнем...
И в траву бесславно вытекает мед
синего золота неба...
Но вспомнит в один миг
душа звездная
божественные аккорды и ноты –
и приблизится к Богу!..

И ночь... цветная по-бенгальски

Женщина, разжигающая войны!
Сжигает дорогу походкой
бенгальской щиколотки... Искрит
ночь глазами дикой кошки!..
И чья-то судьба, упавшая в
в нокдауне... Тротуар плачет –
ведь он мужском роде,
он в девушку влюбляется,
влюбляется в Розу – нуар...
Мир – электричество, письмо с небес,
всемогущий свет – гениальный урок Теслы...
И губы алые!.. Женщина
на улице проходит,
разделяет дорогу и ночь пополам!
И прыгают в лунную лаву
полночные влюбленные кони!..

Славка Мариновска

Долото индейской капели!

Исповедь маленького человека
в городском фольклоре

Моя печень увеличена,
мое легкое черное...
Мои ночи превратились в день,
а день мой – копейка мизерная...
Сегодняшний джентльмен – я, бывший товарищ –
фактически никто; говоря короче,
камень в наполнении стены –
сотая дыра волынки, брат!
Анонимной свою собственную жизнь –
Среднюю – прохожу...
Мой светофор – нон-стоп красная остановка.
Крепостным рожденный – таким и остаюсь...
Сломанная искусственная челюсть жизни
грызет меня злым укусом,
но резцом жестокой индейской капли
я завтра пробью тишину!..
Моя печень увеличена,
мой белый – это черный.
Во мне восходит молния
И, надеюсь, крупицу надежды не найдет...

Твое лицо – бездна

Твое лицо – бездна такая красивая,
в минуту слабости и я влетаю в нее…
мне не нравятся дни под индиго,
только с тобой я и живу…
Я жажду этого прыжка в глаза сирени,
пахнущей тихой нежностью,
а может – полета! Отсюда улицы
опечалены скукой. Это безнадежно…
Руки твои – как притчи безмолвны…
Над пропастью так предсказуемо опущен
мой страх – как лиственные лозы…
И если я прыгну, я встречу твои губы.
Мои губы ждали судьбу столько лет,
нет – многие века;
чтобы свить из трав любви
венки для будущих миров…
Музыка из нот белых
в серебряных клавишах дерева
у твоего берега… И взмыли птицы
вверх! Услышь звездный бубен!..
Это пропасть… Я лечу в нее…
Призраки вычеркнуты, пока мы живы!..

Несовершенна, что будет больно

Рисуй ресницами мое лицо,
глаза – незабудковым цветом весны,
волосы дикой лошади – взволнованными стихами
твоих глаз, как пением птиц...
Моя страсть с дыханием дикости и незабудок.
Нежно нарисуй на губах девушек, безумных
с моей кровью.
Я надеюсь, ты остановишь мой бушующий прибой
на тебе! И тогда ты узнаешь,
как разумно нарисовать тишину
в комнате, освященной Господом,
в которой ты и я, и так далее, и так далее...
В конце оставь незаконченными
венок из веснушек, скрытый пучок
и морщинки – слезы проглотив,
подарок несовершенства для нас...
Перед уходом, конечно –
сказка всегда кончается,
спрячь в свое сердце то несовершенство,
что ты полюбил во мне,
что причинит тебе боль и после смерти...

Славка Мариновска

С короной под ключ

Мой Бог! Как легко кому-то это удается –
люди под занавеской, с душой на ключе!
Я сердито скажу» черт возьми, эти правительства
с послушными народами, живущими,
как на собачьем поводке!
Построенные рядами, они нас на верный путь настроили,
безголовые мухи со стрижкой под ноль;
овца... ведь такая покорная, и так им нравятся
те, в которых находятся и хлеб, и нож...
«Страх охраняет виноградник», «корона» марширует
и выводит из строя нацию за нацией...
Как долго это будет продолжаться?
До второго пришествия!..
Кто-то флагом размахивает, а живой
в миллиардном мире на ходулях
вечного страха, Голгофа молчит...
Любовь и прочее через маску... Больно!..
Это твои дети, Бог! Смотри... Чашу Грааля
ты втайне ожидал – что мы найдем его,
а этот невидимый и безмолвный враг
стер наш порыв и любовь! Химера –
жизнь за маской уже закончилась...
Вчера не знали – насколько счастливыми
мы были, Боже, на этой земле –
Небесном твоем даре с золотыми полями,
с Марицыми, с Янтрыми, с лесами и полями,
с венками больших и крутых надежд
над Пиринским краем – звезды Рила, Родопы!
И сегодня под зверски сломанной бровью
из иллюзий Твоих Ты пролил слезы
за Твоих детей, которые забыли Бога,

избрали мерзость мира на престоле,
захлопнули врата небесные; они ничего не могут
со вчерашнего дня, чтобы вернуться... Закон
они забыли – любовь и сумасшедшие гоняют ветра,
с Маммоном в союзе, дикими скачками;
Лукавый – весь мир ленив –
масло льет зло в люстры...
Надеюсь, тем, кто с обреченными душами, еще не поздно
помолиться Тебе и покаяться...
Есть ли лекарство от обнаженных душ,
голых перед Единым – не знаю?..
Перед Тобой исповедую грех земли –
сваха времен Хадиса...
Прости нас, Боже, в святом причастии
смыть грехи, сердца, искушения...
Спаси наши души сегодня святым причастием!..
Рогатый давно завладел телами
с жаргоном, с муками, без слов,
с грустью силикона и плоти среди дворцов,
с гендерами, с ядом в меду душ.
И я надеюсь, ты слышишь нас в то утро в траве.
Я все еще вижу росу – слезы Христовы...
Боль переполняется... Боже, глаза Твои,
чтобы твое сердце снова смягчилось...
Я встаю на колени и молюсь... Да будет на то Твоя воля!
Прости нас, Боже, в святом причастии
смыть грехи, сердца, искушения...
Спаси наши души сегодня святым шаром!..
Рогатый давно завладел телами
с жаргоном, в силиконе среди королевских дворцов,
с мучительных площадок, с третьим полом-гендером...
И я надеюсь, ты слышишь нас в то утро, в траве.

Я все еще вижу росу – слезы Христовы…
Боль переполняется… Боже, глаза Твои,
чтобы твое сердце снова смягчилось…
Я встаю на колени и молюсь…
Да будет на то Твоя воля!

Клоун

Горькие слезы глотает
клоун, притворяющийся за маской
в тот миг, когда,
обнимая улыбкой
мир душ – потерянный, грустный
в нелепости разбитых мечтаний,
стихийно прожитых, неосуществлённых…
Здесь в цирке – жизнь, он маг и клоун-архангел
отвратил от небесного мира!
С погружением в его душу,
за ним вспыхивают, как опалы, перья ангела…

Женщина вне сезонов

Как живая вода
прохожу через дни –
женщина вне сезонов.
Без возраста глаза,
без возраста голос.
Невероятно чистое,
неподкупное дитя
смешивает краски
бегая по росе.
Иногда просто мальчик
селится во мне.
Камнем воду пугаю
и приемом неженским
уздой жизнь покоряю,
как жеребца сумасшедшего.
Нет уменя возраста. Я девушка –
как небо нехоженое,
и любовь к мальчику постаревшему
ни на что не похожа.
Первое чудо или восьмое?
Я сотворяю мир!
Снова жалость с резедою
смешивает во мне палитра.
Царственная, ежедневная –
я же праздник всегда!
То я молния гневная,
то таинственная луна,
долгожданный дождь,
изморозь беспощадная,
нелегкая дорожка,

сумерки расставания...
Как ветер неугомонная,
как живая вода,
так я живу всегда –
женщина вне сезонов!..
Лютик опять зацвел с востока,
Этот день сам Бог благословил!
Душа проснулась раньше срока!
Надо мной, расправив крылья,
сияет бабочка с небес!
И машет нам зелеными флажками
березонька чудесная.
Веет своим чубом!
Глаза открыл и всходит
лютик на востоке,
и тычинки роняет
золотой слюдой.
Сумасбродный,
захмелевший ветер
веет шляпу! Мы идем
вдаль, сквозь время...
И каждый миг звезда
нас согревает!
Сверхновая рождается звезда!
Она жизнь продолжает.

Перевод М. Карагьозовой

Здесь все меня переживет

Здесь все меня переживет –
и этот стул, и этот стол,
и сказки порывного ветра,
и древний прибрежный песок,
и спустившийся к морю хребет,
плащ накинувший из граба,
и гребень из морской волны,
и будущий хомо фабер...
Красиво все меня переживет,
вся банальность мира этого,
но согреет вас любовь
моя не гаснущая, вечная...
Мои мечты песков прибрежных
ведут в Богов пределы,
через детей моих надежда,
что продолжаю жить, светит.

Перевод М. Карагьозовой

* * *

Профиль женщины во мраке...
Плечи ее – залив,
из него кто-то уплывет
к мистическим берегам.
Берег Вивальди,
Георгия –
От тебя далеко,
берег Вивальди я навещаю...
Зернышки с позолотой
из звездного дна собираю...
Как заглохшая лира, луна
посматривает из-за облака,
небо находит земля
трепещущими ладонями...
Какие дифирамбы!
В застигнувший миг возжелала
глаза твои – амбра
и твои губы – кипящая лава...
На пустом берегу
в час Вивальди я понимаю
небесные знаки о том,
что без тебя медленно умираю.

Перевод М. Карагьозовой

Давайте встанем!

Сегодня все маленькие человечки мира по одну сторону преграды! Мы все находимся под всемогущей тенью страха, но мы должны пробудить в наших душах надежду на помощь и Богу, и Матери Земле, и, прежде всего, нам самим! Зло, десятилетиями и веками творившееся на этой голубой блестящей планете, безжалостно тяготилось... Весы вскочили и пнули Самого Господа Бога в душе! Его дети, которых Он с такой любовью создал, находятся на карантине – в черной паранджe! Якобы свободные люди – мы теперь живем только в тюрьме страха! Я знаю, что Бог одинаково любит и хорошее, и плохое, и Он лично позволяет происходить всем этим войнам и битвам за власть и богатство, но мне интересно, как долго Он выживет и продержится в этой зловещей игре Своих воинственных созданий, а также терпеливо опустивших головы? Потому что не бывает безгрешных, и поэтому Он испытывает нас через действия тех – над нами, которые склонились от стыда – чтобы попирать нас... А мы грешники, живущие в лицемерии, притворстве, ненависти, зависти, отчаянии, суеверие, а также примирённые с происходящим вокруг! Несущие на себе следы первородного греха и нашего доморощенного патриотизма, узкого патриотизма, суеверной веры, псевдолюбви, обнаженного милосердия, лицемерного прощения и спорадической благодарности, мы получаем в соответствии с нашими заслугами... Он дает нам именно то, что мы заслуживаем! Мы не можем винить Бога! Пора вырваться из оков страха, и это наша задача номер один! Страх приземляет нас с тяжелыми свинцовыми рюкзаками в глубине темной материи, из которой нет выхода...

Есть что-то вроде Дантевского ада или Андрешковского болота... Поможем коллективной молитвой на добро, на искренний свет и любовь, чтобы снова озарить нашу Землю своими помраченными душами. Красивая аура радуги – на разноцветных лучах света! Мы клетки Матери-Земли. И если мы болеем гриппом, страхом и опасениями, то и планета страдает от нашей затемненной ауры...

Давайте встанем, думая о красоте мира за окном, где среди высоких и крутых лбов родных гор орлы рисуют ноты свободы, куда неудержимо приходит весна, а небесный лютик – око Бога – каждый день напоминает нам, что Бог вечен, где – чудесные косы – синие ожерелья реки украшают красотой равнины, раскинувшиеся и брызжущие своим зеленым пшеничным золотом, где мечты летят в обманчивую безбрежную бездну небес, чтобы обрести покой в потустороннем безмолвии, давая силы нашим высшим, неземным я и от Бога! Мы являемся проявленным Богом, и, если мы выражаем свою слабость, допуская на престоле мерзость, а не свет, мы причиняем боль Богу... Надо быть сильными и самими собой, потому что в каждый момент – и в темноте, и на свету мы находимся в гондоле Его рук, которыми Он несёт нас без страха!

Господь, пожалуйста, просвети наши души и наполни нас верой и любовью!

Аминь!

Я родился твоими руками!

Твои руки меня так нежно рисуют,
единственный переводчик моего света,
тела-тростника и Славы –
в тихом переводе, на языке души...
Ты переводишь меня и мои древние секреты
на все языки Вселенной,
ты умножаешь меня на сто и на бесконечность –
невидимый по сей день, но возрожденный!
Небесный дар, посланный Богом,
в моем сердце и в теле моем, как струна;
вылепил его образ филигранно,
когда волки в моей кровавой синеве засветились,
там, где ярко светит ночью
пламя на пальцах; Он меня поцеловал,
фейерверком обратил сущность моего Бога в небо –
в эти лунные степи ...
Мистические женщины во мне блуждали,
лепя меня своими исцеляющими пальцами!
Я теперь ты! Красивый аккорд в пагодах
любви, где Бог нас окрестит!
С ключами – самое белое в моей душе
перекрасит цветными красками!
А я дикая, волшебная соната.
Я пианино посреди храма твоих рук!

Григорий Гачкевич

Песни красок!

Песни я в цветах услышал!
Не в растениях, а в красках!
Цвет зелёный, ветвь колыша,
Пел, как в старых добрых сказках!
Пел мне о лесах дремучих!
Пел о травах и просторах!
Пел мне о дубах могучих
И о птичьих разговорах!
Красный пел мне о клубнике!
Пел о розах страстных, ярких!
О рубиновой гвоздике!
О томатах сочных, жарких!
Синий цвет мне пел о море!
О далёких южных странах!
О бесстрашном командоре
В буйных, шумных океанах!
Пел оранжевый про фрукты!
Пел про радость в мандаринах!
Про заморские продукты
В красочных больших витринах!
Фиолетовый украдкой
Пел о залежах сапфиров!
Пел и о сирени сладкой,
И о мантиях факиров!
Жёлтый цвет мне пел про лето!
Про жару с черешней вместе!
Про друзей на речке где-то
В тихом и заветном месте!
Голубой – о небосклоне!

Об озёрной тихой глади!
О воды ручейном звоне!
О принцессином наряде!
Слушая все песни эти,
Я взглянул на небо снова!
И увидел, как мне светит
Радуги большой подкова!

На оладушки!

Небо стало жмуриться!
Тучи стали хмуриться!
И всего за пять минут
Мокрой стала улица!
Хоть и был нечаянный,
Дождь прошёл отчаянный!
Так что со своим зонтом
Был с дождём я спаянный!
Потайными тропами
С зонтиком мы топали.
А на нас водой плескали
Вымокшие тополи!
Мы спешили к бабушке
Есть её оладушки!
Их она всегда печёт
Для внучонка-лапушки!

Спасатель!

Мне купили эскимо!
Лезет в рот оно само!
Ставит прямо над губами
Шоколадное «клеймо»!
Сложно мне его нести –
Тает прямо по пути!
Я его грызу зубами,
Чтоб от солнышка спасти!
Показав высокий класс,
Откусил в последний раз! –
Всё! Опасность миновала!
Я мороженое «спас»!

Воздушный змей

Бежим всё быстрее,
От ветра немея!
Мы все запускаем
Воздушного змея!
Пусть ветер полощет,
А змей наш не ропщет,
По полю бежим мы
К березовой роще!
Но вдруг я заметил,
Как машет нам ветер:
«Смотрите, а змей-то
Всех выше на свете!»
И где-то над нами,
Летая кругами,
Наш змей веселился,
Шутя с облаками!

Пузыри-медузы!

На меня ты посмотри! –
Я пускаю пузыри!
Мыльные, воздушные,
Очень непослушные.
Дружно разлетаются,
Все переливаются
Сливами-арбузами,
И плывут медузами
Столь недолговечные
Пузыри беспечные!
Что за чудо-пузыри!
Словно целый мир внутри!

Мой друг живёт на пятом этаже!

Рядом с норкой суриката
Проживал жираф когда-то.
Дело было в зоопарке,
Где зверушкам скучновато!
И склонив себя к соседу,
Наш жираф повёл беседу,
И в итоге суриката
Пригласил жираф к обеду.
Сурикат не ужаснулся,
А жирафу улыбнулся.
И чтоб было лучше слышно,
Он к жирафу потянулся:
«Пусть ты так пятиэтажен,
Ты – мой друг! И я отважен!
Всё равно мы будем вместе!
В дружбе рост совсем не важен!»

Несущийся дождь!

Всё! Отпал любой вопрос!
Дождь понёсся под откос!
Нёсся, как велосипед,
Тормозов в котором нет!
Громко дождь мне прокричал:
«Э-ге-гей! Я вниз помчал!
Если можешь – догони!
Догони и обними!»
Нёсся дождь мой под откос!
Мчал под свист своих колёс,
Позабывши обо всём:
О чужом и о своём!
Мчался дождь, как заводной,
Заливая всё собой!
Но не смог я дождь догнать,
Чтоб к груди его прижать!
Ведь, как долгожданный стих,
Лился дождь и вдруг затих...

Одуванчик – обманщик!

Жёлтый-жёлтый одуванчик!
Ах, какой же ты обманщик!
Ты ведь стал в итоге белым,
Разлетаясь между делом!
Подари же мне, как другу,
Ты своих пушинок вьюгу!

Модельер

Я взяла листы бумаги,
Краски, кисти и мелки!
Я полным-полна отваги,
Всем сомненьям вопреки!
Прихватила ножниц пару,
А еще конторский клей!
Я хочу задать всем жару
И вперёд гляжу смелей!
В голове полно эскизов,
Тренды нужные учту
И спокойно без капризов
Воплощу свою мечту!
Куколки – со мною рядом –
Верят: всё это – не сон!
Я рисую им наряды
На весь будущий сезон!

Если панды бы летали...

Если панды бы летали,
Я б за них схватился
И, как на воздушном шаре,
В небе очутился!
И смотрел бы с высоты я,
Как там в океане
На волнах киты крутые
Машут плавниками!

Дайте папе шарик в руки!

Дайте папе шарик в руки!
Пусть вернётся в детство!
От усталости и скуки
Это – суперсредство!
Дайте в руки шарик папе!
Пусть себе порхает!
Пусть в его могучей лапе
Шарик утопает!
Дайте папе в руки шарик!
Папа улыбнётся!
И пусть шарик, как фонарик,
Для него зажжётся!

Лесной дождь

Прогремел над лесом гром,
Небо разошлось дождём!
Вмиг промок весенний лес
От земли и до небес!
Всё попряталось зверьё:
Кто куда – в свое жильё!
Белки прыгнули в дупло:
Там им сухо и тепло!
Лисы прячутся в норе,
А жучки сидят в коре!
Дождь лишь зайцу нипочём –
Он гуляет под зонтом!

Кенгурята-мастера!

Как-то где-то поутру
На далёком Юге
Повстречались кенгуру –
Старые подруги!
Говорит одна другой:
«Что несёшь ты в сумке?»
«Мой малыш там золотой
И его рисунки!
Он – художник у меня!
В сумке тихо едет
И рисует в ней коня,
Волка и медведей!
А твоя сума, кума,
Занята ли ношей? –
Дай-ка я скажу сама:
Там – малыш хороший!»
«Ты права на этот счёт!
В ней – моя малютка!
Скульптор маленький растёт!
Это всё не шутка!
И сама ты посмотри:
Видишь, прямо в сумке
Лепит он, пока внутри,
Все свои задумки!»
И, пока писал я стих,
Кенгуру болтали!
А шедевры дети их
В сумках создавали!

Остокотело!

Наш кот разлёгся на диване
И недовольно так урчал.
Пришлось моей сестрёнке Тане
Понять, о чём он там ворчал!
И оказалось, что у Пети,
Зовут так нашего кота,
Печально всё на белом свете
И мир ему – лишь суета!
Ворчал: «Мне всё остокотело!
Мне жизнь – давно не молоко!
И спать, и есть – всё надоело!
Ох! Быть котом так нелегко!»
Сидели с Таней мы, сидели
И вот ответили коту:
«Конечно, если день в безделье,
То сразу всё невмоготу!
Ведь ты же слыл котом умелым:
Рисуй, лепи, вяжи и шей!
Займи себя полезным делом!
Да просто полови мышей!»

Поболтайте с бегемотом!

Непонятно почему –
Все бегут от бегемота?..
Скучно просто одному –
Поболтать ему охота!

И снова о наболевшем!

На диване рядом с Тоней
Размышлял щеночек Тони:
«В двадцать первом веке дети
Целый день сидят в планшете!
Вроде, я не посторонний,
Но мне грустно рядом с Тоней!
Очень хочется сказать:
«Тонечка, пойдём гулять!»

Тучи брови сдвинули!

Тучи брови сдвинули!
Солнце отодвинули!
Мглу на мир накинули!
Птицы двор покинули,
Думают украдкою
Над такой загадкою:
Что с небес на нас сойдёт?
Что сейчас произойдёт?
Просто майский дождь придёт!
Светлый, чистый дождь идёт!

Жираф

Я склонен думать, что жираф
Всегда по жизни очень прав!
Ведь все, что не задумал ты,
Жирафу видно с высоты!

Верблюжата и караван

Вместе на песке лежат
Двое славных верблюжат!
Еле слышен шёпот волн,
Тишиной весь берег полн!
Отдыхает караван.
Он пришёл из дальних стран.
Ветер спит и облака.
И верблюды спят пока.
Скоро дальше им идти
По пустынному пути.
Верблюжата подрастут,
Тоже по пескам пойдут.

Кони на небосклоне!

Рисовал под небесами
Золотыми я лучами!
И вверху на синем фоне
Поскакали мои кони!
Под палящим солнцем южным
Табуном весёлым, дружным!
По полям широким, чистым
К речкам светлым и искристым!
Пить хотели мои кони
На бескрайнем небосклоне!

Кот и юла!

Раз зашёл на кухню я
И увидел там, друзья,
Как, рассевшись на полу,
Кот мой смотрит на юлу!
И хоть я не телепат,
Я прочёл котячий взгляд:
Котик смотрит на юлу,
Как на резвую пчелу!
А пчела – совсем не сыр,
Не селёдка, не кефир!
Оттого возник всерьёз
У кота один вопрос:
«Если так юла жужжит,
Почему же не летит?»

Перед грозой!

Мчался ветер всё быстрей
По верхушкам тополей!
Их хотел он разбудить,
Кроны всем расшевелить!
Их хотел он разбудить,
Всех вокруг предупредить!
Он кричал: «Сплошной стеной
Дождь с грозой идут за мной!
Люди, птицы! Все домой!
Дождь с грозой спешат за мной!»

На волнах барашки!

В синем море кувыркались
Белые барашки!
На волнах они катались!
Мягкие кудряшки!
Вверх все дружно подлетали,
Чуть волны касаясь!
И, как облачки, порхали,
С солнышком играясь!
А потом все вниз срывались
Шумною гурьбою,
В бурном море растворялись
Прямо под волною!
Но уже через мгновенье
Снова появлялись!
И нам всем на загляденье
Так же кувыркались!

В синем небе я купаюсь!

В небе я люблю купаться,
Плыть легко за облаками,
Жарким солнцем наслаждаться
И лучи хватать руками!
Нет на свете лучше моря!
Нет воды на свете чище!
Пенью ветра громко вторя,
Я кричу ему: «Дружище!»
Обнимаю облака я,
Горизонту улыбаюсь:
«Мир! Смотри, вот я какая!
В синем небе я купаюсь!»

И снова о жирафах!

Мне кажется, что все жирафы –
Немного герцоги и графы!
Всегда спокойны и учтивы,
И так изысканно красивы!

Хорошо летать!

Хорошо летать, как птица,
Или словно самолёт!
Хорошо вверху кружиться,
Как задорный вертолёт!
Хорошо лететь над домом,
Над родным моим двором!
Хорошо махать знакомым
Своей кепки козырьком!
Хорошо лететь над речкой,
Над лугами из цветов!
Над пасущейся овечкой
Или табором коров!
Хорошо лететь свободно
Над салатовым леском!
Я летаю, где угодно! –
Это лучше, чем пешком!
И приятель, ветер южный,
Догонял меня б едва,
Если б дали шар воздушный
Мне на день или на два!

Григорий Гачкевич

Шарики!

Мы купили возле парка
Шарики цветные!
Сразу стало очень жарко
В эти выходные!
Ведь теперь в квартире нашей,
Как на карнавале,
Мы с моей сестрёнкой Машей
Пели, танцевали!
Красный, желтый, голубой
И зеленый с синим!
Есть и шарик золотой!
Он такой красивый!
Мы играли допоздна!
Как шары летали!
Но настало время сна!
Да и мы устали!
И хоть в сумраке ночном
В сон мы погрузились,
Шарики под потолком
Радугой светились!

Ручей для облаков

В небесах бежал ручей
Весь из солнечных лучей!
По утрам, размяв бока,
В нём купались облака!
А ручей их умывал,
Тёплым солнцем согревал!
Хоть ручей и не река –
В счастье жили облака!

Морское утро золотое!

Небо серостью томилось,
Солнце тучами покрылось,
Море плыло и дремало,
И досматривало сны.
Но вдруг ветер оживился,
В тучи яростно вцепился,
Море волнами взыграло,
И не стало тишины.
Морем утро зашумело
Полноправно, гордо, смело;
Солнце вышло на свободу,
Вдруг избавившись от туч.
Солнце в море отразилось,
Море вмиг озолотилось:
Стал ронять «монетки» в воду
Каждый новый солнца луч!

Поклонники Весны!

Ещё скрипит снег под ногами,
Ещё задиристый мороз
Цепляет белыми когтями
И щиплет уши нам и нос,
Ещё не слышно птичьих трелей:
Таких, чтоб вместе с ними петь,
Пока и солнце еле-еле
Сердца нам пробует согреть!
Но всё уже неумолимо! –
«Ручьи», «Грачи» и «С крыш капель»!
Зима вовсю стреляет мимо,
Весна же метит точно в цель!
И в этом страстном поединке,
Где результаты всем ясны,
Хоть и берём на память льдинки,
Мы все – поклонники ВЕСНЫ!

Татьяна Бадакова

Велемир

Знак свыше

Когда-то в глубинах интернета мне попалась на глаза чудесная графика. Я стала искать автора, и вот «ниточка Ариадны» привела меня к удивительному человеку, художнику и скульптору Степану Ботиеву[1]. О том, что Степан Кимович является автором замечательного памятника великому русскому поэту Велемиру Хлебникову, знают многие не только у нас в Калмыкии. Памятник поэту воздвигнут на его родине близ поселка Малые Дербеты в калмыцкой степи на широком Хлебниковом поле.

И дальше снова совпадение – недавно я прослушала лекцию известного современного поэта, доктора философских наук Константина Александровича Кедрова о творчестве Велемира Хлебникова. Мне, «девочке из социалистического реализма», открылись новые миры, которые, похоже, не давали мне покоя, исподволь двигали вперёд, всё ближе к миру загадочного поэта.

Так появился в моей жизни Велемир! Космос!

Неужели мне откроется хоть щёлочка, чтобы заглянуть в Его мир?!

Я стала искать, читать, думать, «болеть». Ведь в чём магия Хлебникова – прикоснувшись один раз, ни за что не забудешь!

[1] – С. К. Ботиев – заслуженный художник России.

«Вы говорите, он ушёл, мой тихий брат?..»

Моё более детальное знакомство с великим поэтом началось с письма сестры поэта Веры Хлебниковой, которое было написано, спустя три недели, после смерти Велемира.

Вера Владимировна Хлебникова-Митурич (1891-1941) – художник, младшая сестра Велемира. В семье учёного-естествоиспытателя Владимира Алексеевича и Екатерины Николаевны Хлебниковых росли пятеро детей, и все они воспитывались в атмосфере любви, добра и уважения.

«Виктор Владимирович Хлебников родился в калмыцкой степи. Был красивым, кротким, но с полётами большого упрямства».

В своём автобиографическом очерке Велемир Хлебников писал: «Я родился 28 октября (по старому стилю) 1885 года в урочище Ханская Ставка Калмыцкой степи, в устье Волги, в стане монгольских, исповедующих буддизм, кочевников».

А место он описывал так: «…в степях калмыцких, в окружении кочевников, рядом с буддистским монастырём, – и вот вообразите: яркие флаги дацана, скрип молитвенных барабанов, ястребы, в воздухе очень много ястребов… Чувствуешь себя крохотной гласной в бесконечном крике неба…»

Здесь и началось его единение с природой. Традицией их (мамы с будущим поэтом) было идти смотреть закаты, которые только в степи такие завораживающие, как на картинах Николая Рериха. Мать старалась привить детям любовь к прекрасному.

Со степью, с народной культурой, историей и бытом калмыков связаны первые детские впечатления Веры и Виктора (Велемира) Хлебниковых. Отсюда же их обостренный интерес к Востоку в зрелом возрасте. «О, Азия, тобой себя я мучу!»

То, как близки были по духу брат и сестра, говорят иллюстрации Веры Хлебниковой к произведениям Велемира (поэмам «Вила и Леший», «Снежимочка», «Лесная сказка» и другим). Она чувствовала не только природу хлебниковского слова, но и поэтические образы его произведений, например, Ветер, «Древолюд».

«Если я пишу сегодня так свободно, то мой слог разбужен лучами твоего письма», – (Велимир Хлебников, из письма сестре, 1921 г.)

А её любовь к брату была равносильна любви верующего к Всевышнему, она сравнивала его с Буддой Шакьямуни: «*Как Сакия Муни, отказавшись от земных почестей для достижения духа, – шёл он по земле… Его мерилом, его судьбой была красота».*

Буддистское учение о переселении душ для Велемира Хлебникова было его нормальным состоянием. Он глубоко чувствовал природу, язык животных и птиц, трав и цветов.

Мысли Веры Хлебниковой созвучны с моими, потому что Велемир для меня – действительно непостижимое Божество!

У Виктора были большие способности ко многому: рисованию, орнитологии, истории, языкам. В гимназии его увлекла математика и русская словесность, а позже в университете поразила геометрия Лобачевского. Этим трёхмерным измерением Хлебников пытался описать каждую букву, слово и звук. Он считал, что в каждом

звуке – модель Вселенной. Поэтому неспроста Хлебникова называют поэтом звука. Писать стихи он начал в гимназии своим «бисерным» почерком. Виктор был горд, что однажды получил одобрение своей работы от самого Максима Горького.

Об окружении поэта сестра говорит так: «*Может, искали они его дружбы, желая сами казаться лучше около светлого мальчика, каким он был. Так было в гимназии, так было и после. И может, в этом было то роковое, что, пройдя через его жизнь, – преждевременно погасили её*».

«*Спасибо всем, кто его любил*», – пишет в заключении воспоминания Вера Хлебникова.

«Полунеземным» языком

Стихи Велемира Хлебникова – это особая поэзия, это песни, каждый звук в которых имеет свое значение, предназначение и удивительное звучание.

Как же они рождались?

Думаю, будет интересно воспоминание его друга, художника Евгения Дмитриевича Спасского (1900–1985).

«*Каждое утро, напившись чаю, устраивались мы по своим углам, я пододвигал мольберт, а Велимир свой столик с бумагой и чернилами. Наступала тишина, та активная, наэлектризованная тишина – лучшая почва для творческой работы. Велимир, как всегда, работал порывами: то он быстро и мелко записывал листик бумаги, потом с такой же быстротой и уверенностью всё перечёркивал. Иногда сминал написанное и бросал под кровать. После этого молниеносно ложился, подтянув к себе колени, натягивая шубу, которая лежала*

тут же, закрывался и затихал, но ненадолго. Минут через десять-пятнадцать шуба откидывалась в сторону, он энергично бросался под кровать, и тут начинались поиски. Из-под кровати летели во все стороны написанные листочки, покрывая, как снег, весь пол. То вдруг он замирал, стоя на коленях или сидя на полу и внимательно вглядываясь в найденную бумажечку. То снова бросал её в сторону, продолжая искать ещё и ещё, пока, наконец, не находил нужное, мучившее его. Тогда поспешно вставал и с ожесточением всё остальное забрасывал ногой под кровать. А найденный им листочек бережно расправлял и укладывал перед собой на столике, причём на лице появлялась блаженная улыбка удовлетворения, и по улыбке всегда было видно, что он нашёл нужное.

И опять наступала тишина и сосредоточенное, внимательное вглядывание через окно в безграничное небо, такое же светлое и ясное, как его глаза.

Бывало и так. В любой час, среди ночи он так же стремительно соскакивал, словно боясь потерять пойманное слово. Хватался за ручку и замирал над столом с бумагой. Просиживал, погружённый в свои мысли, пятнадцать-двадцать минут и вновь исчезал под пальто с головой и затихал. В одну из таких ночей я успел сделать с него наброски…

Часто к нам прилетали воробьи или синички и садились на оконную раму. Это всегда приводило Велимира в неописуемый восторг. Большие голубые, ликующие от счастья глаза, с детской восторженностью и любовью смотрели на птиц, и невольно вырывались у него какие-то неповторимые звуки радости и счастья».

Так, душу обмакнув
В цвет розово-телесный,
Пером тончайшим выводить.

А в отрывке из повести Дмитрия Петровского о встрече с Велемиром Хлебниковым в январе 1916 года, показан уже результат его творческих исканий.

«*Комната была, как набережная после непогоды на море, когда вскружаются чайки и бумажки, и их не различишь. Белые клочья сидели буквально на чём только можно: на шкафах, шторах, спинках стульев, на полу, на подоконниках.*

Хлебников был доволен. Он ходил среди своего волшебного царства, как великан среди карточных домиков, и смеялся, фыркал, как ребёнок».

Мысли и заметки разных лет

Особый жанр хлебниковского творчества составляют разнообразные краткие записи:

- *Сущность поэзии – жизнь слова в нём самом, вне истории народа и прошлого народа. (1907–1908);*
- *Всё, что не противоречит духу русского языка, дозволено поэту. (1907–1908);*
- *Достичь уравнения людей через уравнения чисел. (1920);*
- *Для меня полёт букашки больше говорит о времени, чем жирная книга учёного. (1922);*
- *Бойтесь грубо всем неравным стричь ноги, делать души одинакового покроя, одинакового роста. (1922).*

Связи. «Принадлежу к месту встречи Волги и Каспия-моря...»

Из воспоминаний друга поэта Дмитрия Петровского я вылавливаю очень-очень близкое, родное, что связывает меня, мою Калмыкию с поэтом.

«Заложили мы с Хлебниковым его шубу... за семнадцать рублей в астраханском ломбарде и отправились в степь, разыскивать гору Богдо, уроненную святым и воспетую Хлебниковым в его „Хаджи-Тархане“ задолго до путешествия.

Хлебников дышал веками. Всё окружающее занимало его не своим настоящим, а своим прошлым и будущим».

Читаю эти строки с небывалым трепетом, ведь гора Богдо и ныне притягивает туристов и местных жителей своей святостью, красотой и таинством.

Приведу (не удержусь) несколько отрывков из повести Дмитрия Петровского об этом путешествии, где он описывает калмыков.

«...Мы садимся на пароход из Астрахани на Черепаху... Сидим на палубе и таем, как дыни во рту едока, во рту степного солнца, и ласково доверяемся его теплым губам».

А ведь как знакомо это жгучее прикосновение солнца нам, нынешним степнякам!

«...Рядом сидят чинные калмыки с лицами, истатуированными морщинами, причем морщины эти симметрично испещряют смуглые лица белыми шрамами складок...

...Степной человек, защищая лицо и глаза от палящего великого камня (солнца), молитвенно морщился...»

Как же удивительно – всё это происходило здесь, рядом с нами!

«…Мы слезли на Черепахе, пересекли несколько калмыцких посёлков, рыбацких промыслов и вышли в степь. У нас фляга с водой и немного хлеба. Ушли вёрст семьдесят.

Здесь же в степи Велимир сочинил своего „Льва“, на одной из стоянок он записал его на лоскуточке. В степи же была изобретена „Труба марсиан“».

В степи, в слиянии с живой природой находил Велемир Хлебников вдохновение, силы и свои фантазии. Для него «страна Лебедия» – Волжское Понизовье.

Где Волга прянула стрелою
На хохот моря молодого,
Гора Богдо своей чертою
Темнеет взору рыболова.
Темнеет степь, вдали Хурул
Чернеет чёрной своей кровлей.
И город спит, и мир заснул,
Устав разгулом и торговлей.
(Из поэмы В. Хлебникова «Хаджи-Тархан»)

Кто ты? Ветер, вера, вечность, Велемир…

Так жил и творил удивительный поэт – Велемир – великий в мире.

Первый его вздох – это был воздух степи, первый его взгляд – на просторы моей степи, первые его шаги – по прекрасной калмыцкой степи…

Он любил её, создавал для нас чудо, вспоминая высокие звёзды и притягательный Млечный путь, которые только в степи, так близки и явственнее:

«Я был сияющим ветром,
Я был полётом стрелы…»

И всё же – КАК ПОСТИЧЬ ТВОЮ ТАЙНУ, ВЕЛИКИЙ ВЕЛЕМИР?

«Я жил высоко и думал о семи стопах времени…»

Посвящение

Степи миражами,
Переливами птиц,
ЗвукоНЕподражанием
Признанья достиг.
Как Его вычислить?
«Уравнением чисел»?
В трудах Лобачевского
Увидел Он смысл.
В далёком Космосе
Нет предательств и лжи.
Высота Его помыслов –
Души виражи[4].

[2] – Т. Бадакова. Велемир.

Валентина Бендерская

Меридиан

Пронизывая насквозь параллели
всех радостей и горестей судьбы,
меридиан выстраиваю к цели
единственной на свете красоты.
Ты скажешь: «Бегство», я скажу: «Движенье!»
Ты: «Это – бред!», а я: «Остов основ!
Израненных, из бед и поражений
нас поднимает на ноги любовь!»
Ты скажешь: «Временно», а я скажу: «Во веки!
Любовь – высот земная высота,
что нам над страхом поднимает веки, –
Божественная жизни красота!»

Закат

Несусь по дороге ветром,
пытаясь догнать закат.
А может, успею, а может, удастся
хотя бы попасть ему в такт.
Жму на газ до отказа,
закат чтобы притормозить.
А может, успею, а может, удастся
немного ещё посветить.
Вдогонку стрелою пускаю
нескладную, нервную речь…
А может, успею, а может, удастся
закатом утро зажечь!

Сибирская зима

Мне снится средь пустыни пышной,
Средь солнца жаркого тепла,
Заснежена и знаменита
Сибирская зима.
Мне снится детство – на салазках,
Хрустящий звук поющих лыж,
Когда по снегу ты бежишь…
Бывает так не только в сказках!
Чубатой пальме не затмить
Величья братьев-исполинов
И кипарис – тень ели клином –
С сибирской елью не сравнить.
Прекрасен мир природы южной –
Предел мечты столь давних дней,
Но в сердце пламенеет стужа
С поскрипыванием саней!

Подкова

Я подкову на счастье повесила у входной двери.
Часто были без денег, но весело пели – вплоть до зари.
Ту подковку, истёртую пахотой, передам по цепи,
как наследство, с любови бархатом – своё счастье лепи.
Оно, верь мне, не плоть сытая во дворце у паши.
Счастье – это подкова, сбитая работой души.

Неоконченный спор

И снег пылал, дома пылали,
пылало небо на крюке, –
то фонари на спор играли
с тьмой: кто – кого в ночном рывке!
Зло тени ёрзали от веток.
И рваной стала белизна.
Отодвигалась тьма, как предок,
на край притихшего села.
Вновь подползая, окружала,
петлёй затягивая свет.
И, заигравшись, не признала,
что на подмогу шёл рассвет –
дугой накала извивался
у горизонта полосы…
…И было это лишь началом
конца тьмы блекнущей красы.

Год кота

День последний старогодний брёл к концу.
Праздник шумный новогодний шёл к венцу.
Окна радостно светили в темноту.
Кот подкрался еле слышно… На посту
ждал, когда часы двенадцать отобьют,
чтоб внести с собою счастье и уют
в каждый дом, в страну родную, в целый мир.
Он готов отдать за это свой кефир,
часть сметаны, кость от рыбки, полхвоста!!!
Лишь бы мир не был столь зыбким в год Кота.

Марина Ламбертц-Симонова

Плеяды

Не только ради красного словца
Мы обращаем к небу наши взгляды:
К сиянью звёзд в созвездии Тельца,
Известных под названием Плеяды.

Они сияют миллионы лет –
Сонм бывших нимф и спутниц Артемиды,
И смотрим вверх, и ищем мы ответ,
Куда сбежать и нам бы от обиды.

Охотник Орион им был постыл,
Преследуемым вечно и гонимым,
И Зевс сестёр в голубок превратил,
Амброзии доставку поручив им.

Им утреннее солнце крылья жгло,
Плавучие утесы их давили,
И Орион преследовал назло,
И боги моббинг не остановили.

А в довершенье брат Гиас погиб –
И на Олимпе жизнь небезупречна!
Так, обречён отец прекрасных нимф –
Атлант – держать небесный свод извечно.

И Орион затей не оставлял:
За ними гнался, строил им преграды,
И Зевс тогда на небо нимф поднял
И превратил в созвездие Плеяды.

Решил и пыл охотника унять –
Не миновала кара Ориона!
Плеяд он должен вечно догонять,
Не в силах их настичь, по небосклону.

Он должен разгонять ночную тьму,
Сам превращённый за грехи в созвездье;
Заслуженное выпало ему –
Такое вот нелегкое возмездье.

Но нет светлее участи Плеяд –
Всех звёзд созвездья – ярких и холодных,
Которых капитаны свято чтят,
Как звёзд для них важнейших – путеводных.

По ним и Одиссей сверял свой путь,
Взгляд не сводя почтительный с Плеяды;
вот и поэтам глаз их не сомкнуть,
И музы посещают их в награду.

Тех, кто им верит, – это не мираж
(Согласно дозе данного таланта),
Сидит поэт как неусыпный страж
И считывает с неба бриллианты.

Переплавлять в стихи их труд не прост,
Проходят годы, складываясь в мили,
Пока они плеядой станут звёзд,
В неё объединившись в Русском Stil-e[1].

[1] – Фестиваль литературы и искусства, который организует МГП в разных странах.

Поддерживает их… земная твердь,
Их миссия: спасать людей от стужи.
Не только свет давать им, но и греть,
И раны заживлять в сердцах и в душах!

Куда уходят близкие? Куда?

Родителям посвящается

Куда уходят близкие, куда?
Нам не мешают видеть их года,
Прошедшие со времени разлуки…
Хоть выросли за это время внуки,
А дети незаметно возмужали,
Которых мы вчера ещё рожали,
А близкие – носили на руках…
Весна пришла! И в молодых ростках,
Что нынче и сильнее, и проворней,
Так чувствуются крепкие их корни,
Живущие невидимо в земле…
Растёт число колец давно в стволе
У тянущего ветви к небу дуба…
И на березку так смотреть мне любо,
На яблони цветущие и вишни!
Перед дождем возникшее затишье
Хранит следы ушедших мамы с папой…
Но разве я имею право плакать
И называть уход их… безвозвратным?
Я слышу голос мамин очень внятно
И четко вижу моего отца,
Как машет вслед мне с нашего крыльца
И утешает: «Ты не дрейфь, Маринка!
Ты чувствуешь: в тебе моя… „пружинка“,
Тот „нерв“, что жить спокойно не даёт?
Ты любишь так же, как и я, полёт:

Вид сверху ослепительный на землю…
Да, от неё теперь я не неотъемлем
И маме без неё нельзя никак…
Взошёл подснежник, словно белый флаг,
И это значит – в плен сдалась зима,
Но там, где мы, лишь кажется, что тьма!
Земля под теплым дождиком промокла,
Но на распашку в мир открыты окна,
Откуда видно все – и в сто раз лучше!
Вот весточка от нас: горячий лучик! –
Его нам утром солнце подарило!
Ещё свежи зелёные чернила,
И ты поймёшь смысл вещий между строчек,
Узнав в траве цветущий мамин почерк…
И значится твой адрес на конверте…
В письме ни слова нет о нашей смерти!
Напротив: мы ещё живее живы!
Мы в песни птиц вселились как мотивы,
Мы на ветвях напитываем почки…
Растут у внучки нашей три сыночка,
А доченька твоя светла, как ты…
Ты наши видишь в зеркалах черты,
Наш с мамой огонёк в глазах твоих…
И даже новорожденный твой стих,
Пульсирующий, словно кровь из вены, –
Все это бьет ключом из наших генов,
Которые заложены в тебе!
А людям передай, что в их Судьбе
И предки принимают их участье!
И будут процветать и Мир, и Счастье,
И от Любви кружиться голова,
Пока о близких Память их жива!»

Звёзды

Звёзды на небе в предутренней мгле
Меркнут, безудержно тая...
Звёзды иные живут на земле,
Ярче небесных сияя!

Всех остальных оставляя в тени,
Светят пронзительно остро,
Между собою похожи они –
Звёздные братья и сёстры.

Им предначертано ярко гореть
И утолять светожажду!
Можно... ослепнуть и можно... прозреть,
Встретившись с ними однажды!

Звёзды на небе закутаны в дым,
Свет их считается вещим...
Ну а искрящимся Звёздам... земным
Толпы людей рукоплещут!

Думает зритель: их жизнь фейерверк –
Жизнь, словно праздник без будней...
Мало кто знает, что путь их наверх
Часто мучительно труден.

Многие зависти к Звёздам полны –
К тем, что небесных заметней...
Их... ненавидят и в них... влюблены,
Ими питаются сплетни.

Слухи за ними ползут по пятам,
Стелются звёздною пылью...
Рады и слухам они, и цветам,
Только б о них не... забыли!

То грандиозен наш к ним интерес,
То мы их свет не приемлем,
То их возносим до самых небес,
То... зарываем их в землю...

Звёздам известны и Слава, и... Страх –
Пустошь меж адом и раем...
Их породив, мы порой на кострах
Сами же их и сжигаем...

Им далеко до небесной родни –
Звёздам в земном их созвездье...
Меркнут порою и гаснут они,
Звёздной страдают болезнью...

Звёздам небесным дано лишь светить
Свыше, согласно заказу...
Звёздам земным – предначертано быть
Громом... и... Молнией сразу!

Звёзд имена даже (в их «Звёздный час»!)
Ярко сияют отныне!
Жаль, голоса их порой словно... глас,
Глас вопиющих в... пустыне...

Всем-то порою Звезда хороша –
Кажется, ярче и нету!
Слепнут глаза от неё, а... душа
Может остаться без света...

Искры другой зажигают сердца,
Гасят в них боль и печали,
Что от небесной Звезды-близнеца
Эту Звезду отличает.

Звёздам небесным всю ночь кочевать
В космосе ярко и храбро!
Звёздам земным – не впервой почивать
Просто на собственных... лаврах...

Могут они и внезапно... упасть...
Если оболганы лживо,
Только на... небо нельзя им попасть –
Звёздам земным, пока... живы...

Свет этих Звёзд, словно лазерный меч,
Нас защищает от... жажды...
Вот почему мы должны их беречь,
Чтоб не погасли однажды.

Пусть же сияют нам Звёзды во мгле,
Греют своими лучами!
Ведь и без тех, и других на Земле
Станет темно и печально...

Плеяды

Папа очень любил водить Наташку по музеям и всяким необычным местам. Одним из таких любимых мест у них был Планетарий. Папа и сам был большим ребёнком, которому не так уж и много досталось от детства – он рос в многодетной семье, где мать все время была беременная, а отец должен был постоянно искать новые заработки, чтобы прокормить десяток ртов...

А вот Наташка была у папы единственной дочкой, которой он посвящал каждую минутку свободного времени, даже когда ему нестерпимо хотелось спать после двух смен тяжелой работы по ремонту грузовых машин (двое суток подряд через двое...).

Когда папа водил маленькую Наташку на прогулки в сады и парки Питера и окрестностей, он мог уснуть от усталости, на минутку присев на скамейку, но лишь в Планетарии он не спал никогда. Уж очень он любил фантастическое звёздное небо, где можно было наблюдать разные планеты. Но больше всего ему нравилось то, какими огромными голубыми глазами смотрела на всю эту загадочную красоту Наташка, которой непременно хотелось знать такие тонкости этого сказочного неба, которые были предназначены только для взрослых. Например, ее интересовали Плеяды, и папа, который, как эта пигалица считала, должен знать все на свете (а она и не очень-то ошибалась!), рассказывал ей подробности древнего мифа, будя и раздражая ещё больше ее и без того богатое воображение...

Так она и росла дальше, пока не дожила до того времени, когда звёзды стали становиться ей гораздо ближе, потому что их доставали для неё влюблённые молодые мужчины...

У мужчин есть такое привычное занятие: обещать неопытным «девам юным» звёзды с неба... Это, конечно, очень приятное занятие, но ещё ничего почти не стоящее... Ведь только время всё расставляет по своим местам, в том числе звёзды в небе, выстраивая их в созвездия, по которым можно находить Путь. Путь по Жизни...

У Миши, ее папы, этот путь выстроился вовсе не так, как он задумал... Миша был мечтателем. Но он вовсе не витал в облаках, а очень даже явственно видел свою Звезду – стать артистом! И для этого уже достаточно много сделал! В школьном, очень хорошем школьном театре, которым руководили профессиональные артисты, он играл все главные мужские роли! Пластинки, на которых было записаны стихи Пушкина в его исполнении, звучали с патефона, а как божественно он пел песни своим бархатным голосом, ломка которого уже благополучно закончилась! Но это было давно, очень давно – задолго до рождения Наташи...

На прощальном вечере по поводу окончания 9-го класса директор школы положил руку Мише на плечо и сказал на весь зал в микрофон, что этот парень обязательно должен стать великим артистом... Но пока Мише надо было помогать маме кормить большую семью, потому что папа, ещё совсем молодой и крепкий мужчина, только что скоропостижно скончался от крупозной пневмонии, и Миша остался за старшего. Он устроился на военный завод и всю зарплату до копеечки отдавал маме, решив закончить 10-ый класс без отрыва от производства – в вечерней школе...

Но звёзды... Звёзды на небе перестали быть путеводными не только для моряков и влюблённых...

Началась Великая отечественная война.

Мише только что исполнилось 19 лет и у него была бронь, освобождающая от службы в армии. На военном заводе тоже нужны были рабочие руки, а маме необходима была помощь с малышами, которые были мал мала меньше… Старшая сестрёнка недавно вышла замуж, в ещё довольно юном возрасте за отличного паренька, своего одногодку, и ожидала появления малыша… А паренёк уже ушел на фронт добровольцем – одним из самых первых. И у Миши не было ни минуты на раздумья: страна ждала, чтобы он ее защитил! Уже на следующий день после начала войны он в тайне от своей мамы пошёл в военкомат и попросился на фронт добровольцем.

В военкомате удивились и попытались убедить его остаться на заводе, но, видя настырность юноши, отправили в учебный стрелковый отряд, где его назначили командиром взвода. А еще через некоторое время он уже шагал по центру города в рядах тысяч наспех обученных ополченцев прямиком на фронт. Правда, им не выдали ни касок, ни сапог… Этого нехитрого снаряжения, видимо, не хватало… Зато хватало их – желающих биться с врагами за Родину, любой ценой…

Хорошо еще, что он успел попрощаться с мамой: сбежал из строя, когда их вели на помывку в баню перед отправкой на фронт, чтобы обнять ее – плачущую, только что поставленную «перед фактом», – успокоительно, с бодрым видом расцеловать: «Мамочка, я обязательно вернусь с Победой, вот увидишь – вернусь! Я тебе обещаю!»

А она все рыдала и рыдала, как будто предчувствовала, что это их последняя встреча…

Краснознаменная 123-я Армия, в которую он попал, вела бои на Карельском фронте, где уже всюду заняли позиции финны – союзники фашисткой Германии. Огромную стратегическую роль, как объяснили ополченцам, играла каждая «сопка» – то есть каждая высота, ведь с нее просматривалось всё вокруг и можно было вести обстрел врагов. Одну из таких сопок предстояло взять и Мишиному взводу, за которым двигались следующие, почти наступая на пятки. Взять высоту было приказано даже ценой собственной жизни. Так что раздумывать было некогда, да Миша по роду своего характера никогда бы и не стал этого делать.

Только вчера в походной штабной палатке на опушке леса он написал на желтом листке заявление: «Если погибну, прошу считать меня комсомольцем!..» и смущенно отдал листок пожилому офицеру, который как-то странно грустно взглянул на него и его товарищей, сделавших тоже самое. Офицер-то знал, что их, плохо обученных, еще не «обстрелянных» парней, в сущности ещё совсем мальчишек, посылают, как говорится: на «пушечное мясо», то есть на верную... смерть...

А Миша, прижав к себе оружие, уже взлетал наверх, хватаясь за выступы и ловко лавируя между камней и кустов, спотыкаясь о корни кривых и мощных карельских деревьев. Все пространство простреливалось финнами, и вокруг свистели пули, но ноги как будто сами несли его, а еще воля к победе, борьбе за справедливость, за сестренок и братишек, за милую мамочку, за Родину, за Сталина...

Следом за ним ловко карабкались вверх его новые товарищи по оружию, такие же новобранцы и другие ополченцы – гораздо старше и не настолько крепкие по виду...

И вот Миша первый на этой самой высоте, откуда «наши», следующие за ним, будут просматривать и простреливать все пространство, взяв реванш у финнов! А его взвод справился с первым важным боевым заданием! Он счастливо и гордо перевел дух. Но, оглянувшись, увидел лишь несколько бойцов, обреченно затаившихся позади него в воронке от недавно разорвавшегося снаряда… Все еще радостно и устало улыбаясь, он взглянул вниз, туда – далеко, к подножию сопки, где всего несколько минут назад красноармейцы по приказу шли за его спиной в наступление, но там… никого не было! И только беспрерывные пулеметные очереди неприятеля прочёсывали всё вокруг. И он вдруг отчетливо понял, что армия отступила, оставив своих немногих отчаянных солдат – практически героев, с честью выполнивших боевое задание, вольно или невольно на верную гибель… Эти несколько смельчаков, сидящих сейчас в воронке, были достойны орденов, но они знали, что никогда их не получат, так как свидетелей тоже не останется, разве что…

– Парень, послушай! – тихо обратился к нему солдат с почти черным, забрызганным мокрой землей лицом. – Ты самый молодой из нас и тебе надо, обязательно надо попробовать выбраться отсюда, пока нас не уничтожили враги! Не смотри так! Не разрывай сердца! Ты же слышишь, что нас окружают. Немедленно выбирайся вниз! Попытайся по крайней мере! Да, да – это приказ! Я ведь намного старше тебя и уже достаточно пожил на свете! А мы уж тут как-нибудь… Нам такое уже не под силу, понял? А ну сматывайся! Ты должен постараться выжить! За нас хотя бы! У меня ведь тоже… был такой сынок, как ты…

Миша понял всё: то там, то тут – уже совсем близко разрывались снаряды. Но какое-то непонятное спокойствие охватило его: он был уверен, что неминуемо погибнет, но почему-то не чувствовал ни страха, ни паники, а только на секунду представил себе маму… Надо было быть безумцем, чтобы верить в спасение, ведь предстояло спускаться вниз по отлогому, практически лысому склону сопки, под прямым обстрелом… Лучшей мишени для врагов, чем он, нельзя было придумать! А ведь у него не было даже каски. Что ж смерть, так смерть – выбирать не приходилось, зато возникла одна идея… И он бросился вниз, сбегая по откосу сумасшедшими зигзагами и отстреливаясь на ходу то с одного, то с другого места. Вражеские пули свистели и разрывали землю в тех местах, откуда он только что отпрыгивал в сторону, а он появлялся на виду – то тут, то там, вводя врагов в полное заблуждение… Он понял, что они принимают его одного за целую роту солдат, так как в течение считанных секунд его молодое гибкое тело мелькает у них на виду, и его выстрелы слышатся с разных позиций… На ходу он замечал трупы русских солдат, пытавшихся следом за ним взобраться на сопку, но убитых на бегу…

Воспользовавшись минутной паузой, видимо замешкавшихся в недоумении неприятелей, он успел сорвать с головы одного из погибших каску, забрызганную кровью и натянуть себе на голову. Буквально секундой позже шальная пуля ударила в металл и отлетела рикошетом… Только каска спасла в этот момент его жизнь. С еще большим азартом, все теми же – сбивающими с толку вражеских стрелков сумасшедшими зигзагами, Миша, держа винтовку наперевес, бежал, почти летел вниз. Пули все время разрывали землю и лязгали о кам-

ни как раз в тех местах, откуда он только что спрыгивал... Когда Миша оказался внизу и скрылся за кустами, стрельба прекратилась, и стало так мертвенно тихо, что он ущипнул сам себя за руку, чтобы проверить действительно ли он находится в этом мире... Но он был жив – жив взаправду – и понял, что враги двинулись дальше, видимо, решив что, уничтожили всех русских до последнего... В этот момент Миша ещё не знал, что его поединок со смертью только начинается...

Когда Мишина мама получила письмо о том, что сын пропал без вести, она долго смотрела в безжалостное закопчённое Ленинградское небо, на котором не было ни одной звёзды... Да и ее звезда скоро закатилась и уже никогда больше не нашлась, потому что бомба попала в стоящий посреди двора флигель дома по Гороховой улице города Ленинграда, в котором она жила, и неясно будет и через тысячу лет – умерла ли она сначала от голода или ещё была в тот момент жива... Да и разве меняет это что-то в расположении звёзд на небе?.. Этим звёздам было даже не до детей, которых срочно эвакуировали из осаждённого фашистами Ленинграда при первой же возможности. Среди них были две Мишины младшие сестренки и маленький братик, которых провожала мама, изо всех сил сдерживающая слёзы: кто знает – удастся ли свидеться?.. Но альтернативы не было никакой абсолютно – город уже во всю простреливался фашистами, и остатки продовольствия иссякали на глазах... Детишек разместили на нескольких кораблях... Какой бы детворе это не понравилось?.. Да, все мечтали о самолетах, даже девочки, но бороздить звёздное небо можно было и взглядами... Детям ведь все доступно! И вдруг это самое небо словно пере-

резали огненные зигзаги от гигантских безжалостных ножниц, и что-то огромное, чёрное, с шипением и грохотом полетело вниз, вонзившись в корабль с детишками, идущий впереди… Этого ужаса мишины сестренки не забудут до конца дней… Стоны, плач, крики останутся у них в ушах – фашисты сбросили бомбу на корабль с детьми, идущий первым, и он пошёл ко дну, быстро поглощаемый чёрной пучиной… И створки неба навсегда захлопнулись над ним…

Где были тогда Плеяды? Наверное, у них были завязаны глаза, иначе бы они указали безопасный путь тому кораблю, на котором были дети, множество детей…

Эвакуация в Молотовскую область на Урал спасла жизни обеим сёстрам и братику, разделённым в детдоме по разным группам, с разным местом проживания. К концу войны детдом засобирался домой, но только с теми детьми, которых обязались встретить близкие… Мамы у девочек и их братика уже не было, и они это знали, хотя братик даже не помнил ее вообще… Но вскоре прилетела радостная весть, что их готова принять старшая сестра, потерявшая в блокадном городе годовалого сына и юного мужа на фронте…

Те же дети, которых никто больше не мог встретить в пережившем блокаду городе, кричали, плакали, рвали на себе волосы и бежали топиться в реку… Всех ли удалось удержать – неизвестно…

Счастливчики вернулись в полуразрушенный город, где под разорванным в клочки небом, не хватало уже Звезды, сорвавшейся в мрачную пропасть земли – не стало ещё одной сестренки – Марины… Она исчезла навечно, когда во время блокады поплелась на опухших от голода ногах на базар выменивать единственную тёплую кофточку на кусочек хлеба… Какие-то с виду

сердобольные мужчина и женщина заманили ее в дом, где обещали дать хлеб... Все это видела Маринина соседка по дому, случайно оказавшаяся в это время на рынке... Она и рассказала старшей сестре девочки о том, что произошло с прелестной юной балериной Мариной, которую не эвакуировали вместе с младшими детьми, потому что она была на пару месяцев старше предельного возраста детей, подлежавших эвакуации...

Старшая сестра после войны была приглашена вместе со свидетельницей-соседкой на судебный процесс над извергами, убивавшими в блокаду детей на... мясо... Соседка, как и множество других свидетелей обвинения, опознала в подсудимых (мужчине и женщине) тех самых нелюдей, виновных в исчезновении Марины...

Судьба братика Бори оказалась тоже печальной... Хотя и по-другому, но его крошечная Звёздочка закатилась тоже – в эвакуации он упал и сильно ударил головку, а по приезде домой долго страдал головными болями... Он очень хотел жить, прекрасно играл в шахматы и отлично учился в школе, но даже в нейрохирургическом институте Ленинграда, где ему дважды проводили тяжелейшие операции по трепанации черепа, не удалось его спасти... И его Звезды стало не хватать на звёздном небе огромного города. А там и без того не доставало стольких звёзд – и это в рамках всего-то одной семьи... Вернее, половинки одной семьи. Потому что во второй половине семьи тоже сначала у каждого ее члена была своя Звезда. Так Миша и выбрал себе жену – как эти звёзды распорядились. И как обещал директор дома отдыха в 100 км от Ленинграда, куда приехала отдыхать молодая медсестричка Леночка. Этот директор на вступительной беседе предупреждал, что ещё ни одна смена отдыха здесь не обходилась без... свадьбы...

Так что жила себе была в Ленинграде просто бывшая фронтовая медсестричка, а стала Мишиной женой – любимой Леночкой! Вот круг и замкнулся! И звёзд было хоть отбавляй. На небе – конечно. На мирном небе. Но среди них было немало поломанных...

Весной они расписались в Ленинградском загсе в центре города, на Невском проспекте. У них не было ни подвенечных нарядов, ни праздничного стола с шампанским. Зато они были счастливы от того, что сбылось пророчество директора Дома отдыха, вот разве что на свадьбу они его так и не смогли пригласить... Денег-то у молодых не было.

Мишу никуда не брали на работу... За его плечами была не только война, но и все ужасы фашистского плена, пережить который довелось лишь единицам... А никто не отменял негласные указания товарища Сталина, да ещё собственные решения «проблемы» с «некоторыми слоями» общества, в том числе, национальными, принятыми на местах и соответствующими тому человеческому дерьму, которое на те тёплые места взгромоздилось... Да ещё на этих самых человеческих страданиях и «озолотилось»... За деньги ведь почти всё можно было переделать – в том числе и злополучную «пятую графу»... А звёзды, целые плеяды звёзд, при этом даже не краснели...

У Лены была 15-метровая комнатушка в коммунальной квартире в самом центре города у «Пяти углов» с общей с соседями крохотной кузней и туалетом. До войны вся квартира принадлежала Лениным родителям, но потом страна занялась так называемым «уплотнением», чтобы люди не вздумали мнить, что им живётся слишком хорошо, и туда вселили соседей. Советские люди сами же мечтали о коммуне, вот и получили... «коммуналку»!

Ещё во время блокады, после смерти от голода родителей, Лена взяла к себе жить свою сестру с маленьким сыном и матерью, выделив им комнату. Теперь после свадьбы она собиралась здесь жить с мужем, но его не желали прописывать (необходимо было согласие всех соседей) и строили на пути молодых всевозможные козни и преграды. Лену и Мишу глубоко ранила такая несправедливость, ведь вся квартира раньше принадлежала ее семье, но в то время наряду с видимой законностью властвовало и беззаконие, и Лена знала, что управдомша за деньги и хлеб ещё в блокаду продавала комнаты в доме, в том числе, возможно, так именно и попали сюда ее соседи… Прописка Миши отняла у них много сил и нервов, дав почву дальнейшим квартирным стычкам, среди которых уже позднее росла маленькая Наташа.

Она очень любила разглядывать старые фотографии, чудом сохранившиеся в довоенном мамином альбоме. Она видела маму маленьким короткостриженым ребенком, сидящим на высокой куче песка и щебня на их улице Рубинштейна. Знала она уже и то, что мама сразу же после рождения была удочерена бездетной семьей. Они очень любили и всячески лелеяли девочку, которая была слабенькой и часто болела. Родители Лены были вообще исключительно добрыми и душевными людьми и постоянно кому-то помогали и кого-то поддерживали. У отца были, как говорили, «золотые руки» и он изготавливал и чинил ювелирные изделия и часы, много часов, и, пока был здоров, неплохо обеспечивал семью.

Маленькая Лена часто видела в доме людей, которые просили взаймы деньги, и отец им никогда не отказывал, даже если эти деньги были последними. Бывал у них и человек, которого девочка всегда побаивалась и

при чьем появлении порою пряталась под стол. Иногда он почти с силой сажал ее к себе на колени и гладил дрожащей рукой по голове. Отец давал деньги и ему на содержание его жены и трёх детей, чуть постарше Лены, но он их часто пропивал, а затем умер от чахотки.

Порой Лена, пробегая через их двор, так называемый «колодец», где все всё друг о друге знали, слышала, как соседи громко – «по дружбе», чтобы девочка поняла, переговаривались между собой: «Смотрите-смотрите, вот Леночка бежит, а она ведь и не знает, что ее удочерили, и что Колька-то не какой-то дядька, а ее родной отец. Этот ирод ведь своей беременной четвертым ребенком жене, то есть нашей Леночкой, с самого начала заявил, что если она вздумает рожать, то выбросит ребенка в окошко... Потому ее-то сердешную – дитя невинное – и отдали с самого рождения приемным родителям...»

Лена часто слышала за спиной такие вот «доброжелательные речи», но родителей ни о чем не спрашивала. Он не хотела их огорчать, а, может быть, боялась разрушить гармонию, услышав правду... Так или иначе, она сильно страдала, а мать не могла понять – почему Леночка часто плачет, зарывшись головой в подушки...

Потом отец постепенно стал терять зрение, то есть уже не мог ремонтировать часы и украшения, и семья стала жить скуднее – требовались лекарства не только папе, но и Леночке, у которой часто болели почки... Родственники, жившие долгие годы в Польше, помогали им посылками, но в 1939 году Польша была оккупирована немцами и связь прервалась... Родители поняли, что фашисты уже начали расправу...

Семья дяди, работающего в Польше на заводе и имеющего красавицу-жену и прелестных детей (Лена все-

гда с восторгом разглядывала их фотографии), стала бедствовать, и пошли письма, где они умоляли прислать посылочку, хотя бы с хлебными... корками... Так Лена впервые в жизни, в 14 лет, услышала о голоде... Родители плакали, не в силах помочь семье папиного брата, и не только из-за того, что их собственное материальное положение ухудшалось с каждым днём, но и потому, что «за связь с заграницей» могли быть неприятности... И все-таки никто еще не верил, что Советский Союз, подписавший с Гитлером Пакт «О ненападении», тоже скоро окажется втянутым в войну...

Было раннее утро 22 июня 1941 года, и родители должны были проводить Лену для отдыха в детский санаторий (именно в этот день!) после успешно законченного ею 7-го класса. Рядом с диванчиком, на котором спала Лена, стоял большой чемодан,, плотно перетянутый ремнями. Проснулись они все необычно рано и одновременно стали прислушиваться к шуму, доносившемуся в их тихий двор с улицы... А потом не выдержали и сами, наскоро одевшись, выбежали на свою улицу Рубинштейна, что у «Пяти углов», на одном из которых они и жили. Там было полно народа, замершего перед огромной тарелкой громкоговорителя, из которого доносился мощный голос известного всем диктора Левитана, объявлявшего, что в 4 часа утра фашистская Германия под руководством Гитлера вероломно напала на Советский Союз...

И начались для Лены все возможные и невозможные испытания, которые только можно было пережить, а, скорее всего, не... пережить в осажденном городе.

Поначалу люди бросились в магазины и раскупали продукты, сметая с прилавков все без разбору, чтобы сделать запасы. Но запасы очень быстро иссякли, и в

городе ввели продуктовые карточки. Фашистские захватчики окружили город плотным кольцом и взорвали склады с продовольствием… Началась «Блокада», а вместе с ней голод и страшно холодная зима. Весь этот немыслимый ужас сопровождали обстрелы и бомбежки. Окна заклеивали крест-накрест газетными полосками. На улице было темно, свет не зажигали. Печи топить было не чем. И в этом отношении соседи завидовали тем, у кого было… пианино, подходящее для… растопки…

При артобстрелах Лена спускалась с родителями в бомбоубежище – сырое, холодное, совершенно не приспособленное для людей, подвальное помещение старого питерского дома. Школы закрылись и ребят посылали на рытье окопов на периферии города, куда зачастую надо было добираться пешком, так как транспорт не ходил. Дело шло к зиме. Замерзшие трамваи стояли на путях. Бегала Лена и на тушение зажигалок на крышах. Родители же, уже не молодые к тому времени, дежурили в жилконторе у телефона в ожидании фронтовых сводок.

Первым в семье Лены слег от голода отец, да так больше и не встал и уже не мог спускаться в бомбоубежище. Лена с матерью оставались возле него и видели, как в соседний флигель попал снаряд и начался пожар. Они слышали страшные, нечеловеческие крики погибающих людей. Наружные лестничные двери в этом флигеле загорелись, и люди не могли выйти наружу…

Уже много лет спустя маленькая Наташа, не раз спускаясь по лестнице, обращала внимание на окошко с ржавой решеткой, выходившее на их лестничную клетку, и сообщающееся с тем самым соседним флигелем. Эта решетка хранила следы разыгравшейся там

трагедии, и Наташа ее всегда сторонилась. Чугунные прутья в ней так и оставались слегка раздвинутыми – по размеру шеи...

Во время того блокадного пожара люди, находящиеся в помещении магазина в соседнем флигеле, имели единственную возможность выбраться из магазина на соседнюю лестницу через это окошко, так как дверь магазина была объята огнём. Они рвались, пытаясь растянуть прутья, просовывали руки, головы, но чугун не подавался. Последним решился просунуть в решетку голову кассир, который считал в этой комнатке деньги, голова его прошла, но шея застряла... Он, как и остальные люди, оказавшиеся там, сгорел заживо...

Лена бегала отоваривать карточки в магазин, натянув доходившее ей до пят пальто уже не встававшего и опухшего от голода отца. Однажды она получила большую банку мармелада, который выдали вместо сахара. Когда она возвращалась домой, какой-то парень в форме ремесленника попытался отнять у девочки банку – выбил ее торцом ладони из ее замерзших рук. Банка упала и разбилась вдребезги на промерзшем асфальте, разлетевшись на мелкие осколки. Она никогда не забывала, как голодные люди – целая толпа – бросились на асфальт и, сидя на коленках или даже лёжа, жадно облизывали осколки, собирая их руками к себе и ссорясь друг с другом... Лена от отчаянья обессилела – она стояла рядом и беззвучно плакала...

А когда отцу было уже совсем плохо, и мать тоже не могла передвигать распухшие ноги, она с трудом поплелась на Кузнечный рынок, чтобы обменять кусочки хлеба, полученные по карточкам на всю семью, на мясную косточку – надо было хоть как-то бульоном поддержать родителей. Обмен удался. Рыночная пухлая торговка

сгребла с прилавка поданный дрожащей рукой Лены хлеб и дала ей длинную окровавленную кость с остатками мяса, завёрнутую в газету.

Дома Лена поставила эту кость в котел, стоящий на плитке, а через некоторое время они с мамой с ужасом обнаружили обнажившуюся при варке кость от человеческого предплечья... Мама хорошо знала анатомию и не могла ошибиться. В это жуткое время в блокадном городе наряду с мужеством встречались мародёрство и каннибализм. Они слышали о случаях, когда родители съедали собственных детей, а порой подонки в человеческом обличии убивали и чужих – при этом с самой жуткой целью...

Выдача хлеба по карточкам дошла в Ленинграде в это время до своего предела – 125 граммов... Да и что это был за хлеб – никому объяснять не надо. Чтобы както выжить, люди варили даже обои, ведь на них были остатки клея... Желудок умирающего нужно было заполнить неважно чем! Уже в первые дни войны из квартиры пропал чёрный упитанный красавец, сибирский кот Кимка, и не надо было быть особенно догадливым, чтобы понять, что его украли и с какой именно целью... В городе давно съели воробьев, голубей и ворон...

Морозным декабрьским утром 1942 года папа не проснулся...

Лена ежедневно видела замерзшие трупы на улице, не раз падая, когда натыкалась на них в темноте, еле волоча ноги в длинном папином пальто. У людей не было больше сил: они падали прямо на снег, умирая...

Других, закостеневших и съёжившихся, обессиленные родственники везли на саночках к последнему приюту – маленькому скверику на Загородном проспекте,

или в другие места центра города, где их складывали штабелями... Теперь Лена впервые с болью и ужасом столкнулась со смертью родного человека, который в последнюю ночь страшно мёрз и все время просил: «Леночка, доченька, ляг рядышком, согрей меня... А Лене было очень страшно». Мать в это время уже тоже не могла ходить. Лена после смерти папы, в то же промороженное насквозь утро, завернула маму в одеяло, как ребенка (она в это время и весила уже, как ребёнок – была скелетом, обтянутым кожей), и, уложив на детские саночки, в отчаянье и горе повезла ее в Лештуков переулок – к родственникам. В нормальное время она бы одолела это расстояние за 15 минут, но сейчас нахождение в пути показалось ей вечностью. Санки плохо шли по мерзлому снегу, надо было объезжать трупы, не натыкаться на таких же обессиленных людей, везущих на саночках мёртвых или еще живых... Она почти не чувствовала и собственных ног, которые, как ей казалось, были набиты ватой – так они распухли. Весь ужас потери любимого всей душой папы еще не укладывался в ее больной, почему-то горящей, не смотря на лютый холод, голове. Она вдруг до предела отчетлива поняла, что и мама, и она стоят на пороге такой же вот нелепой и страшной смерти от голода, которой уже умерли сотни тысяч горожан...

Лена плохо помнила как она наконец добралась до родственников, как волоком протащила по лестнице безмолвную всю белую маму. Дарья, которую она знала как свою тетю, открыв дверь, всплеснула руками на пороге. «Ой, да куда же вы сердешные? Мы вот сами на ногах еле держимся и не верим, что продержимся зиму! Уходи от греха подальше, Леночка! Уходи!» Но потом, видя, что Лена не может сдвинуться с места, молча по-

сторонилась, дав ей возможность уложить маму на старый сундук...

Тетя Дарья жила со своей дочерью Людой в малюсенькой комнатушке коммуналки. Оба ее сына – Алексей и Константин были на фронте. Дочь Люда работала в булочной – самой горячей точке той, если так можно сказать, жизни. Она выдавала по карточкам те самые 125 граммов хлеба, в которых и заключалась уже ничего теперь не стоившая жизнь горожан, и зачастую работала по 24 часа в сутки, оставаясь и на ночь в магазине, – тогда их приравняли к военнообязанным... И здесь они были бойцами – бойцами... хлебного фронта...

Лена со своей матерью оказались лишними ртами, уменьшающими шансы на выживание родственников, тем более, что они обе имели иждивенческие карточки и могли претендовать самое большее именно на эти 125 граммов хлеба, состоящего большею частью из целлюлозы и других «наполнителей»..

Людмила работала, а значит – имела рабочую карточку, по которой полагалось немного побольше хлеба. Кроме того, она ведь и была тем самым «хлебным человеком», которому перепадают порой остатки, отпущенные на «усушку» и «утруску»; в конце концов, были ещё хлебные крошки, что увеличивало их с мамой шансы... На это последнее, как на тоненькую ниточку к спасению, и рассчитывала своим воспаленным мозгом Лена, везя сюда, к родственникам, свою маму... Но мамина сестра испытывала страх, сестра боялась за свою и Людочкину жизни, а Лена с матерью были уже как бы «отрезанными ломтями»... И она снова пыталась уговорить Лену вернуться обратно к «Пяти углам», от чего Лена отказалась наотрез: «Делайте со мной, что хотите, а я никуда отсюда не уйду! Лучше умру здесь! К тому же мама, бедная и распухшая от голода мамочка, не дотянет...»

Война с ее мерзостями – голодом и холодом – разрушала родственные связи между людьми, вгрызалась острыми зубами в сердца и мозги, превращая нормальных, когда-то любящих друг друга людей, в зверей, борющихся за выживание, следуя звериным инстинктам.

В скором времени в новое крохотное пристанище прибежала соседка Лены по коммунальной квартире с криками о том, что они должны немедленно похоронить папу, который лежит в квартире уже 10 дней и начинает разлагаться... Хоронить папу было абсолютно не на что. Но ее двоюродная сестра Люда сжалилась и выделила горбушку хлеба, за которую местный плотник сколотил наспех из старых досок гроб и повез его на кладбище. Лена плелась за санками сзади. Гроб понадобился совсем маленький, так как папа весь скрючился и промерз от долгого лежания. И на месте ямы, в которую гроб опустили, она воткнула маленькую палочку. После войны это место ей так больше уже и не удалось найти... Мама, естественно, не могла участвовать в захоронении, так как ей самой уже было очень плохо. Когда-то она очень любила весну и всегда так радостно ждала ее наступления. И Бог ее вознаградил: она умерла ранним утром 1 марта. Так и не смогли спасти ее лишние хлебные крошки, которыми подкармливали ее наконец- то сжалившиеся родственники...

Лена сама была очень слаба, но не желала больше оставаться обузой и упорно искала хоть какую-то работу, чтобы получить рабочую карточку... Сначала она устроилась на учебу «на печника»... Это было нелепо и смешно для молодой девушки. Но когда-то раньше – до войны. А теперь годилось всё! Но оказалось, что вместо учёбы, учеников посылали каждый день по чужим пустым квартирам на сбор трупов умерших голодной

смертью людей, которых надо было вытаскивать из квартир... Слабенькая и до войны-то, не вылезавшая из болезней Лена этого не могла выдержать... Да и кому действительно нужны были эти чертовы печки, которые нечем было топить, если у людей случайно не завалялся где-то рояль или, на худой конец, пианино, подходящее для растопки...

В это время они уже все вместе переехали в Ленину квартиру у «Пяти углов», где у нее оставались две смежные комнатки. Управдомша грозилась, что вселит и в эти комнаты кого-нибудь, если она не вернется сюда жить. В это время такие угрозы легко приводились в исполнение: скажем, за кусочек хлеба или несколько банок консервов можно было «купить» у управдома жилую площадь, в голодное время далеко не все гнушались возможностью поживиться за чужой счет, были и такие, которые даже в это время наживаясь на чужой беде, – богатели и сейчас, во время блокады, или же после войны – да, были – чего греха таить...

В комнату же на Лештуковом вселился сын Дарьи, вернувшийся с фронта раньше времени после госпиталя – без правой руки, чудом выживший, защищая город от врагов на подступах к нему...

После смерти мамы произошло и еще одно событие, которое в другое время вызвало бы полное смятение чувств у Лены, но сейчас поразило лишь слегка. Под изголовьем умершей от голода мамы она нашла малюсенькую сумочку, в которой наряду с другими документами обнаружила и свои метрики. В них черным по белому значилось, что она удочерена с момента своего рождения, а ее настоящей матерью является именно... Дарья! То есть и Людмила, и ее братья были ей родными по крови, а не двоюродные, как она считала преж-

де. Лена еще в раннем детстве, как рассказывалось выше, слышала подобные реплики от «доброжелательных соседей», и у неё уже тогда были так ранившие ее неокрепшую душу подозрения, хотя она никогда ни о чем родителей не спрашивала. То ли она боялась услышать правду на прямой вопрос, то ли не хотела огорчать их, так самозабвенно ее любивших и посвятивших жизнь ее воспитанию, исключительно добрых и сердечных людей, какими не всегда бывают даже родные родители.

Новых, вернее вновь обретенных, родственников, она тоже больше никогда ни о чем не спрашивала. Она знала по рассказам знакомых, что отдали ее на воспитание из-за крайне тяжелых условий жизни, в которых оказалась, сбежав с мужем из родительского дома в Латвии в совсем юном возрасте ее родная мать. Она родилась еще в конце прошлого века и воспитывалась в небольшой латышской деревушке, так называемом «местечке» Дагда, на маленькой ферме у родителей, имевших корову и землю. Грамоте ее никогда не учили. Дарья была красивой девушкой и скоро на ней, шестнадцатилетней, неграмотной, но красивой девушке (вместо школы работала в хозяйстве), женился такой же молодой и красивый парень, от которого она один за другим родила трех детей. Он и сманил ее бежать от родителей с малышами на руках в еще не остывший после революции Петроград.

Шла гражданская война и границу закрыли. Родителей она так никогда больше и не увидела. Красавчик-муж пил и имел отношения с любившими его свободными женщинами, не заботясь о семье. А когда Дарья была беременна четвертым ребёнком, заявил, как слышала маленькая Лена от соседей, что, если ребенок родится, то он его... выбросит в окошко.

Неграмотной Дарье было жутко и страшно в голодном и неуютном городе, порой без хлеба, с вечно пьющим, часто где-то пропадающим мужем, и она устроилась работать на огромнейший завод Электросила. Уже беременная Леной, она, чтобы как-то прокормить троих детей, возила вагонетки с тяжелыми грузами и порою просто падала на бетонный пол от изнеможения, а на ее ногах все больше вздувались вены… Ещё одного ребёнка она бы точно не прокормила… И, без сомнения, к счастью Лены – ее с самого рождения забрали к себе на воспитание куда более обеспеченные, но бездетные родственники, иначе бы она просто не выжила… Но сейчас всё, в чем она недавно документально удостоверилась, не имело уже большого значения – это было теперь в прошлом; а будет ли у нее будущее – она не знала.

После неудавшейся учебы на «печника» она работала ученицей в типографии, а затем, случайно услышав, что девушек набирают на краткосрочные курсы медсестер для отправки во фронтовые госпиталя, поступила на эти курсы. Она давно мечтала уйти на фронт, но это никак не удавалось. А тут девчат готовили наспех перевязывать раны и делать инъекции. Через пару месяцев они уже работали вольнонаемными медсёстрами-«сестричками», как ласково называли их раненые солдаты, которых постоянно доставляли с ближнего фронта в Ленинград. В это самое время появилась у Лены и другая обязанность, или вернее сказать, привязанность – недавно родившийся племянничек Стасик, сын Людмилы. Да, и в это тяжелейшее время случалось, хотя и крайне редко, что жизнь пробивалась через множество смертей как слабый хрупкий росток сквозь только что отошедший от мороза асфальт… Он тянулся к солнышку, которое почти невозможно было разглядеть на дымном от пожарищ небе, и тогда происходило чудо…

Людмила, которая почти все это время вынуждена была ночевать на холодном топчане в подсобном помещении булочной, чтобы обеспечить бесперебойную выдачу тех самых 125 граммов хлеба, как-то ранним утром вышла на минутку на улицу, чтобы размять онемевшие руки и ноги, и увидела проходившего мимо парня в морском бушлате и мичманке. Парень тоже заметил девушку, улыбнулся ей и, козырнув, пожелал доброго дня. Люда нахмурилась – какой-такой добрый день мог ожидаться в это время, когда надо было поспевать отоваривать талоны, протягиваемые ей дрожащими руками… В это время очередь стала заметно редеть – ленинградцы вымирали от голода тысячами… Но какое-то странное настроение не покидало ее весь день, прошедший более легко, если можно так выразиться, чем все тёмно-безвыходные предыдущие… А утром она снова встретила того моряка, чуть приостановившегося, чтобы спросить ее имя: «Вот хочу знать – за какого конкретного человека бить фашиста, а, быть может, и… умереть!» – улыбнулся парень ослепительно красивой улыбкой, сдвинув набекрень мичманку. Она назвала имя, а он пообещал обязательно появиться здесь снова, когда у него появится возможность отлучиться с подводной лодки, на которой он служит, защищая Ленинград. И слово свое сдержал. Пришел через некоторое время и угостил ее американским шоколадом, который получил на лодке. Для блокадного Питера это был больше, чем просто деликатес…

Потом у Люды стал расти живот, казавшийся невероятным для ее истощенного тела. Родился Стасик – плод ее первой и единственной любви, победившей блокаду, а они с Антоном – мичманом боевой подводной лодки – расписались в нетопленном помещении загса,

где в это время приходилось регистрировать практически только… смерти. А здесь такой вот лучик, свидетельствующий о том, что жизнь продолжается, и Любовь побеждает…

Антон ушел в моря, чтобы бить фашистов, а Люда могла наслаждаться первым материнством только в редкие полчаса, когда Лена в перерывах между занятиями и работой в госпитале, приносила ей в булочную крохотного, завернутого в ватное одеяло, Стасика для кормления грудью. Люда не прекращала работу ни на неделю, а ее грудь была тощей, как и она сама. Хотя ей все же, чего греха таить, было чуть легче – порой лишний кусочек «глиняного» хлеба перепадал, и его можно было «нажевать», завернуть в тряпицу и сунуть Стасику в вечно голодный ротик…

Сначала госпиталь находился в здании больницы у Витебского вокзала, но очень скоро выпускниц отправили на фронт – туда, откуда наши войска, наступая в кровопролитных боях, оттесняли немцев. Со слезами прощалась Лена с маленьким, еще таким слабеньким племянником, не зная увидит ли она его когда-нибудь… Провожая Лену на фронт, Людмила собрала ей чемодан, поделившись с ней теплыми вещами, хлебом и даже банками с американской сгущенкой, которые удалось получить на их семью на месяц вперед.

Лене, отправлявшейся в далекий и опасный путь, все это могло пригодиться куда больше. Эшелоны с медицинским персоналом отправили сначала в Финляндию и на первой же станции пересадки, у зазевавшейся на минутку Лены, украли чемодан с вещами. Там было абсолютно все, что могло согреть и прокормить. Она осталась, как была – в легком платье без единой теплой вещи и провианта. Большая часть медсестер была обес-

печена военным обмундированием, новички же считались «вольнонаемными», то есть поступившими на службу в госпиталь не по приказу, а по собственной воле, и им, как это не странно, ничего «казенного» не полагалось, хотя на самом деле их желание защищать родину было по истине ещё более героическим, чем тех, кого призывали...

Девчонки сжалились над Леной, хотя и самим было, как говорится, «не до жиру», и кое-как ее общими усилиями приодели: кто-то выделил чулки, кто-то поделился кофточкой. Она же в последствии сильно страдала из-за этой кражи и мерзла холодными финскими ночами.

Госпиталь расположился прямо в поле, окруженный свежими могилами и чужих, и своих солдат, оставшимися после только что законченного сражения... Девчонкам надо было не только перевязывать раны и дежурить в полевых условиях при свете «коптилки» у прооперированных раненых, но и охранять лагерь день и ночь с винтовками в руках. Они все были еще «необстрелянными», в большинстве своем прямо со школьной скамьи, плохо одетыми и недостаточно обученными, и боялись особенно ночных вахт в холодном поле. Они были наслышаны, что в любое время могут появиться из леса «Власовцы»-изменники, перебежавшие на сторону врага, стреляющие по своим... После вахты на ночном посту в поле среди могил Лена возвращалась в палатку и долго не могла заснуть, хоть на пару часов; в палатке было холодно – она промерзала насквозь, еле обогреваемая походной печуркой... И трудно было поверить, что это была та, изнеженная любовью родителей, девочка, с детства отличающаяся слабым здоровьем и больными почками... После охраны госпиталя на сторо-

жевом посту, предстояло дежурство у коек тяжело раненых солдат. В большинстве своем это были тоже юные бойцы, раненые в основном в голову и в живот. Они страшно мучились, зачастую быстро умирали, и Лена в числе других «сестренок» была последней, кого они видели в этой жизни. Очень тяжело было и ассистировать на операциях, особенно – по ампутации ног, которые проводились без наркоза... Об этом и впоследствии Лена вспоминала с ужасом. Операционные располагались в палатках. Медикаментов и инструментов не хватало, санитарию соблюдать в походных условиях было исключительно трудно. Госпиталь долго не стоял на месте. Его постоянно отправляли дальше, вслед за продвижением армии в товарных вагонов поездов, которые часто бомбили... Так Лена прошла вместе с боевыми товарищами путь под бомбами через всю Польшу, Чехословакию, Венгрию, до самой Германии и впервые вступила на территорию врагов.

За все эти годы с ней не раз случались всякие жуткие истории. В это сложное время опасаться надо было не только чужих, но и своих... Ей приходилось не только дежурить в госпитале, но и провожать раненых в эвакуацию, в другие госпиталя. Однажды, когда она на «Газике» вместе с военным шофером-офицером отвезла и передала тяжело раненого в специальный медпоезд и уже возвращалась назад, водитель завез ее далеко в лес и попытался изнасиловать, угрожая пистолетом. Ей силой удалось вырваться, крича, что по возвращении она доложит начальнику госпиталя и насильника отдадут под трибунал. Таких часто расстреливали даже без суда и следствия. Ей удалось вырваться и убежать от него по лесной дороге. Она предпочитала замерзнуть в зимнем лесу, чем отдаться насильнику. Но он, не на шутку пе-

репугавшись, видя решительность девушки, вскоре нагнал ее и, уговорив сесть в машину, доставил обратно в госпиталь невредимой...

В это время, изголодавшиеся за долгие годы войны по женскому телу, солдаты и офицеры иногда не гнушались ни чем, даже под страхом расстрела вступали в интимные отношения и со своими, и с чужими на захваченных территориях; и госпиталь, располагавшийся уже в Германии, захватила волна сифилиса... Так что пришлось даже открыть специальное отделение, ведь заражение опасными болезнями, против которых было мало медикаментов, начало принимать угрожающие масштабы.

Иногда девушки, вместе с которыми Лена начинала учебу и боевой путь, теряли жизнь и по этой причине, а ещё и вследствие подпольных абортов, которые проводили порой сами, забеременев от случайных связей с офицерами и даже с ранеными солдатами. Жизнь продолжалась и здесь – в пламени войны, в котором некоторые уже видели... Звезды Любви; таких девушек отправляли в эвакуацию из-за внезапной беременности уже на высоких сроках.

Много ее боевых подруг остались лежать в чужой земле, в том числе немецкой, потеряв жизнь от инфекционных заболеваний и... абортов... Они боялись возвращаться домой, на родину, с животами, зная, как к этому отнесутся и не только их близкие...

В госпитале, расположенном под Берлином, они и встретили Победу. Там, в небе над чужой страной, она с восхищением смотрела на звёзды – настоящие и «салютные», и впервые за фронтовое время по ее щекам текли слёзы и радости, и одновременно печали из-за того, что ее родители не видят этих звёзд...

В небольшом немецком городке, где было много разрушенных домов и бедствующих людей, госпиталь оказался в наилучших, по сравнению с прошлыми, условиях. Он был размещен в здании больницы и раненым оказывали помощь более квалифицированно, а девушки-медсестры могли слегка отойти от всех перенесенных испытаний. Сюда в поисках хоть какого-то продовольствия приходили немки и им иногда давали работу на кухне, оплачивая питанием. Частенько девушки подкармливали немецких детей и стариков. Лена не могла их ни в чем винить и считала их тоже жертвами этой страшной войны. Ей тогда и в голову не приходило видеть в них матерей и жен врагов.

По полям и лесам бродил голодный скот. Тощие коровы с раздутым выменем жалобно мычали, и городским девушкам, никогда не знавшим сельских работ, удавалось иногда их неумело подоить.

Однажды за Леной, в свободный час вышедшей прогуляться в поле, помчался разъяренный голодный бык. Она была в красной кофточке, которую наряду с другим барахлишком раздобыла где-то в брошенном полуразрушенном доме (немецкие семьи позажиточнее бежали при наступлении русских, бросив порой абсолютно все в домах и квартирах). Она мчалась от этого быка, спотыкаясь и падая, понимая, как нелепо может вдруг кончиться сейчас ее жизнь. И спаслась, добежав до леса и вскарабкавшись на дерево, чего прежде никогда не умела делать. В госпиталь она явилась вся ободранная и насмерть перепуганная.

В это время в Германии началась эпидемия брюшного тифа, уже косившая и немцев, и наших. Когда персонал госпиталя в сентябре 1945-го отправляли на родину в, так называемых, «телячьих» вагонах, Лена уже

чувствовала страшный озноб… К тому же, когда они пересаживались из одного поезда в другой, она сделала пару шагов в сторону к крану, чтобы набрать воды с собой, так как ее мучила сильная жажда, у неё опять украли чемодан. А в нем была тёплая «трофейная одежда», кое-какие подарки для родственников и запас провизии в дорогу. Стояла прохладная осень, а она снова, как и во время пути на фронт, оказалась лишь в легком платьице… Всю долгую дорогу домой ее страшно лихорадило и она почти не помнила, как прибыла в Ленинград. От вокзала Лену довезли на военном «Газике» прямо до ее дома на улице Рубинштейна у «Пяти углов… Родных она о своем возвращении не предупредила и теперь со стучащим от волнения сердцем ранним осенним утром 25 сентября 1945 года еле поднималась по лестнице. Она позвонила в дверь своей квартиры, и Дарья открыла ей, всплеснув руками от неожиданности…

В своей комнате Лена обнаружила две детские кроватки – в одной крепко спал, закинув ручки за головку, двухлетний Стасик, а в другой был крохотный, плотно запелёнатый сверточек – маленькая новорожденная девочка шести дней от роду… Это была дочка Люды, которая продолжала трудиться в булочной. Люда обменивалась с Леной редкими письмами, но о втором ребенке ей ничего не сообщила. Девочка была названа Викторией в честь Победы, в год которой она и родилась! Но не успела Лена порадоваться племянникам, как тяжелейший брюшной тиф сбил ее с ног. Вернувшаяся с работы, перепуганная Людмила тут же отправила сестру в инфекционную больницу, переполненную больными людьми. Теперь уже не война, а болезни косили их слабые и тщедушные тела, ещё неокрепшие за короткое мирное время. Не хватало лекарств, медицинского пер-

сонала, санитария заставляла желать лучшего, и Лена умирала, задыхаясь в духоте тесной палаты. У нее была тяжелейшая форма брюшного тифа, когда кишечник испещрён язвами, и человек теряет много крови, сознание уже оставило ее... У Лены не было шансов на спасение, но в больницу прибежал ее брат Григорий. Он тоже недавно вернулся с войны и еще не успел снять морского бушлата. Так он и явился в кабинет главного врача, увидев сестру в полном беспамятстве. Ей, уже как практически безнадежной, перестали оказывать помощь, оставив на произвол судьбы... Разъяренный увиденным, он буквально ворвался в кабинет главврача с намереньем схватить его за грудки. Тот от страха попятился.

«Если моя сестра умрет, не постою ни за чем – мне терять нечего! – проревел Григорий. – Сволочи, что же вы делаете?! Ведь девчонка сама медсестра, фронтовыми дорогами прошла до самой Германии! Выжила! Чтобы здесь погибнуть?! А ну принимайте сейчас же меры!» – закричал он и схватился за кобуру на поясе... Понятно, что он рисковал жизнью... Но главврач не стал вызывать соответствующую службу, слова моряка его, вероятно, и самого тронули... И Лену выцарапали из когтей смерти...

Несколько месяцев пролежала она в больнице и долго уже после выздоровления не могла ходить... Ноги ее не слушались. А когда, осилив несколько первых шагов, взглянула на себя в зеркало, испугалась отражения: на ее наголо остриженной голове топорщились едва заметные волосы, а на белом лице выделялись лишь глубоко запавшие глаза... Людмила с матерью потом выхаживали ее наравне с малышами.

Едва оправившись от тифа, Лена поступила на учебу в медицинское училище, чтобы получить профессию медсестры по полной программе, ведь во время войны она закончила только краткосрочные курсы. Медицинские знания помогли ей чуть позже спасти крошечную племянницу. Однажды, когда она на минутку заехала домой после практики в другом городе, она обратила внимание, что малышка Виктория лежит в своей кроватке и ее губки странно искривлены. Лена взяла девочку на руки и почувствовала, что она буквально горит – столбик термометра поднялся выше 40 градусов... Люда очень много работала, и дети были оставлены на попечение неграмотной бабушки Дарьи. Вид девочки бабушку ничуть не насторожил – мало ли у малышей обычных детских болезней?.. Но Лена немедленно, несмотря на протесты бабушки, закутала малышку в одеяло и помчалась с ней в детскую инфекционную больницу. И не напрасно! У девочки был диагностирован полиомиелит (детский спинномозговой паралич, острое инфекционное заболевание, обусловленное поражением серого вещества костного мозга), и минута промедления могла стоить ей жизни, а в лучшем случае – сделать инвалидом на всю жизнь... Малышке оказали немедленную помощь, и она поправилась после длительного лечения в больнице, только слегка искривлённый ротик напоминал о страшном недуге, который едва не убил ее. Так на небо была возвращена «падающая звезда» маленькой Виктории, само имя которой символизировало Победу; а дружба с племянницей продолжалась потом у Лены всю жизнь...

Лена с детства мечтала о профессии юриста, так как ей очень хотелось защищать права людей. И сейчас одна их фронтовых подруг упорно звала ее поступать

вместе с ней в вечернюю школу и Юридический институт. Но у подруги были две старшие сестры, уже стоящие на ногах и способные ее поддержать во время учебы, а у Лены – только Людмила, у которой на шее уже были двое собственных детей и мать. Так что выбирать не приходилось – нужна была такая профессия научиться которой можно было быстро, чтобы немедленно приступить к работе и зарабатывать самой себе на хлеб. Так что ее детские мечты разлетелись вдребезги, и она, всплакнув, попрощалась с ними и пожелала подруге удачи в достижении карьеры юриста...

Этот вынужденно сделанный выбор перевернул всю ее жизнь, оставив долгие годы на мизерной зарплате медсестры. Уже в зрелые годы она, с грустью вспоминая о своих неиспользованных из-за потери родителей в блокаду возможностях, читала очень точные строки из поэмы Константина Симонова, где говорилось о сыне медсестры: «...что с трудом одет без заплаты на ее, медсестры, зарплату...» Это было советской реальностью.

Позднее, уже в далеком будущем, в 60-е годы, та самая подруга, которая звала ее когда-то учиться в юридический, навестила Лену, живущую с дочкой и мужем в той самой очень скромной комнатке коммуналки у «Пяти углов», где они с трудом перебивались на свои «копейки». Подруга стала после окончания института военным юристом и жила со своей семьей в просторной отдельной квартире в центре города. Маленькая Наташа с восторгом смотрела на полковничий мундир на широких плечах маминой подруги, внезапно посетившей их, еле помещавшейся на стуле, робко подвинутом мамой – смущенной, мягко говоря, скромностью их обстановки. Тетя Люся имела такую колоритную фигуру , что маленькой Наташке казалось, что она занимает

полкомнаты. Ещё бы, женщина-полковник! Они угощали «именитую» подругу чаем с тонко нарезанной дешевой «отдельной» колбасой, разложенной на ломтях «городской», тоже самой дешевой, булки, то есть продуктами, которые они только и могли себе позволить, чтобы как-то протянуть месяц...

А тогда после окончания сестринской школы, с новыми «корочками» медсестры, Лена работала в женской консультации, получая свои скудные 28 рублей зарплаты. Затем она случайно встретила врача из фронтового госпиталя, и он порекомендовал девушку для работы в «Военно-медицинскую морскую академию» на кафедру акушерства и гинекологии, где Ленина зарплата тут же подскочила до уже куда более ощутимого уровня... Времена в это время были неспокойные, как теперь их называют, «сталинские»... Развертывалось, так называемое, «Дело врачей».

Далекая от политики Лена ощущала это, когда на их кафедре стали все чаще появляться люди в черных кожанках и вызывать в кабинет заведующего кафедрой одного за другим молодых врачей-офицеров, прошедших войну и явившихся с Победой. Она видела, как их уводили, сначала ничего не понимающих, с застывшей улыбках на открытых лицах. Больше они на кафедру не возвращались... И скоро она поняла – почему... Затем один за другим стали увольнять из академии персонал, имевший в паспорте еврейскую национальность. И здесь эта волна захватила уже всех, вплоть до нянечек и уборщиц... До войны в метриках отсутствовала национальность, и в этом месте у многих стоял прочерк, хотя эта, так называемая, «пятая графа», уже и была Сталиным введена. Теперь же она стала роковой для сотен тысяч родившихся в Советском Союзе людей с еврей-

ской национальностью… К этому времени Лена уже была беременна Наташей и поначалу даже гордилась, что родилась в один день со Сталиным – с поправкой на годы, разумеется, но зато именно 21 декабря. А потом беременная Лена вместе с другими своими же согражданами плакала в день, когда Сталин в марте умер. Ведь тогда в Академии все думали, что «Дело врачей» – дело рук не Сталина, а его помощника Берии, который обманул доверчивого «Отца народов»… Позднее Наташа не раз слышала разговоры родителей о том, что могло бы быть и с их семьей, если бы Сталин не умер… Во всяком случае – родители поминали «вождя народов» недобрым словом и говорили, что благодарят звёзды, что его вовремя не стало; в бога в их семье никогда не верили, особенно после того, что пережили…

И Наташа тоже никогда не забывала о звёздах. Когда ей было плохо, она думала о Плеядах. О том, ее любимом с детства древнегреческом мифе, с которым ее познакомил когда-то папа. О том, как сестер-нимф, дочерей великана Атланта, которых звали Плеядами, преследовал охотник Орион, и они обратились к богам за помощью. Тогда верховный бог греков Зевс превратил их в голубок, которые должны были носить в клювиках Амброзию на Олимп. Но на этом трудном пути их поджидали плавающие скалы: сдвигаясь, они каждый раз убивали одну из голубок, а Орион продолжал преследовать и тех сестер, которые оставались в живых… Тогда Зевс сжалился и, превратив Плеяд в звезды, поместил их на небо в созвездие Тельца… Но и охотника Ориона Зевс наказал особым, весьма изощренным, образом. Он и его превратил в группу звёзд в виде созвездия Орион, да так, что обрёк Ориона на вечную бесплодную гонку

за Плеядами, которых ему все равно никогда не догнать, только теперь уже на небе...

Наташка и сама родилась под созвездием Тельца, и иногда ощущала себя крохотной звёздочкой в любимом созвездии моряков. Да она и замуж за моряка вышла, который её тоже «Путеводной Звёздочкой» сначала называл, но как-то сбился с пути и попал на далекий Север, предпочитая службу там, куда более важным «гражданским долгом» по отношению к родине, чем по отношению к ней, Наташе, и к своей дочери, и к будущим внукам, которых ему так никогда и не довелось увидеть и прижать к груди... Он так всегда и говорил: «Если никто не желает жить и работать в тяжелых условиях крайнего севера, то это должен сделать я. Причём, если придётся выбирать между семьей и работой, я выберу работу как патриот своей родины...» Но подвиг его не слишком-то оценили, и моряк сгинул без всяких там «звёзд» в крохотной однокомнатной квартирке, на которую лишь и смог только заработать за 30 лет службы на полярной метеостанции, вдобавок к своим 4-ём инфарктам и смешной по размерам пенсии... Да вот и на неё-то пожить почти не успел на большой земле, и на Звёзды насмотреться тоже...

Наташкиным родителям повезло больше, если можно так выразиться, конечно. После многих лет, наполненных борьбой за выживание на земле, за которую воевали, щедро политой кровью их предков, они попали туда, где можно было спокойно наконец-то преклонить колени: в ту страну, которую они когда-то успели освободить от зла, и которая пыталась всеми силами помнить об этом и платить им вниманием, почтением и заботой до последней минуты...

Лена, приехавшая в Германию на костылях, и Михаил, долгие годы жестоко страдавший от различных заболеваний – последствий войны и послевоенной жизни, получили достойное лечение и вскоре в буквальном смысле встали на ноги – насколько позволял им их возраст; дожив до глубокой и обеспеченной старости. К счастью, они так и не стали «стариками», сохранив ясность ума, подвижность и живость духа. Их немецкий зять, муж Наташи, отличный врач и человек, постоянно, а особенно в годовщины Победы, говорил о том, что долгая жизнь дана им в награду за те подвиги и бесконечные добрые дела, которые они совершали в течение всей своей жизни. А ещё вокруг них постоянно были любящие и любимые внуки и правнуки, и Лена с Михаилом могли только радоваться и наслаждаться мирной и спокойной жизнью, хотя их нелегкие воспоминания не давали им покоя никогда... Да, разве возможно компенсировать украденную юность и не сбывшиеся мечты молодости, которым нет цены?.. Родственники, живущие на родине, считали, что их наверняка мучает тоска по ней... Но так ли это было на самом деле – трудно сказать, ведь даже самым близким людям трудно заглядывать в чужие души...

Наташин папа тоже очень любил наблюдать за движением планет на звёздном небе. Особенно его всегда восхищали Плеяды, и он научил любить и почитать их не только Наташу, но и ее мамочку. Когда она уходила с Земли в свои 95 лет ранним весенним утром, ее широко раскрытые глаза смотрели на небо, туда где обычно располагаются Плеяды, причём их ведь отовсюду можно наблюдать – равно, как из России, так и из Германии... Небо-то оно одно на всех – общее! И звёзды тоже! И кто этого не понимает, тот пусть пеняет на себя. Он

похож на охотника Ориона, обреченного вечно скитаться по небу… Так дедушка Миша учил и свою внучку, и уже начал учить правнуков… Но Наташка, которая и сама давно стала бабушкой, теперь видит в Плеядах не только недосягаемых для обидчика нимф, то есть теперь уже – звёзд, но и свою важную миссию. Сделать так, чтобы Плеяда их семьи продолжалась и на… Земле. Чтобы внуки, правнуки и праправнуки, в чьих жилах течёт кровь прежде враждующих друг с другом народов, никуда не собирались убегать с этой общей для всех прекрасной и цветущей планеты. Чтобы замечательной земной Плеяде их семьи, умеющей писать картины, музицировать, сочинять стихи, создавать прекрасные фильмы, врачевать, совершать научные открытия и нести добро в сердца и души людей любой национальности, никогда бы и в голову не пришло скрываться от погонь на небе. И они, живя на мирной Земле, ставшей им тёплым и прочным домом, дарили эти звёзды всем любимым и любящим их людям, передавая их немеркнущий свет от сердца к сердцу по наследству как величайший клад, никогда не забывая о Великой Плеяде своих предшественников, подаривших им жизнь, которая только таким образом и будет продолжаться вечно!

Леонид Колганов

Широта и долгота

Великие цари и полководцы,
Вы шли, сметая всё, как Божья рать,
И только бабьего лукавого народца
Не удалось сломить и обломать!
Вы плыли, словно мудрые дельфины,
Как синие огромные киты…
А ночью растворялись исполины
Средь бабьей широты и долготы!
Средь этой широты и долготы
И полководцы – лишь слепые черви,
Какие-то подземные кроты;
В них растворился даже Питер Первый!
Никто народец сей не обломал,
Такой сладимый и такой порочный…
О бедный Гамлет, ты сошёл с ума,
И не на датской, а на женской почве!

Народ-Поэт или русский Нюрнберг

Памяти убиенных поэтов

В веках он – побеждённый победитель,
Вы с ним смогли расправиться легко,
Но – встав из тьмы, как грозный обвинитель,
Он победителей гнал очень далеко!
И с ним все побежденные вставали,
И гнали победителей своих,
И рушились чудовища из стали,
И прогибались от атак стальных!
И пригибались, вставши на колени,
Покуда все они не полегли;
Страшней нет силы в нашем измереньи,
Чем сила тех, кто встал из-под земли!
Как фрицы от Москвы – они бежали,
Но доставал их всех восставший стих;
То мёртвые из гроба восставали
И зарывали мертвецов живых!
Как черти, что отбросили копыта,
Они валились, не сдержав напор.
Так восстаёт народ, живьем зарытый,
И победителей сметает, словно сор!
И никакие не спасут советы
Лукавые – хоть век пройдет, хоть год –
Когда восстанут мёртвые поэты.
Зарыть поэта – что зарыть народ!
И никакие не спасут заборы,
Одна дорога будет – на тот Свет,
Когда вам зачитает приговоры
Восставший супротив Народ-Поэт!

Нет – никого закапывать не надо,
Живите вы, как жили до сих пор;
Но вас раздавит льдяная Громада,
Моральный Нюрнберг, словно приговор!
Но опускается железная завеса!
Как занавес железный – облака…
И Нюрнбергского русского процесса
В России не предвидится пока!
Но никакая не спасёт завеса;
Громоподобная нависла тишина.
И силища подспудного процесса –
Ста Нюрнбергам по мощности равна!
И в нюрнбергские глядя все скрижали,
Я вижу: вы подлее тех – других,
Чужих убивцы эти убивали,
А вы намного больше… и своих!
Но ангел смерти прошуршал крылатый,
И начался уже Времен отсчёт…
И Русский Нюрнберг – Атомный Реактор,
Как сто Чернобылей, когда-нибудь рванёт!

Нани Сариду

Искушение

«Отче наш, сущий на небесах...
И не введи нас в искушение,
Но избави нас от Лукавого, Аминь!»
Молитва «Отче наш»

1

Добро со Злом сошлись на вече
Со свитой верною своей:
Напротив Света с Правдой – Темень
и Ложь, напротив Ночи – День.

Добру лукаво Зло сказало:
«Твой враг заклятый с давних пор,
Сиамский брат мой, я устало,
Пора завязывать с войной!

Симметрия и равновесие
Присущи Миру – мы с тобой
Две стороны одной монеты:
С обратной я, ты с лицевой.

Открыто правишь, движу тайно
Умом, инстинктами людей;
Сильнее мощь моя, признайся!»
«Проверим это поскорей!»

Жизнь эфемерна в Мире Смертных,
На новоявленный бутон
Нашли несметных искушений;
А там посмотрим – «что почём»!

Поможет кто ль ему раскрыться –
За новоявленным цветком
Понаблюдаем вместе скрытно –
Кто будет добр с ним, кто жесток!»

2

Росянку нежили в теплице,
Лелея дорогой заказ –
Подкармливая органичной
Специальной смесью каждый раз.

Когда соцветье распускалось,
Оно охотилось само
На насекомых, их прельщая
Нектаром. Вскоре Зло пришло.

Приход невежды на работу
Конец цветка определил,
Созданье редкостной породы
Сопротивлялось, что есть сил.

Вопя от сухости и света:
«Меня лучами Солнца жжёт!»
Мольба осталась без ответа –
обратный начался отсчёт.

Крик в пустоту и ожиданье…
Упавший наземь стебелёк –
Опавших листиков прощанье
С так мало познанной Землёй…

Итог халатности, незнанья? –
Из Рая изгнан чуть живой,
Не оправдавший ожиданья,
Лежит под мусора горой.

3

Врачует воля – лёгкий шелест,
порывы ветра, древа тень,
волной дождя омыт, излечен
Больной… Голодный, каждый день

Кукует в кроне кукушонок –
К чужим подброшенный в гнездо;
Бросает, жадностью ведомый,
На землю яйца – не дано

Его собратьям появиться
На свет, составив рацион
Росянке, крепнувшей от птичьих
Желтков и прочего всего.

Растёт растение, подружившись
С рыхлящим перегной червём,
Росянку радуют одежды
Чудесных бабочек, а днём

Её щекочут пчёлок крылья
И муравьиный хоровод…
Без страха может жить отныне –
Здесь Отчий дом её, оплот!

«Я вижу – осознал отлично,
Всё относительно? Добром

Цветку казался рай тепличный,
А жизнь на воле – сущим Злом».

«Мне говорил о превосходстве:
Своём, о превосходстве Зла;
Я не согласен, у питомца
Есть твёрдый стержень, а пока

За ним ещё понаблюдаем!
Давай, извечный антипод,
его пред выбором поставим,
узнаем, кто же он такой?!»

4

Сперва Росянку напугало
Обилие звуков, смена фаз –
Восходы с крупною росою
И встречи с Солнцем каждый раз.

В теплице всё текло иначе –
Однообразно, без проблем:
Без голосистых лягушачьих,
Без певчих птиц, задир-шмелей,

Без нежного прикосновенья
Коровок божьих, муравьёв,
Без разнотравья и цветенья
Деревьев рослых и грибов.

5

Однажды утром на рассвете
Проснувшись, смутно поняла,

Как повзрослела, расцвела –
Раскрылось яркое соцветье.

Витал повсюду запах терпкий...
И исходит он от неё,
Притягивая к ней мгновенно,
Дурманя всякое живьё.

Вокруг сошлись друзья – кружились
Шмели и пчёлы, ведь нектар
Быть очень вкусным обещал –
Двойная радость: с ней дружили...

6

«Цветка душистого краса
Сулит блаженство, я присяду?» –
Спросила сдержанно оса.
«Да, пей нектар, я буду рада!»

Росянка с гордостью ждала
Вердикт разборчивой подруги,
Та с упоеньем сок пила,
Когда увязли в чём-то ноги.

Напрасно трепыхалась в нём
Оса, пока ещё живая,
Но чем сильнее билась та,
Тем крепче челюсти сжимала

Росянка. «Не могла убить Тебя,
подруга дорогая!» –
Жестоко Зло шепнуло ей:
«Охота – жизнь твоя вторая.

Убийственна твоя краса.
Она романтикам приманка,
Глупцам, летящим на нектар,
всем жертвам – тем, кому желанна».

«Всё ложь, я не сподвижник Зла,
Я не согласна жить убийцей!..
И вправду монстр я – ведь могла
спасти её. Увы, не вышло!

Уйдите все – прокажена,
Я не желаю зла другому!
Не приближайтесь, я одна
докончу путь свой на Голгофу!»

И сжавшись комом, простояв
так дни, недели, добровольно
рассталась с Миром, обретя
душевный мир. И Зло, невольно

впервые в жизни промолчав
и устыдясь бахвальства в споре,
ждало напыщенных бравад
Противника, страшась позора.

7

«В Миру вещественном царят
Законы физики, с тобою
Придётся встретиться не раз
Нам в Мире Мыслящих, не скрою.

Но помни, ставя каждый раз
На слабость, низменность любую –

Разрушу хитроумный план
твой Благородством и Любовью.

Есть воля выбора и Честь,
Простая жертвенности сила.
Пока они на свете есть – Я бодрствую!
Ты – не всесильно!»

МЕЖДУНАРОДНАЯ
ГИЛЬДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ

Содержание

Для чего люди пишут? 4
Анна Подгорная 10
Джон Толкин 18
Эдгар Аллан По 20
Антон Чехов 22
Борис Пастернак 28
Иван Крылов 30
Тони Моррисон 32
Валентина Рогачёва 34
Баходыр Эргашев 38
Эмма Прибыльская 40
Наталья Шабло 41
Ольга Фокина 42
Славка Мариновска 43
Григорий Гачкевич 48
Галина Долгая 51
Татьяна Бадакова 52
Елена Ханина 59
Светлана Романова 60
Валентина Бендерская 64
Марина Ламбертц-Симонова 66
Ирина Хенкина 67
Ирина Яворовская 69
Билал Адилов 72
Антон Митляйдер 73
Варис Елчиев Муса 76
Леонид Колганов 81
Эрих Мария Ремарк 84
Илана Городисская 85
Барбара Картленд 90

Эрнест Хемингуэй 92
Виктория Левина 94
Татьяна Кайзер 101
Ги де Мопассан 112
Максим Сафиулин 114
Вальтер Скотт 115
Ольга Равченко 122
Надежда Фурзенко 123
Нани Сариду 131
Тома Блюм 136
Даниель Дефо 138
Джон ле Карре 140
Иван Бунин 142
Даниил Андреев 146
Александр Василенко 149
Александр Василенко, Антон Митляйдер 150
Татьяна Прит 155
Стефан Цвейг 157
Александр Солженицын 162
Гюстав Флобер 164
Михаэль Кречмер 166
ПРИЛОЖЕНИЕ
Славка Мариновска 180
Григорий Гачкевич 204
Татьяна Бадакова 221
Валентина Бендерская 230
Марина Ламбертц-Симонова 233
Леонид Колганов 277
Нани Сариду 280

Коллектив современных авторов
Литературный альманах-ежегодник «Плеяда»

Verlag „STELLA“
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
artstellapro@gmail.com
Tel. +491743840306

ISBN 978-3-95772-258-4

9 783957 722584

ingild.com